

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

**СКРИПАЧ, ИЛИ
ЗВОНОК ИЗ
ПРОШЛОГО**

Оглавление

О КНИГЕ.....	6
ПРОЛОГ.....	11
ЧАСТЬ 1.....	17
Глава 1	17
Глава 2	20
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	41
Глава 6	48
Глава 7	50
Глава 8	57
Глава 9	61
Глава 10	73
ЧАСТЬ 2.....	79
Глава 1	79
Глава 2	87
Глава 3	129
Глава 4	136

Глава 5	145
Глава 6	150
Глава 7	153
ЧАСТЬ 3	161
Глава 1	161
Глава 2	167
Глава 3	172
Глава 4	180
Глава 5	182
Глава 6	186
Глава 7	191
Глава 8	202
Глава 9	211
Глава 10	216
Глава 11	218
Глава 12	221
ЧАСТЬ 4	222
Глава 1	222
Глава 2	232
Глава 3	233
Глава 4	235
Глава 5	243

Глава 6	259
Глава 7	264
Глава 8	269
ЧАСТЬ 5.....	276
Глава 1	276
Глава 2	284
Глава 3	287
Глава 4	292
Глава 5	301
Глава 6	312
Глава 7	319
Глава 8	325
Глава 9	333
Глава 10	338
Глава 11	345
Глава 12	348
Глава 13	355
Глава 14	366
ЧАСТЬ 6.....	371
Глава 1	371
Глава 2	378
Глава 3	381

Глава 4	392
Глава 5	411
Глава 6	415
Глава 7	421
Глава 8	425
ЧАСТЬ 7	429
Глава 1	429
Глава 2	435
Глава 3	438
Глава 4	441
Глава 5	452
Глава 6	455

© 2013 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге.

Новый роман известного писателя и психолога из Санкт-Петербурга Сергея Зелинского «Скрипач, или звонок из прошлого», по мнению ряда ведущих литературных критиков, является одним из лучших современных психологических романов.

«Скрипач...» - это психологический детектив и настоящий интеллектуальный триллер, в котором, за явно просматриваемым сюжетом криминально-

психологической драмы, ярко очерчиваются дополнительные сюжетные линии, появляющиеся по мере чтения книги, и заставляя читателя испытывать поистине ни с чем не сравнимое удовольствие.

Автор талантливо и убедительно представляет психологические портреты, в ряде которых читатель узнает и частичку и того, что находится в душе его самого и его знакомых, и при этом понимая, что такого никогда в его жизни не происходило. Или наоборот - это описана его жизнь, жизнь читателя? Погружение в образы героев и описанные в книге события настолько очевидны, что на многие вопросы ответы приходят только после прочтения книги, которая заставляет думать над психологическими портретами человечества и помогают понять себя.

С.А.

Зелинский

**Скрипач, или
звонок из прошлого**

Altaspera

CANADA

2013

С. А. Зелинский.

Скрипач, или звонок из прошлого.

Роман.— CANADA.: Altaspera Publishing & Literary Agency Inc, 2013. — 307 с.

Новый роман известного писателя и психолога из Санкт-Петербурга Сергея Зелинского «Скрипач, или звонок из прошлого», по мнению ряда ведущих литературных критиков, является одним из лучших современных психологических романов.

«Скрипач...» - это психологический детектив и настоящий интеллектуальный триллер, в котором, за явно просматриваемым сюжетом криминально-психологической драмы, ярко очерчиваются дополнительные сюжетные линии, появляющиеся по мере чтения книги, и заставляя читателя испытывать поистине ни с чем не сравнимое удовольствие.

Автор талантливо и убедительно представляет психологические портреты, в ряде которых читатель узнает и частичку и того, что находится в душе его самого и его знакомых, и при этом понимая, что такого

никогда в его жизни не происходило. Или наоборот - это описана его жизнь, жизнь читателя?

Погружение в образы героев и описанные в книге события настолько очевидны, что на многие вопросы ответы приходят только после прочтения книги, которая заставляет думать над психологическими портретами человечества и помогают понять себя.

ISBN 9781304239884

© ALTASPERA PUBLISHING &
LITERARY AGENCY

© Зелинский С. А., 2013

Текст печатается в авторской
редакции.

Все права защищены. Никакая часть
данной книги не может быть
воспроизведена в какой бы то ни было
форме без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

роман

Скрипач, или звонок из прошлого

'Нет ничего тайного, что не сделалось бы
явным...'

От Марка 4:22

Пролог

Небольшой провинциальный городок. Осень, грязь, слякоть, накрапывает дождь. Мужчина средних лет и среднего сложения, запахиваясь в темно-зеленый плащ, спешит домой, стремясь побыстрее пройти улицу и оказаться в тепле квартиры.

В этот час прохожих на улице немного. А те, кто еще оставались, старались скорее оказаться под крышей. Лучше своего дома. Хотя под крышами

остановок спрятались один-два потенциальных пассажиров, видимо еще надеющихся уехать на последнем автобусе. Трамваев и троллейбусов в городе как-то исторически никогда не было. Маршрутные такси для большинства слишком дорого. Обычные такси, конечно, есть, но фактически мужчина уже дошел до своего дома и потянулся к ручке двери парадной. Вообще, конечно, не парадная -- а подъезд. И дверь такая же грязная и обшарпанная как и дом, построенный еще во время Никиты Хрущева.

В подъезде темно, потому как лампочки традиционно кто-то скручивал или разбивал, а новые не успевали загораться.

Но мужчине было все равно. Он жил на втором этаже. Жил один. Работал инженером на ТЭЦ. И у него не было врагов. Потому как нечему было завидовать. Вполне типичная жизнь. Был женат; развелся. Взрослый сын живет своей жизнью. Зарплату на работе второй месяц задерживают. Наличных денег в портмоне, после покупки нескольких пачек сигарет, практически не осталось; да и на самом деле - кому он был нужен, чтобы на

него нападать? - отчего-то пришел ему в голову неожиданный вопрос.

'Гусарский, Макар Игоревич?' -- услышал он хриплый баритон обращавшегося к нему человека.

'Да',-- автоматически произнес мужчина, невольно подумав, что странное место кто-то нашел для встреч. В темном подъезде.

'А я вас давно уже жду',-- ответил голос, по каким-то ноткам показавшийся Гусарскому знакомым.

'Кто вы?'-- несколько обеспокоено спросил Гусарский.

Щелкнувшая зажигалка осветила красную книжечку.

'Капитан Григорьев. Ваш новый участковый',-- ответил голос.-Давайте поднимемся, у меня к вам дело'.

На душе мужчины отлегло. Возникший испуг - ушел. И хоть оставалось непонятным, зачем к нему пришел участковый, в темном подъезде это было лучше, чем если напал бы на него грабитель или убийца. И хотя убивать, как он считал, его

действительно было не за что, но ограбить вполне могли. От подобного в России не зарекаются.

.....

.....

Фотообъектив щелкнувшего вспышкой фотоаппарата направлен на уже знакомого нам мужчину, лежащего лицом вниз на пороге межкомнатной двери, между прихожей и комнатой однокомнатной квартиры. Слева от входной двери - проход в комнату. Прямо - кухня. Мужчины в форме и без - сотрудники милиции. 'Гусарский Макар Игоревич',-- читает кто-то вслух (судя по всему -- сотрудник правоохранительных органов). За исключением свидетелей и, собственно, убитого - все остальные присутствующие в квартире относились к правоохранительным органам, которых вызвали соседи по лестничной клетке, обеспокоенные тем, что дверь в квартире Гусарского открыта, и подозревавшие что произошло ограбление. Оказалось - убийство.

В ходе следствия выяснилось, что жил Макар Игоревич один, имел взрослого сына, двадцати трех лет от роду, уехавшего на заработки то ли в Москву, то ли в какой другой крупный город, когда-то был женат, развелся, с женой после совершеннолетия сына не общался, на работе характеризовался положительно, друзей не имел, в посиделках с коллегами после работы не участвовал, ну и, в общем вел, можно сказать, полузатворнический образ жизни.

Тем более показалась странной его смерть. Причем, нашли бы его с веревкой, обмотанной вокруг шеи, или еще как -- с легкостью списали бы на самоубийство без проведения серьезного расследования. Да и какое-то расследование к результату не привело. Смерть констатировали в результате нанесения ударом... Ну, в общем, у следователей создалось впечатление, что Гусарского просто забили. Можно было предположить, что первый удар уже лишил Гусарского сознания, а остальными преступник или преступники просто добили жертву.

Вопрос: почему убитого выбрали на роль жертвы, так и остался вопросом. В квартире было

ничего не тронуту. Да и каких-то ценностей не водилось. А судя по обстановке - он и вовсе жил на грани нищеты.

Не пил. 'Подшился' еще два года назад.

А через время дело списали в архив. Как и десятки других дел в городе, и многие сотни, а то и тысячи - по стране.

Да и мы, может быть, не обратили бы на это дело внимание, если бы...

Если бы не сын Гусарского, Антон Макарович Гусарский, студент последнего курса факультета журналистики МГУ, предпринявший собственное расследование, и вскоре обнаруживший, что несколькими месяцами ранее его отец был жестоко избит. И схожим избиениям подверглись еще несколько знакомых отца, вернее - его бывших одноклассников. А несколько бывших одноклассниц - оказались изнасилованы.

Каким образом об это удалось узнать Антону - молодой человек поначалу предпочитал держать в тайне. А потом рассказал, что встретился с семейной парой, которые были когда-то одноклассниками его отца, и уже от них узнал о подобных случаях. Причем

дядя Митя (одноклассник убитого родителя) случайно встретившись с опоздавшим на поминки Антоном и во всем ему признавшись, потом открещивался от своих слов, сказанных, как он выразился, в состоянии аффекта. Но у Антона уже начала вырисовываться странность картины происходящего. И он начал собственное расследование.

Часть 1

Глава 1

Он не мог успокоиться. Всю жизнь он довольствовался той жизнью, которой заставили жить его эти люди.

Жизнью, которую он выбрал по воле этих людей. Жизнью, которая совсем не отражала его внутренний мир. Но словно бы вынужденно подчиняла его. Вынуждала подчиняться. Как когда-то вынудила забросить музыку (окончил музыкальную школу по классу скрипки) и заняться боксом. По боксу он стал мастером. А профессиональным

музыкантом так и не стал. Выбрав вместо консерватории - профессию тренера в детско-юношеской спортивной школе, тренера по боксу.

Сейчас он стал убийцей...

Удивительно, но сам Валентин действительно не осознавал себя в роли убийцы. Да и какой он убийца? Хотя, наверное, и действительно убийца. Если убил человека.

Но ведь и не просто убил. Ведь он не убил как бы совсем без причины. Да и причина была. И даже более чем серьезная причина.

Хотя и может быть (так он тоже думал иногда) ему просто 'снесло планку'. И встретившись с человеком, который когда-то унижал его - не сдержался, дал волю чувствам, и забил бывшего одноклассника. Также как несколькими месяцами ранее избил его. Избил жестоко. Почти сразу нокаутировав, и после уже избивая неподвижное тело человека, ставшего его неожиданным спарринг-партнером. Точнее, это он сделал из него спарринг-партнера. А никакого спарринга не было. Был бой, как говорится, в одни ворота, или, как говорят боксеры, 'в

одну калитку'. И противник не сопротивлялся. Также как когда-то не сопротивлялся и он, когда дворовые мальчишки, сговорившись с его одноклассниками, постоянно избивали и притесняли Валентина.

Отбирая карманные деньги, и всячески унижая.

Это потом он уже забросил скрипку и стал боксером, призером чемпионата Советского Союза по боксу, переехал сначала в Москву, а после завершения спортивной карьеры в Ленинград, где устроился детским тренером в СДЮШОР Красногвардейского района. И все словно бы говорило о том, что он забыл былые обиды. Да и жил, должно быть, какой-то своей жизнью.

Но вот исполнилось ему сорок семь, и он понял, что жизнь близится к завершению, а ничего у него в этой жизни не получилось. Не получилось так, как он того хотел. После чего, видимо, стал искать виновных.

Примерно так считал Антон Гусарский, сын убитого Лисовским мужчины. Антон мог признаться, что проделал колоссальную работу. Работу, которая в какой-то мере изменила (ну или начала изменять) его

мировоззрение. Потому как в двадцать три года еще могло найтись нечто, что смогло бы переменить взгляды молодого человека на жизнь. Жизнь, которая никогда не казалась ему справедливой. И в этом он улавливал некую схожесть с Лисовским. Который не считал справедливыми ни саму жизнь, ни отношения к нему в этой жизни других людей. Но и все равно, видимо нашлись какие-то особенные обстоятельства, заставившие его мстить. Изменить жизнь. Сделать жизнь совсем другой, нежели чем она была когда-то.

Лисовский действительно убил своего бывшего одноклассника. А еще раньше - избил его. И не только его. Не его одного...

Глава 2

Варвара Сергеевна работу сегодня закончила раньше обычного. Была пятница. А завтра, помимо выходного, был еще и праздник. Не ахти какой, конечно, праздник в ее представлении. Но это был повод поздравить мужа, с которым жила уже десять

лет; тем более что в последнее время обыденность жизни как раз и скрашивали такие праздники.

Праздники они традиционно проводили вдвоем. Дети выросли и жили отдельно (дети от предыдущих браков, общих не было). Гостей не ждали. Разве что могла придти подруга с мужем. А могла и не придти. Варвара еще должна была обсудить с мужем план предстоящих праздничных выходных, а потому, подумав об этом, засобиравшись домой.

Неожиданно в кабинет начальника районного СЭС, на должность которого недавно была назначена Варвара Сергеевна, вошел посетитель.

Женщина недоуменно уставилась на вошедшего.

--Сейчас не часы приема. Да и рабочий день закончился,-- машинально произнесла она, повернувшись в полуоборот к посетителю, и начав укладывать документы с рабочего стола с сумочку. Волей-неволей часть документов приходилось брать домой. К своей работе Варвара Сергеевна относилась

трепетно, да и хотелось зарекомендовать себя на новой должности.

--А я к вам по личному делу,-- сказал посетитель, прикрывая за собой дверь.

--Мужчина, я же сказала...--проговорила, было, женщина, но вошедший уверенно направился к ней и протянул ладонь.

--Ключи,-- сухо сказал он.

--Что?- не поняла женщина.

--Ключи от двери,-- повторил мужчина.

Взгляд женщины непроизвольно скользнул по ключам, лежащим на ее рабочем столе. Мужчина проследил за ее взглядом, и через несколько секунд он вновь стоял перед ней. Дверь теперь была закрыта на ключ. Ключи мужчина положил себе в карман.

--Что вы себе позволяете?- недоуменно, и как ей показалось строго, произнесла женщина. Но в ее голосе уже читалась беспомощность. Ну, или стоявший напротив, был слишком уверен в себе. И она это поняла, заметив появившуюся на его губах улыбку.

--Закричать или нет?- подумала женщина.

Словно бы желая исключить что-то подобное, мужчина резко ударил ее ладонью по лицу. Женщину повернуло от удара, и она на миг потеряла сознание.

Очнулась Варвара от того, что почувствовала, как кто-то насиловал ее.

К ее стыду, она испытала нахлынувшее на нее возбуждение.

--Что вы себе позволяете,-- пробовала сказать она, но то ли губы пересохли, то ли обстановка не способствовала командному тону, и женщина не узнала своего голоса. Да и какой командный тон может быть в такой ситуации?

--Кто вы?- зачем-то спросила женщина, улучив момент когда ее переворачивали со спины на живот.

--Плохо, что ты меня не узнала,-- улыбнулся мужчина, входя в нее сзади и обхватив женщину за таз, возобновляя свои движения.

Закончив, посетитель с невозмутимым видом застегнул ширинку, и, усевшись в кресло, закурил.

--Тридцать лет собирался сделать что-то подобное,-- признался он, выпуская дым и пристально

смотря в глаза смущенной от всего произошедшего женщине.--Неужели ты меня и вправду не узнала?

Варвара Сергеевна отрицательно покачала головой, полуиспуганно полуотчужденно не сводя глаз с лица мужчины. На миг ей показалось что-то знакомое в его чертах.

--Я Лисовский,-- ответил мужчина.- Валентин Лисовский. Ну, или как ты меня когда-то презрительно называла - Валечка.

Она все поняла. Она вспомнила. Все вспомнила. Но словно бы еще не могла поверить, что сидевший перед ней мужчина, с властным лицом и жестким колючим взглядом тот самый Валя Лисовский, ее одноклассник, музыкант-очкарик, которого дружно они унижали всем классом.

--Не... Не может быть,-- устало покачала она головой.- Вы... вы не можете быть им.

--Почему же?- ехидно произнес Лисовский.- Потому что тот Валечка Лисовский казался вам никчемным неудачником, боявшегося каждого из вас и себя в том числе?- жестко произнес Лисовский и наклонившись к женщине, сухо ударил ее по лицу.

--Я давно мечтал это сделать?-
удовлетворенно ответил он, вставая.

--Да,-- обернулся он, подходя к двери.- Учти, если ты кому-то расскажешь, что здесь произошло - я тебя просто убью. Тебя и твою семью. Мне уже терять нечего,-- зло усмехнулся он и вышел.

А Варвара Сергеевна осталась сидеть. Куда-то идти ей расхотелось. А говорить кому-то... Так она бы и так не рассказала. Стыдно.

Глава 3

Антон задумался над происходящим. По всему получалось, что следователи удивительным образом не хотели доводить до конца начатое расследование. А в прокуратуре вообще посоветовали заниматься своим делом.

--Слишком маленький городок,-- подумал Гусарский.- Все или слишком повязаны друг с другом, или... или действительно я иду не по тому следу,-- неожиданно подумалось ему.

Антон нервно закурил и зашагал по комнате. Он остановился в квартире отца. У матери, давно живущей своей жизнью, несмотря на ее приглашение, он жить не стал.

В город он приехал на несколько месяцев. Официально - для написания диплома. На самом деле - дипломная работа была давно завершена и у него фактически образовалось свободное время, за которое он решил разобраться в этом странном деле. Ну, или это уже потом Антон Гусарский понял, что оно странное. А сначала он был преисполнен решимости найти убийцу отца. И...

Дальше его мысли несколько путались. Сначала он решил, что просто отдаст результаты собственного расследования в милицию и прокуратуру, и дальше предоставит дело правоохранительным органам. Теперь стал понимать, что это ничего не даст. И полученные им результаты на самом деле никому кроме него не нужны.

Появилось желание самому найти и наказать убийц. Молодому человеку было безразлично, что с ним будет потом. Хотелось, чтобы восторжествовала справедливость. Тем более он подумал, что вполне

возможно скрыть следы акта возмездия. Ведь садиться в тюрьму за справедливость -- не очень-то хотелось.

Несколько раз неосознанно он возвращался к подобным мыслям. И в который раз понимал, что о чем думает сейчас - нисколько и не важно. Главным был сам факт мщения. Справедливости. А то, что будет с ним после...

.....
.....

Выйти на след убийцы пока не удавалось. Несмотря на то, что у него были показания дяди Мити, одноклассника отца, утверждавшего, что несколько месяцев назад его, так же как отца, избил неизвестный, Антон чувствовал, что мужчина что-то не договаривает. Ведь наверняка утаивается всего лишь одна ключевая деталь, которая и смогла бы пролить свет на дело,-- подумал Антон, но все его попытки заставить дядю Митю рассказать нечто

большее, рассказать все то, что он знал, заканчивались безрезультатно. Мужчина уверенно молчал.

Почти случайно Антон узнал, что изнасиловали жену дяди Мити, Тамару Георгиевну. Узнал об этом от подруги Тамары Георгиевны, с которой пришлось даже ради подобного переспать и слегка напоить. Ну, или сначала напоить, а потом переспать. Хотя по виду подруги (представившейся вдовой) было видно, что она сама не прочь вступить в контакт с молодым человеком. Уж очень она откровенно скашивала глаза на соответствующее место в его брюках. Антон даже неосознанно проверил, застегнута ли ширинка, да потом все понял по непроизвольно закусившей губы женщине, что она готова была делать этими губами. И Антон предоставил ей такую возможность. Причем тут же отметил действительное желание дамы.

Ну а когда его плоть проникла и в другие потаенные места истосковавшей по любви женщины, Антон на миг почувствовал, что жизнь прекрасна и удивительна. И вполне искренне постарался доставить женщине удовольствие. После чего, уже видимо в качестве благодарности, та

рассказала множество мельчайших подробностей интимной жизни подруг. Причем у Антона промелькнула мысль, что если ему поверить всему, что он услышал, то это означало, что вдова находилась рядом с подругами, когда те занимались с кем-нибудь любовью. Что в принципе невозможно. И означало, что добрую половину своих рассказов женщина просто домыслила. К тому же по некоторым моментам Антон понял, что вдова если и вступает в какие-то отношения с мужчинами, то лишь изредка. Довольствуясь видимо своими фантазиями и мастурбацией.

Но это уже к делу не относилось. По сути, он узнал то, что нужно. И благодаря неожиданно открывшимся обстоятельствам у него сложилась вполне определенная картина происходящего. Получалось, что некто, по каким-то причинам сначала избил его отца и школьного друга отца, потом изнасиловал жену друга, а потом вернулся и убил отца. Причем Антон чувствовал, что не хватает какой-то детали, быть может, совсем небольшой детали, которая прольет свет внезапно открывшимся подробностями на происходящее. Но как Антон не

пытался интуитивно догадаться о том, что это за деталь, сознание пока отказывалось давать ему соответствующую картинку.

.....

.....

У Антона неожиданно подтвердилось предположение, что недавно он попал в какой-то другой мир, в мир отличный от того, в котором жил когда-то. Причем оказалось не важно, что вокруг него была, по сути, все та же действительность. Молодой человек понимал, что это не так. Ну, или не совсем так. Но словно независимо от его мнения о происходящем, у Антона появилась уверенность, что подобное изменение с его сознанием следовало соотносить с убийством его отца. Да и началось оно, видимо, как раз после убийства. Причем уже выходило, что бессознательно Антон еще противился признать это. Но события, которые начались сразу после убийства, уже не оставляли молодому человеку шанса на какое-то сопротивление. Потому как слишком многое открылось Антону после начала его

вмешательства. И он был уверен, что еще большее откроется позже.

И пусть в душе Антон Гусарский не очень хотел чего-то подобного. Но ведь не мог же он оставить расследование на той стадии, которая была сейчас.

А потому становилось понятно, что необходимо было разобраться в причинах, почему убийца и насильник совершал свои поступки. Антон был уверен, что существовала на это какая-то причина. Отыскав которую - он и выйдет на убийцу.

Глава 4

Муса Каримов в который раз решил что обязан сделать выбор.

Несмотря на принадлежность к гордому роду джигитов, Муса оставался скованным и застенчивым молодым человеком, двадцати четырех лет от роду. Притом что родители, словно желая избежать этой скованности, отдали мальчика в спорт, в котором, впрочем, больших успехов Муса не достиг, зависнув

где-то на уровне массовых разрядов по легкой атлетике.

Можно было бы назвать Мусу неудачником. Но в то же время совсем уж неудачником он не был. Закончил московский институт «Стали и сплавов» (в котором 'учились' за него папа и дядя, столичные предприниматели). На последних курсах решил жениться, да папа с дядей, вовремя определив 'лживую сущность' невесты, а для пущей острастки пригрозив отправить юношу обратно в аул (когда-то они все приехали из Дагестана), добились того, чтобы Муса оставил девушку. (О том, что Муса выдал бывшей невесте в качестве отступных несколько тысяч долларов, родственники не знали.)

Работал Муса в фирме папы и дяди. Помогал заниматься торговым бизнесом. При этом того, чего хотелось Мусе в душе, он боялся признаться даже себе.

Но как бы то ни было, появившаяся вскоре мечта Мусы стать владельцем какой-нибудь нефтяной компании или совладельцем телеканала (любого), словно бы независимо ни от чего стала прорываться

наружу. И вызывала даже некоторую боль в его душе. Ну, а чтобы заглушить боль - надо было реализовать мечту. Ни больше, ни меньше. И Муса об этом знал. А потому в минуты некоего особенного вдохновения - размышлял о жизни.

Размышления большей частью сводились к поиску способов исполнения мечты. Пока таких способов у Мусы не было. Было лишь желание разбогатеть сразу и навсегда.

.....
.....

Как-то Муса придумал схему отъема денег у населения. Причем, все должно было происходить по справедливости; то есть люди сами должны были захотеть поделиться с Мусой своими финансами.

Для осуществления своего плана Муса купил пистолет (марки 'Берета', на одном из подпольных рынков столицы), нашел нескольких сообщников (вооружив их тоже), и стали они вместе искать 'заказы'. Причем схема в его кучерявой голове родилась любопытная. Он найдет заказчиков на

исполнение разбойных нападений на инкассаторов, выполнит заказ, а в момент новой встречи с заказчиками - убьет их. В итоге деньги никому отдавать не надо. И Муса оставит их себе, поделив с 'подельниками'. При этом схема казалась Каримову настолько совершенной, что как только он ее придумал, тот тут же заказал столик в ресторане, пригласив будущих помощников 'выслушать план'.

.....

.....

Все ему казалось действительно простым. Заказчики сами дадут нужную информацию. Он обставит отъем денег в лучшем виде (если потребуется - Муса готов был стрелять). А потом оставит деньги себе.

Таким образом, прикидывал Муса, если поработать год - вполне можно собрать...

Ну, тут суммы разнились. По одним подсчетам, Муса за год нападений на инкассаторов мог заработать примерно на несколько квартир в Москве, которые после сможет использовать по

своему усмотрению. А по второму варианту - года подобной работы ему как раз хватит для приобретения нефтяной вышки. Причем, о том, что 'бизнес', которым он решил заработать 'первоначальный капитал' опасен ('а любая работа на себя - это бизнес',--помнил Муса наставления отца и дяди), Мусе верить не хотелось. И не потому, что был таким уж храбрым да отчаянным. Или смелым, или глупым. Нет. Просто Мусе всегда удавалось отгонять от себя неприятные мысли. И если он чего-то по настоящему хотел - шел к цели. Вцепившись в цель как бультерьер.

.....

.....

В один из дней Муса Каримов со товарищами получили первый заказ. Некая московская фирма рассчитывала получить приличную сумму от сделки по продаже щебня представителям фирмы из другого города. Муса как-то не сразу понял, кто же сдал ему место и время совершения сделки. Отчего-то казалось ему, что это были представители московской фирмы.

Но зачем это было им нужно, если деньги и так должны были попасть к ним - Муса не понял. А уже перед самым днем передачи денег одной фирмы другой, он получил заказ и от фирмы, которая должна была продать этот самый щебень. Причем, помимо такого рода совпадений, оказывалось удивительным и то, как они вышли на Мусу. Ведь пока он был новичком в области преступных отношений. Хотя, как говорится, слухами земля полнится. Тем более слухами, распространяемыми сообщниками Мусы в криминальной среде.

И уже как бы то ни было, Муса получил заказ. И понял, что для выполнения его должен убить вместо одной стороны участников (заказчиков, как это предусматривалось в начале плана) сразу две стороны.

Но это показалось бы трудным для кого угодно, только не для Мусы Каримова, серьезно решившего заняться преступным промыслом. А потому он сначала получил деньги. А потом убил обе стороны (всех присутствующих при передаче денег от иногородней фирме московской). А потом еще и убил того, кто дал ему подобную 'наводку'.

И теперь Муса Каримов являлся собственником ста тысяч долларов; и при этом на нем была кровь пяти человек. И именно эта кровь словно развязала ему руки. Потому что после этого Муса уже стал убивать направо-налево. И к году его преступной деятельности ему удалось накопить четыре миллиона долларов (которые были надежно спрятаны в укромной месте). Притом, что он никогда не экономил на расходах, и охотно тратил деньги, стараясь ни в чем себе не отказывать. А сама банда его выросла до количества восьми человек. Так бы их было одиннадцать, но троих пришлось убить (за возможное предательство). И в арсенале банды было уже стрелковое оружие от лучших производителей. И почти все члены банды, за исключением самого Мусы и ближайшего его помощника, в прошлом были членами преступных бандитских формирований в Чечне. А еще до этого, кто-то из них прошел Афганистан, а кто-то другие горячие точки. И имел подготовку в соответствующих разведшколах и центрах специальной подготовки. Так что у всех членов банды Мусы нынешний выбор занятий был осознан. Тем более 'работы' в Москве было много. Да

и денег такая работа приносила тоже много. Ну а то, что приходилось убивать - так они и так всю жизнь кого-то убивали. Как, впрочем, всегда были готовы к тому, что убьют их.

.....

.....

В один из дней Муса получил заказ на своего отца. И тут же, выхватив пистолет, застрелил заказчиков.

Но история имела неожиданное продолжение. Заказчики оказались влиятельными, и быстро нашлись те, кто захотел за них отомстить. А чтобы Муса поверил в то, что все на самом деле очень серьезно, в течении недели убили трех его родственников. И около тела каждого оказалась приколота бумажка, чтобы Муса сдался сам; иначе убьют всех.

Но Муса не сдавался. Он увеличил сначала вдвое, а потом и втрое количество членов банды. Приставил усиленную охрану к каждому из родственников. Причем у всех членов его команды

был приказ открывать огонь на поражение, независимо со стороны кого будет атака; в том числе не обращать внимание и на милицию. И когда сотрудники ГБДД остановили машину с братом Мусы, сопровождавшие брата телохранители расстреляли милиционеров. И почти в это же время оказался расстрелян наряд милиции на патрульном УАЗике, который решил проверить документы у одного из племянников Мусы.

В масштабах большого столичного города убийства привычные. Каждый день в Москве гибнут десятки людей. И тем не менее нашелся один из начальников городской милиции, который дал команду найти виновных.

.....
.....

Как часто случается, достаточно быстро нашли других лиц, на которых не только списали подобные преступления, но и умудрились убить тех при задержании. И пусть настоящие убийцы по-прежнему разгуливали на свободе, принцип отчетности был

соблюден. А банда Мусы, словно в ответ на безнаказанность, резко активизировала свою деятельность. И убивала теперь чаще.

А еще за полгода преступного прошлого Муса собрал в свою копилку почти десять миллионов долларов. И впервые за время подобного рода деятельности у него возник вопрос: а может надо остановиться?

Но Муса уже не мог остановить себя, даже если бы захотел. К тому же он достаточно заматерел, и чувствовал сейчас необычайную уверенность в себе.

К тому же ему удалось осуществить многое из тех мыслей, которые периодически приходили в его голову. И пусть мысли были криминального и около криминального характера, для самого Мусы это уже не имело значения. Да и сам он был уже не тот неуверенный в себе человек, который когда-то стеснялся спросить у прохожих время. Сейчас это был монстр. Настоящая гидра убийств, разбоев и грабежей. И казалось, ничто не может остановить его. Притом что пока это было и действительно так.

Глава 5

Лисовский тоже не мог остановиться.

Почувствовав вкус убийства, он понял, что теперь будет убивать. Причем неожиданно у него вспыхнуло желание убивать с особой жестокостью. Поэтому у последующих за убийством Гусарского-старшего двух трупов были сломаны шейные позвонки и отбиты внутренние органы. Никто не знал, сколько их били, но было понятно, что били жестоко.

Но вот одну деталь Антон Гусарский установил быстрее следователей: убитые принадлежали к кругу детско-юношеских знакомств его отца. Нет, они не были его одноклассниками. Но когда-то жили вместе с ним в одном дворе. И за несколько месяцев до смерти были жестоко избиты. Так же как отец Антона. А позже и убиты. Также как и он.

.....

.....

Антон недоумевал, почему у следователей, по их словам, не было оснований объединять дела в одно 'делопроизводство'. Ведь почерк убийств был схож. Однако один из следователей, Кайгородский, настойчиво посоветовал молодому человеку не вмешиваться в ход следствия. А когда Антон вспылил, сказав, что будет действовать на свое усмотрение, Кайгородский ответил, что это он в Москве может действовать на свое усмотрение. А тут в крае законы другие. И пригрозил упрятать излишне настырного юношу за решетку, пусть и под надуманным предлогом, но там, мол, ему 'рога обломают'.

Гусарский тут же, придя домой (в квартиру отца), написал заявление в генеральную прокуратуру и статью в газету 'Известия'. А немного подумав, размножил статью и решил отослать ее во все центральные газеты страны.

Однако в последний момент что-то заставило его не выполнить задуманное. И он решил продолжить расследование самостоятельно. А для осуществления этого ему нельзя было провоцировать

следователя. Тем более вмешивать в это дело кого-то из федерального центра.

.....

.....

Первоначально в круг подозреваемых Антоном попали почти полсотни человек. Это были одноклассники отца, люди, жившие с ним когда-то по соседству и подходившие по возрасту плюс-минус несколько лет. Однако потом число снизилось до десяти человек. Сначала отпали те, кто были так же как его отец когда-то избиты (в одно время с ним). Потом те, у которых не было никаких оснований к убийствам, а если и были, то они не сделали бы это по причинам излишней... хрупкости что ли... Ведь однозначно, что тут надо было искать бывшего спортсмена. Да еще и владевшего приемами бокса, потому что один из избитых признался, что, несмотря на то, что в детстве долго занимался боксом, его противник оказался значительно профессиональнее, чем он. И когда они сошлись в рукопашной, не оставил ему никакого шанса, сначала отправив в

тяжелый нокаут, а после еще в течении почти десяти минут избивая находящееся без сознания тело. Это подтвердили соседи, примерно столько времени слышавшие глухие удары, как они подумали по боксерскому мешку, висевшему в квартире избитого.

.....

.....

Гусарский понимал, что перед ним непростой убийца. И помимо того, что тот знал избиваемых, у него еще были, как сейчас уже становилось понятно, все основания избивать их.

В какой-то момент Гусарскому показалось, что он нашел убийцу. Сын одного из потерпевших был профессиональным боксером. Но когда с подобным открытием Антон пришел к дяде Мите, то и тот и его жена признались, что нападавший был их

возраста. А значит дети потерпевших, как понял Антон, отпадали.

Тогда-то Антон и вышел на Лисовского. Дядя Митя вспомнил, что учился с ними парень, внешне забитый и до невероятности скромный, который уже под конец школы занялся спортом, боксом, и даже, как слышал дядя Митя, достигший на этом поприще каких-то результатов. Дядя Митя называл выигранный Лисовским чемпионат РСФСР, но когда навел справки уже Антон, то выяснил, что Лисовский был призером чемпионата Советского Союза, а немногим ранее - победителем молодежного первенства Европы. Причем, чем больше Антон размышлял над личностью Лисовского, тем больше понимал, что как раз у этого человека и были все основания осуществлять подобные преступления.

.....

.....

Когда-то Валя Лисовский учился в музыкальной школе по классу скрипки. Участвовал в

музыкальных конкурсах. Все прочили ему карьеру скрипача.

Но в жизни Валентин был, как говорится, настоящим неудачником. Девочки его откровенно игнорировали. А мальчишки помимо всего еще и били. Причем, били жестоко. Дядя Митя припомнил даже случай, когда об голову Вали Лисовского сломали скрипку, которую отобрали у беззащитного мальчика.

Это потом они узнали, что для того, чтобы купить скрипку и платить за обучение сына музыке, мать Лисовского (Валя жил без отца, который погиб в автокатастрофе) работала на нескольких работах.

--Получалось, чем не повод для мести,-- задумался Антон.

--Но почему он стал мстить так поздно?-- задался Антон новым вопросом.- Ведь прошло уже столько лет...

.....
.....

Антон не находил себе места. Он чувствовал, что что-то не совсем сходится в его теории. Где-то

закралась ошибка. Но с другой стороны, если считать так, то...

И Антон решил навести справки, узнав о Лисовском поподробнее.

Тогда-то он и узнал, что Валентин Евгеньевич Лисовский после школы действительно серьезно занялся боксом. Становился чемпионом и призером на многих соревнованиях. А потом стал работать тренером по боксу. Причем тренером достаточно успешным. Ученики его побеждали на соревнованиях различного уровня, демонстрируя агрессивную наступательную манеру ведения боя. Такую же, как когда-то показывал на ринге их наставник.

Да, сейчас прежний нерешительный мальчик стал властным и жестоким мужчиной. Человеком, не допускавшим компромиссов. И видимо принадлежавшим к категории людей, которые способны убить человека, отдавая при этом полный отчет реальности. Убить, не подчиняясь сиюминутно вспыхнувшему чувству, а убить осознанно. Убить...

Когда Антон поделился своими предположениями с дядей Митей и тетей Томой - те в

один голос стали его уверять, что подозреваемым никак не может быть Валя Лисовский. И Антон почувствовал, что у него нет оснований не верить им. Ведь они видели лицо предполагаемого убийцы.

--А что если человек, который убивал, и тот, что избивал и насиловал, разные люди?- задумался Антон.- Что, если существовал как минимум еще один человек, который наверняка и должен считаться настоящим убийцей? А если он действительно существовал, то его сейчас и следовало искать.

Пока такого человека на примете у Антона не было. И Антон решил познакомиться с Валентином Евгеньевичем Лисовским поближе. А уже после разобраться что к чему.

Глава 6

На удивление, знакомство с Лисовским Антону ничего не дало. Чем-то тот ему даже понравился.

Но вот почему-то больше с ним Антон решил не встречаться. Подозрение в причастности к

убийствам, избиениям и изнасилованиям с того были еще не сняты в сознании Антона. И чтобы не проникаться дальнейшим доверием к Лисовскому, Антон решил пока исключить любые контакты с ним. По крайней мере, пока.

.....

.....

В последующие несколько месяцев убийства как будто прекратились.

А потом произошло сразу три. Причем в предполагаемое время убийства Лисовский отсутствовал в Санкт-Петербурге, где теперь жил. И Антон решил как минимум установить место нахождения Валентина Евгеньевича. Чтобы после этого уже делать какие-то выводы.

.....

.....

На удивление, местонахождение Лисовского достаточно быстро выяснилось. Он был на спортивно-тренировочных сборах в Кисловодске. Причем, как

уверяли опрошенные Антоном воспитанники Лисовского, тренер никуда не уезжал и каждый день находился с ними.

Но Антон Гусарский уже знал, что в этом деле (в возможной причастности Лисовского) точку ставить рано. Тем более что Кисловодск находился не так далеко от Армавира (где произошли все убийства, и где жил когда-то отец Гусарского). А значит...

.....

.....

Что было это значит - было настоящей загадкой.

И Антон решил в этой загадке разобраться. И довести дело до конца. Чего бы ему это не стоило.

Глава 7

Ранним утром конца марта 2006 года в дверь Розы Люксембург постучали.

Роза Люксембург, или как ее на самом деле звали Лидия Константиновна Крузервиц, была тучная женщина сорока с небольшим лет, довольно милостивая внешне, но с очень злым характером. Розой Люксембург прозвали ее когда она училась в школе, и с тех пор так уже никто не называл. Каково же было удивление женщины, когда в ответ на ее вопрос: 'кто там'? - густой чуть хрипловатый мужской голос назвал ее девичье прозвище.

--Такой здесь нет,-- хотела сказать Лидия Константиновна, моментально вспыхнув от злобы, но любопытство взяло вверх, и она открыла дверь.

Перед ней стоял пожилой, но еще молодежавший мужчина, крепкого телосложения с фигурой бывшего боксера-средневеса. Отчего-то это первое что пришло в голову Лидии Константиновны, долгое время проработавшей бухгалтером в спортивном обществе 'Трудовые резервы', и перевидавшей множество боксеров.

--Какого черта,-- вырвалось у Крузервиц, когда мужчина шагнул в квартиру, оттесняя ее.

--Так вот как ты живешь?- мужчина в это время прошел в одну из комнат ее двух комнатной квартиры, с любопытством оглядываясь по сторонам.

--Я не поняла -- мы знакомы? - растеряно спросила Крузервиц, мучительно вспоминая, где она могла познакомиться с этим мужчиной. Уже как лет пять после развода женщина жила одна. Первое время после начала вынужденного одиночества (муж ушел к молодой сопернице), подруги считали своим долгом познакомить ее с каким-нибудь мужчиной. Но после одной-двух ночей мужчины уходили. А последний год женщина вообще ни с кем не встречалась. И потому, когда через время так неожиданно зашедший к ней в дом мужчина набросился и овладел ею - Крузервиц призналась себе, что ей это даже понравилось. И не то, чтобы жить без мужчины было так-то уж тяжело. Но если был выбор - лучше с ним.

В течении часа Лисовский (это был он) насилывал знакомую из своего прошлого в самых извращенных позициях, проникая в те места, о которых Роза Люксембург (он к ней обращался только так) уже и забыла что они существуют еще и для такого рода 'контактов'. Когда же он закончил, то

неожиданно ударил ладонью по ее щеке, приказав
взять в рот уже опавший член. Роза Люксембург
принялась за дело, член встал, и все началось по
новой.

После того как подобное Лисовский проделал
несколько раз, он успокоился. То, что его пенис
набухал только в результате унижения женщины,
можно считать обычным фактом, учитывая, что
Лисовский пришел мстить. А то, что бывшая заводила
дворовых девчонок теперь беспрекословно выполняет
его приказы, приносило Лисовскому, по меньшей
мере, справедливое удовлетворение.

Ну, по крайней мере, протеста не наблюдалось.

.....

.....

Покинув былую знакомую, Лисовский с
удовлетворением прошел по школьному двору, а
после, допивая второй бокал пива в ближайшем баре,
подумал, что впредь он должен не так заканчивать
свое общение с теми, кто сгубил ему жизнь.

На миг Валентин Евгеньевич представил свое детство. Каждый раз до недавнего времени, вспоминая детство, ему удавалось вспоминать не побои, унижения и насмешки чинимые сверстниками, а что-то хорошее, что было с ним. До сегодняшнего дня тем, что вызывало исключительно положительные эмоции, была музыка, время его обучения в музыкальной школе. Даже родители не вспоминались так. Вернее, до недавнего времени еще вспоминались. Но отца он потерял еще в слишком раннем возрасте, и почти не помнил. А мать...

Когда он вспоминал свою покойную мать, на глазах мужчины появлялись слезы. Поэтому, бессознательно Валентин старался как можно меньше о ней вспоминать. Он не мог спокойно переживать эти воспоминания. Хотелось плакать. Или отомстить. Отомстить за все, когда-то случившееся с ним. Наказать тех, кто был повинен в этом.

Кстати, Валентину Евгеньевичу удалось найти водителя грузовика, сбившего его мать. Для этого Лисовский продал квартиру, купил комнату в коммунальной квартире, а на вырученные деньги раздобыл информацию о водителе. Тот находился в

колонии-поселении, отбив несколько лет в колонии общего режима. Лисовский нашел его и убил. Причем не просто убил, а сначала медленно отрезал от еще живого водителя части тела, а потом, видя, что тот в любой момент скончается (чтобы он не потерял сознание, Валентин Евгеньевич вкалывал ему специальные препараты, перевязывая раны) - вбил в голову огромный раскаленный гвоздь, через макушку - в мозг. После чего отрезал голову и сжег ее также как и тело (голову в другом месте от тела).

Сейчас Лисовский неожиданно вспомнил казнь над водителем. Почему-то тут же вспомнились насмешки, которыми он подвергался в школе. Следующей картинкой был плач матери, когда Валентин объявил, что навсегда оставляет музыку, делая выбор в пользу спорта.

Неведомая сила подхватила Лисовского, и он пришел в себя только когда перед ним оказалось безжизненное тело Розы Люксембург - Крузервиц. Да, он вернулся и убил женщину. После этого отнес тело в ванную и отрезал голову. Дождавшись пока кровь сольется в сливное отверстие, Лисовский положил голову в пакет, аккуратно перевязал тот, и, положив

пакет в спортивную сумку, которую всегда носил с собой, вышел на улицу.

На одном из пустырей Лисовский увидел стаю голодных дворовых собак и бережно развязал перед ними пакет. Дождавшись пока собаки закончат неожиданную трапезу, Лисовский положил то, что осталось, обратно в пакет, и пройдя еще километр-другой, нашел водоем, в который и бросил остатки головы Люксембург - Крузервиц, предварительно положив в пакет большой камень.

--Так недолго и стать маньяком,-- усмехнулся про себя Валентин Евгеньевич, решив впредь излишне не усердствовать после удовлетворения своих мстительных инстинктов. Поэтому в последующих двух убийствах бывших одноклассников, он просто отрезал тем головы, причем головы оставлял лежать рядом с телами в ванной (Валентин Евгеньевич не хотел, чтобы кровь, просочившись сквозь паркет, залила квартиры

соседей снизу). И так получалось, что всего через полгода после начала мщения (видимо стоит говорить о повторном начале), на счету Лисовского было уже несколько трупов. И он решил не останавливаться. Пока не найдет и не убьет всех, кто когда-то издевался над ним.

Глава 8

После серии убийств и изнасилований, Лисовский решил сделать некоторую паузу. Так получалось,-- раздумывал Антон Гусарский, с недавних пор сделавший Лисовского объектом исследований (намереваясь в конечном итоге написать о ходе своего расследования книгу), судьба этого человека предрасполагала его к маньячеству. Детская ущербность аукнулась во взрослом возрасте. Никто не может знать, когда щелкнет трамблер в мозгу, сделав из доселе обычного человека маньяка. И вполне очевидно, что наблюдается взаимосвязь между количеством и частотой унижений в детстве - и последующей агрессивностью во взрослом возрасте.

Это может случиться в тридцать. А может, как в случае с Лисовским, в сорок семь.

Ничего с этим поделать было нельзя. Кроме как задавить гидру.

.....

.....

Лисовский тоже раздумывал о жизни. Не в пример другим маньякам, это был задумчивый 'мститель'. Возведший акт мщения в своего рода философию. Находивший основание необходимости совершения собственных поступков. И решивший идти до конца. Притом что конца, как такового, пока не намечалось. И определить, кто мог стать очередной жертвой...

Да и кто мог это определить? Через какой-то период времени после начала убийств (осуществления акта мщения) жертвы вполне могли определяться какими-то сиюминутными обстоятельствами, выносимыми по воле случая в ранг обоснованной необходимости. Причем, зачастую было невозможно решить, насколько долго это может продлиться. Быть

может и правда,-- раздумывая, кивнул сам себе Гусарский,-- пока гидре не отрубят голову (или руки, - пришла в голову Антону неожиданная мысль), тот не успокоится.

--Так недолго и самому стать маньяком,-- задумался Антон.- Или параноиком...

Гусарский почувствовал, что в своем расследовании подчиняется не желанием добиться справедливости, а само расследование уже начало вызывать параноидное желание заниматься таким расследованием. Расследованием ради расследования.

Притом что подсознательно он допускал возможность Лисовского довершить начатое. И Антону было понятно, почему так происходило: подсознательно он считал, что если убили его отца, то по логике убийцы должны оказаться убитыми и все те, кто когда-то был с ним. Ведь не один его отец в свое время инсценировал унижения будущего маньяка.

Подобные мысли не приносили Антону успокоения. Но он ничего не мог с собой поделать. Тем более понимал, что видимо прав. А если прав...

Здесь бы, конечно, Антон мог сказать, что не всегда он делал то, что лежало в плоскости правды да справедливости. И вполне так получалось, что в каких-то конкретных случаях он сам решал, что следует поступить так, а не иначе. Но, по сути, в характере его действий ничего страшного не было. Да и не всегда следует идти за тем, что находилось в области реальности (а любая правда по определению находится в этой плоскости). Тем более что иногда реальность может показаться нежелательной.

Неприемлемой личному восприятию Антона Гусарского. А поступки самого Гусарского не всегда имели характер оправданности пред собой. В иных случаях Антон подчинялся инстинктам. Веяниям души. И в этом он находил родство с Лисовским. Причем, конечно же, никакой параллели между ними Антону проводить не хотелось. Он ненавидел этого человека. Ненавидел столь искренне, что не считал нужным находить какие-то объяснения поступкам негодяя. Лисовский в его представлении был негодяй.

И тем не менее Антон Гусарский чувствовал, что начинает сливаться с личностью Лисовского. Подобное Антона удручало. Он решил поскорее

разобраться с этим делом. Понимая, что реальный образ Лисовского начал подменять выдуманным. И получалось, в этот образ вливались какие-то бессознательные фантазии Антона, которые смешивались с образами других людей, которыми был когда-то недоволен он. И это было ужасно.

Глава 9

Лисовский понимал, что рано или поздно его найдут. Не так-то и трудно было, по всей видимости, докопаться до причины совершения им преступлений, а значит, и просчитать характер его последующих действий. И потому, желая запутать следы, Валентин Евгеньевич предпринял ряд действий, которые, по его мнению, могли бы возможное следствие запутать.

Следующие несколько убийств были убийствами людей, которых Лисовский раньше не знал. Но по нелепой случайности, убитые оказались... знакомы с ним. Причем не просто знакомы, но и, как выяснилось, когда-то между ними и Лисовским произошел конфликт. А значит, --как рассудил Антон,

который шел по следу Лисовского,--подобное могло привезти к стойкой внутренней неприязни, засевшей до поры до времени в подсознании убийцы, и в результате какой-либо провокации извне - привести к убийству. К нескольким убийствам.

.....

.....

'Конечно же, говоря о Лисовском,-- писал Антон Гусарский в своей работе с рабочим названием 'Исследование мотива убийства - как фактора негативного влияния прошлого преступника',-- нам следует говорить о том, что этого человека прошлое незримо подталкивало к началу преступных деяний. Ведь если допустить, что, будучи маленьким мальчиком, Лисовский не подвергся бы нападкам со стороны сверстников и одноклассников, наверняка была бы у него иная судьба'.

Однако все больше Гусарский склонялся к мысли, что соглашаясь с подобным утверждением, он тем самым лишает себя возможности подойти в восприятии личности Лисовского с другой плоскости.

Ведь это только внешний пласт осознания параллели между унижениями в детстве и мщением во взрослой жизни. А что-то говорило Гусарскому, что все не так просто. И подобная версия могла оказаться ошибочной.

--Почему Лисовский убивал?- в который раз задумался Антон.

'Вероятней всего можно предположить,-- записывал Гусарский в своем исследовании,-- что личность Лисовского достаточно противоречива. Причем, как это ни странно,-- и в дальнейшем мы попытаемся подтвердить нашу теорию,-- еще в юные годы Лисовский был не только предрасположен к страданиям вследствие каких-то внешних факторов, но и можно заметить, что он сознательно провоцировал их. Ведь по сути, что мешало ему поискать заступничества у старших товарищей, или перевестись в другую школу (сменив попутно место жительства). Да и существующее тогда общество (в данном случае речь идет о социальном строе) в какой-то мере вполне могло решить проблему. Как минимум над октябренок Валей Лисовским могли взять шефство комсомольцы, а если бы не справились они -

можно было бы вынести все на обсуждение актива, который наверняка смог бы найти способы положительно повлиять на ситуацию',-- продолжал записывать Гусарский приходящие к нему мысли.

Гусарский с настойчивостью настоящего исследователя фиксировал происходящие события и полученные сведения о Лисовском в дневник, а потом, анализируя подобное, делал записи в научной работе. И пусть об опубликовании этой работы вопрос пока не стоял. 'Не это главное,-- размышлял Антон.- Главное заключалось в том, что он достаточно быстро понял, что Лисовский не только не остановится на совершенных убийствах, но его быть может уже ничто не остановит'.

И чем больше Антон вникал в суть совершенного этим человеком, тем больше понимал, что необходимо как можно внимательнее разобраться в личности Лисовского и в причинах совершаемого им. Причем на каком-то этапе исследований Антон был вынужден признаться себе, что исследователь в Антоне перевесил сына, желавшего найти виновного и рассчитаться за убийство отца. Хотя Гусарский и несколько не сомневался, что в конечном итоге он все

равно отомстит и убьет Лисовского (Антон уже практически поверил в то, что убийцей был Лисовский). Но он также не сомневался, что подобный процесс ему придется отсрочить. Причем были тут и причины, о которых уже упоминалось выше. Ведь Антона на самом деле мучила злость, что именно его отец получил наказание первым или одним из первых из списка Лисовского. Антон даже попытался просчитать Лисовского, предположив, кто будет следующим в списке смерти. Вот, правда, последние несколько смертей из таинственного списка выпадали (в буквальном смысле списка скорей всего не было. А фамилии приходили к убийце спонтанно). И Гусарский, отчаявшись, что он ошибся и вся его теория летит под откос, еще более внимательно сопоставлял биографии недавно убитых с биографией Валентина Евгеньевича Лисовского. И вот тут выяснилась занимательная деталь. Как оказалось, Лисовский все же был с ними знаком. Причем знакомство произошло в уже более зрелом возрасте. Когда как вроде бы уже и не было необходимости кому-то над кем-то издеваться, насмехаться, вести себя неподходящим образом.

Но теперь уже становилось понятно, что это, по мнению Гусарского, ничего не меняло. Просто говорило о том, что Лисовский и в двадцать лет оставался столь же нерешительным как и в двенадцать. А значит...

Что было это значит -- можно предположить. Лисовский затаил обиду. А после, встретившись с виновниками юношеских унижений в более зрелом возрасте, просто дал выход чувствам. Чувства привели к убийству. И все более-менее логично,-- подытожил Гусарский, совсем упустив из вида произошедший в данном случае фактор случайности.

.....

.....

Лисовский ничего не знал о том, что попал в разработку Антона Гусарского, и что тот ведет о нем какие-то исследования. Но Лисовский интуитивно предполагал, что какое-то расследование его преступлений (он понимал, что именно как преступные деяния будет трактоваться его месть) со временем начнется. Ему хотелось и не хотелось этого.

Не хотелось, потому что в он не верил в честное правосудие. А хотелось, потому что рассчитывал, что если начнется расследование, то кто-нибудь сможет разобраться в причинах произошедшего. Разобраться в прошлом, в котором следует искать причину совершаемых им убийств.

Но при этом ничто не говорило Лисовскому, что эти убийства он совершать не должен. Должен. И даже обязан.

Словно злой рок толкал его на выполнение его 'миссии'. И пусть характер подобной миссии оказывался слишком прозрачен и походил на типичную уголовщину, все на самом деле было сложнее и запутаннее. Хотя где-то в глубине души Лисовскому хотелось разобраться в том, почему же он совершает эти преступления. Неужели только из-за унижений в детстве?

'С одной стороны может и так,-- возвращался к теме собственного исследования Гусарский.- Но тогда становится любопытным проследить, когда впервые появилось у этого человека желание убивать. Ведь вполне можно допустить, что первые ростки подобного желания действительно выросли в том

самом детстве, куда незримо протягиваются нити убийств, совершенных этим человеком в зрелом возрасте. А если предположить,-- вопрошал Гусарский невидимого собеседника,-- что первое убийство Лисовский совершил не в сорок семь лет, а намного раньше? И даже может быть не само убийство, а серию убийств. Скажем, еще лет десять, а то и пятнадцать назад (если не раньше). Причем объектами стали не бывшие одноклассники, а люди, которые внешне оказались похожи на его прежних обидчиков. Пусть они были много старше, но ведь если захотеть - можно почти в любом взрослом разглядеть, каким этот человек был в детстве. И вот если это так. Если действиями Лисовского, начавшего убивать, руководил принцип проекции, известный как обстоятельство, когда в образе какого-то, реально существующего лица мы видим не этого человека, а проецируем на него черты другого человека, внутренне ненавистного нам, но которому в свое время мы не смогли противостоять, подвергаясь нравственным унижением от него. Ведь если так предположить,-- продолжал Гусарский,-- наверняка тогда недавние события принимают иной оборот. А

сам Лисовский как минимум предстает перед нами в образе не только мстителя и расчетливого врага, но и человека очень хитрого и изворотливого. А значит, нам потребуется мобилизация всех наших сил для обнаружения и ликвидации агрессора. Если враг не сдастся - его уничтожают'.

--А Лисовского он уничтожит в любом случае,--подумал Антон, давно решивший отомстить за отца.

Антон попытался развить эту тему. Однако его обращение к следователю к результату не привело. Следователь в ответ на предложение помощи реагировал однотипно, в лучшем случае мягко прося не вмешиваться в ход расследования. А попросту - не мешать вести дело.

--Да кто его ведет!- в сердцах взорвался Гусарский, готовый до конца отстаивать свою правоту.

Молодой следователь спокойно посмотрел на него.

--Не мне нужно демонстрировать свое хладнокровие,-- зачем-то сказал Гусарский, развернулся и вышел из кабинета.

Придя домой, он написал заявление в генеральную прокуратуру, где обрисовал существующее на сегодняшний день положение дел.

Но в последний момент Гусарский отложил заявление, рассудив, что если вмешается генпрокуратура, она потребует скорейшего раскрытия преступления, и вполне может случиться что милиция, желая побыстрее отчитаться, найдет первого встречного, сделав его виновным. После чего дело уйдет в архив, а преступник будет продолжать разгуливать на свободе. Причем Антону явственно представилось, что так все может и произойти. А значит, никаких жалоб никуда писать не следовало. Ведь он сам был заинтересован, чтобы милиция раньше времени не спугнула Лисовского; а значит у него, у Антона, будет возможность понаблюдать за убийцей повнимательнее.

Нет, конечно же, Гусарский не собирался вести свое расследование бесконечно. Он вполне искренне хотел наказать убийцу. Но вот что-то до сих пор удерживало его от этого. Что?.. Может он не верил, что убийства совершает Лисовский? Так как будто уже все факты говорили за это. Может Антон хотел, чтобы Лисовский убил как можно больше народа? Нет, не хотел. По крайней мере на сознательном уровне не хотел. Но тогда что? Неужели ему действительно хотелось просто продолжать наблюдать за убийцей? Но ведь глупо? Глупо... Глупо вести расследование ради расследования. Хотя... Антон задумался. Глупо, если подходить к оценке подобного с позиции имеющихся в обществе стереотипов. Но ведь Антон не жил (старался не жить) по стереотипам. И любил совершать поступки, которые были непредсказуемы с позиции мнения большинства.

Таким образом, Антон Гусарский не всегда вписывался в общепринятые рамки. И в этом был схож с Лисовским. О чем сейчас подумали и тот и другой.

.....

.....

Антон понимал, что жизнь его могла казаться странной. Рано поумневший ('не по возрасту',--как все говорили, когда он был маленьким) молодой человек в большинстве случаев жизни оказывался непрактичным. И в этом он мог также провести параллель с Лисовский, о котором было известно, что тот был таким же. Пришедший в тренерскую деятельность из профессионального спорта (спорт высших достижений в любые времена профессионален), в глубине души Валентин Евгеньевич оставался творческим человеком, музыкантом, с присущими большинству из творческих личностей странностями, которые проявлялись иной раз столь наглядно, что если бы кто не знал спортивного прошлого Лисовского, не знал бы что и думать.

Размышляя об этом, Валентин Евгеньевич Лисовский думал о том, что если еще недавно и был какой-то шанс вернуться ему в ту жизнь, к которой он душевно тяготел, то теперь своими убийствами он

сознательно закрыл перед собой эту дверь. И открыть ее, наверное, никто уже был не в состоянии.

Глава 10

'В подобном человеке,-- писал Гусарский в работе о Лисовском,-- удивительным образом сочеталось не сочетаемое. Ведь если только предположить, что в детстве или в юности перед ним возник бы выбор воспользоваться истинным велением души и выбрать род деятельности, к которому более всего был предрасположен. Выбор, после которого не накапливались нереализованные желания, осуществление которых в последующем и привели к тем последствиям, свидетелями которых мы являемся.

При всем при том, перед нами проходит душевная боль этого человека. Человека, вынужденного выбрать иной путь, нежели тот, к которому он был предрасположен'.

Понимая, что это так, у Антона все равно были некоторые сомнения. Ведь, по сути, было множество людей, которые, закончив музыкальную школу, не выбрали для себя путь музыканта.

Но при этом что-то говорило Антону, что он просто физически не мог проследить путь таких людей (разве что сделать выборку, и на основании нескольких десятков, а то и сотен людей получить некоторые усредненные данные, и уже после спроецировать их на остальную часть населения с подобной судьбой). Но что если предположить, что у них была такая же судьба?

'Ну конечно же, возможная схожесть судеб нисколько не свидетельствовала о невинности Лисовского,-- понимая, записывал, Антон.- Ведь не все из них стали убийцами или совершали какие-либо другие правонарушения. Хотя, конечно же, подобная душевная травма всех этих людей уже как бы сподвигла их к подобному роду девиаций. Особенно если предположить, что нечто подобное есть душевная травма (на всю жизнь), которая в

последующем приводит к целому ряду симптомов и страшных фантазий, отыгрывание которых и приводит к немотивированной агрессии и антисоциальным поступкам...'

Интересно, согласился бы с таким утверждением сам Лисовский? - задумался Антон. - Ведь, если рассудить, это был вполне здравомыслящий человек. А значит можно предположить, что он хоть раз, но задумывался над тем, виновником чего становился. Хотя и нельзя было утверждать подобное...

.....

.....

Лисовский вновь начал убивать. Теперь под его ужасающие кулаки попал Николай Доскин, бывший одноклассник Лисовского, а ныне директор крупнейшей фирмы на юге страны. В убийстве Николая Доскина Лисовский несколько вышел за рамки сценария, и, ворвавшись к тому в кабинет, помимо самого Доскина, уничтожил еще двух

телохранителей (сначала отправив тех в глубокий нокаут, а после свернув им шеи), изнасиловал и убил секретаршу, а также избил двух деловых партнеров Доскина, находившихся в тот момент в кабинете. При этом самого Доскина Лисовский выбросил с 12-го этажа бизнес-центра, в котором последний арендовал офис. Причем Лисовскому как всегда удалось уйти безнаказанным (последним он убил случайно зашедшего посетителя). Как раз из-за этого посетителя у Валентина Евгеньевича могли бы начаться некоторые проблемы (посетитель оказался заместителем директора крупной корпорации радиоэлектроники, турецко-поданный). Но до международного скандала дело не дошло. Милиция быстро замяло дело, обвинив в случившемся банду некоего Мусы Каримова, на счету которого было несколько десятков убийств и разбойных нападений, попутно списав на Каримова все убийства, совершенные Лисовским (ни по одному из изнасилований не было заявлений от потерпевших). Причем Муса Каримов со своей бандой стреляли без разбора и в авторитетов преступного мира и в сотрудников милиции, работали почти

исключительно на заказ, и попались случайно, после того как в милицию с повинной пришел один из помощников Мусы Каримова.

Как удалось установить Антону, ряд убийств, совершенных бандой Каримова, оказались схожими по способу исполнения на технологию, используемую Лисовским; после чего следователи объединили все преступления в одно делопроизводство и пустились по следу банды Каримова, пока не настигли ее; причем все члены банды были уничтожены во время перестрелки, а сам Каримов, при невыясненных обстоятельствах, погиб в камере.

Лисовский, по сути, мог начать жизнь с чистого листа. Если бы получил информацию о банде Каримова, и о том, что все его преступления списали на Каримова и тем самым закрыли дело. Но для этого надо было иметь как минимум друзей или знакомых в соответствующих организациях. А таковых у Лисовского не было. И потому, после произошедшего в офисе Николая Доскина, словно бы ужаснувшись содеянного (а еще больше испугавшись) Валентин Евгеньевич из Санкт-Петербурга, где жил и работал, сбегает в глухую деревню. И на время прекращает

свои поездки в Армавир, Тихорецк, Ростов, Ейск...
Туда, где находил виновников своего поруганного
детства, и мстил, мстил, мстил...

.....

.....

Проведя несколько месяцев в деревне и понимая, что его никто не ищет (Лисовский внимательно следил за новостями по телевизору, радио и интернету), он неожиданно натолкнулся на совсем старую заметку в одной из газет о том, что сотрудниками правоохранительных органов была уничтожена банда некоего Мусы Каримова, на счету которого были многие убийства влиятельных лиц двух столиц. Интуитивно решив узнать об этом больше, Лисовскому вскоре попадают дополнительные подробности. Из которых он узнает об убийствах в бизнес-центре, которые совершила банда Каримова.

Еще раз все сопоставив и до конца не веря своим глазам, радостный Лисовский (конечно же 'узнавший' собственные преступления) тут же купил

билет до Санкт-Петербурга, и по приезду почти месяц не вылезал из ресторанов и ночных клубов, отмечая 'второе рождение'. Теперь он уже понимал (внимательно проанализировав информацию, в том числе и на сайтах МВД), что все совершенные им преступления списаны на банду Каримова. А значит...

А значит, это была свобода для него. И можно было убийства уже не совершать, а жить обычной жизнью законопослушного гражданина своей страны - Российской Федерации. И даже (и такое желание не раз возникало у Валентина Евгеньевича) начать вновь заниматься музыкой.

Часть 2

Глава 1

Лисовский начал подрабатывать тапером в ресторане. Помимо скрипки он владел еще игрой на нескольких инструментах, одним из которых было фортепьяно. За достаточно непродолжительное время музыка вновь, как и в детстве, захлестнула его. И уже

вскоре кроме музыки для него ничего не существовало. Он оставил тренировки. Да и, как понял Лисовский, именно спорт дал ему ту агрессивность, которая часто так некстати перехлестывала через край.

Об убийствах Лисовский старался не думать. После того, как судьба так благосклонно отнеслась к нему, фактически реабилитировав, у него вдруг пропало желание убивать. И если бы не встреча с неким, довольно навязчивым и циничным (как показалось Лисовскому) молодым человеком - такое желание, наверное, никогда бы уже не появилось.

Этого человека звали Антон Гусарский. Он оказался сыном бывшего одноклассника. Причем этот юноша удивительным образом настаивал, что именно Лисовский когда-то убил его отца. А вслед за тем убийством совершил еще десяток убийств и изнасилований. Лисовский подумал, что глупо что-то отрицать. Легче было свернуть этому юнцу шею, и дело с концом. Однако Антон, подстраховавшись, как бы невзначай заметил, что подготовил подробный анализ преступной деятельности Лисовского; и в случае непредвиденных обстоятельств материалы

окажутся у нескольких адресатов, один из которых генеральная прокуратура (помимо этого были еще СМИ и местные органы власти), а еще одним адресатом был... Каримов, главарь банды, который пошел на сотрудничество со следствием, и не был, по словам Антона, убит в камере, а получил очень большой срок, и сейчас отбывает наказание. Что означало, Муса Каримов очень обрадуется, узнав что найден реальный преступник тех преступлений, за которые фактически и был осужден Каримов (по словам Антона Гусарского, почти все заказные убийства совершенные Каримовым не удалось доказать; поэтому основными в деле фигурировали его 'признательные показания' относительно преступлений, совершенных Лисовским).

Как и предполагал Антон, ему удалось произвести впечатление на Лисовского. Тот уже не был столь самонадеян как раньше.

--И что тогда сделает с вами Муса Каримов?- усмехнулся Антон, упрочивая свою победу.- Ведь это он - там. А кто-то из его сообщников до сих пор на свободе. Неужели считаете, что они не воспользуются

шансом рассчитаться с вами? И пристрелить как бешеного пса!

--Ну, ну, молодой человек,--прикрикнул на него Лисовский.- Полегче с выражениями.

--Да вы что?- саркастически фыркнул Антон.- Да я сам вас в любой момент уничтожу как бешеного пса.

Лисовский пробил правым прямым в голову. Антон на удивление легко скрутился влево, и раскручиваясь обратно - ударил кулаком левой руки снизу в печень Лисовского. Того скрутило от боли, и, наверное, от удивления.

Не дожидаясь когда Лисовский поднимется, Антон нанес боковой удар правой рукой в голову склонившегося у его ног противника. А потом, когда тот рухнул, оказавшись в полубессознательном состоянии - стал избивать ногами тело.

Лисовский потерял сознание.

Антон связал ему руки и ноги, залепил рот пластырем, и кликнув двоих, поджидавших в стороне, помощников (помощники - соответственно, мастера спорта по боксу и борьбе в среднем и полутяжелом весе, должны были вмешаться, если расклад боя

пошел бы не по тому сценарию). Молодые люди запихали тело Лисовского в багажник, а еще через время их 'Форд' уже въезжал на территорию дачного коттеджа, затерявшегося в одном из пригородов Ленинградской области.

--Ну что, сука, приехали,-- Антон, ухмыльнувшись, вытащил тело Лисовского из багажника, расклеивая ему рот.

--Развяжи меня,-- жестко потребовал Лисовский.

Антон несколько раз ударил тому ногой под дых, после чего помощники подхватили Валентина Евгеньевича и привязали к дереву на участке. Участок ограждал высокий забор, была поздняя весна, и за зеленью все, что происходило внутри, не просматривалось.

В течении нескольких дней Лисовского поочередно били все трое, потом обливали холодной водой, и били вновь.

--Отпустите меня,-- на четвертый день попросил обессиленный Лисовский. Обещаю, что никому не расскажу.

После этого его били еще несколько дней. Били профессионально, чтобы сделать больно, но не отбить внутренние органы. Ну, или отбить, но не сильно, чтобы человек не загнулся раньше времени.

На седьмой день экзекуции неожиданно прекратились.

--Мы решили тебя убить,-- подошел к Лисовскому Антон.- За все твои преступления суд принял решение - уничтожить как бешеного зверя.

Лисовский молчал. Казалось, удалось сломить его волю. Или не удалось?- задумался Антон.

--Твое тело сначала растворим в соляной кислоте, а потом, то, что останется, сождем в печи,-- откровенничал с ним Антон.- Это я бы сделал только за убийство своего отца. А за убийство других людей... В общем, приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Лисовский молчал. Ему как-то не верилось, что его могут вот так взять и убить. Притом, что по-прежнему в нем теплилась надежда, что так с ним все-таки не поступят.

--Вы же цивилизованные люди,-- взывал он о помощи.- Неужели вам...

Антон начал жестоко избивать Лисовского. Теперь он нисколько не выбирал, куда наносить удары, и бил тому в пах, в горло, по ребрам... Бил, пока убийца не терял сознание. Потом помощники Антона обливали маньяка водой, и избивали его уже втроем.

.....

.....

Через месяц Лисовского отпустили.

Валентин Евгеньевич заметно исхудал, но не сдался. Как оказалось - не сдался. Ему удалось всех обмануть. Убедившись, что 'маньяк' действительно признает все ошибки - Антон дал команду, и помощники привезли Лисовского в город, отпустив неподалеку от станции метро 'Старая деревня', вручив жетон, и пожелав доброго пути.

Курить Лисовский бросил во время сидения на даче. Но теперь, оказавшись на свободе, он попросил у первого прохожего сигарету и с жадностью затянулся.

Тотчас же в его голове созрел план мщения. Именно отомстить, наказать обидчиков - об этом мечтал Валентин Евгеньевич месяц заточения.

.....
.....

Двух помощников Лисовский убил прямо возле дачи, уже через неделю после освобождения. Неделя потребовалась, чтобы выследить удобный момент, пока те останутся одни.

Он их убил возле реки, в которой молодые люди пошли искупаться. Выследил и убил. А тела сбросил в реку, привязав предварительно к ногам каждого по большому камню.

Труднее всего было достать Антона Гусарского. Молодой человек, как выяснилось, жил в Москве. Ну, вернее, жил он то в Москве, то в Петербурге. И даже больше как будто в Петербурге.

Но сейчас уехал в Москву. Ждать, пока он вернется, Лисовский не стал. И поехал в столицу.

Глава 2

Антон понимал, что слегка перегнул палку. С одной стороны, ему виделось правильным совершенное с Лисовским. Но вот почти тут же возникала мысль: не ошибся ли он? Действительно ли во всех этих убийствах был повинен именно Лисовский? Ведь, если рассудить, за месяц выбивания признаний, тот не сознался. Да и самому Антону как будто кто-то подкинул ряд фактов, по которым вина Лисовского казалась призрачной.

А по иным раскладам выходило, что настоящий убийца был вовсе не Лисовский (о подготовленных письмах в генпрокуратуру и проч. Гусарский выдумал; многое у него пока не сходилось. Недостающее он как раз и планировал выбить из Лисовского, но тот ни в чем не сознался). И теперь Антону стало казаться, что был кто-то еще, кто не только совершил все убийства, но и умело подставил Лисовского. И словно на руку такому предположению говорил тот факт, что ни по одному эпизоду, инкриминируемому Валентину Евгеньевичу Лисовскому, не было стопроцентных доказательств. А

если копнуть глубже - то все и вовсе базировалось только на предположениях самого Антона Гусарского.

И стал молодой человек понимать, что видимо работа над рукописью, которую он вел по делу Лисовского, так стала захлестывать его, что многие предположения и домыслы сначала он возвел в категорию доказанных фактов, а после и сам поверил им. И то, что имело место только в качестве предположений, вдруг приобрело черты упорядоченности. А значит, сейчас приходилось сомневаться, что единственным подозреваемым был только Лисовский. Хотя и ни кого другого Антон не искал. Подводя доказательную базу исключительно под этого человека.

.....

.....

Антон Гусарский решил все еще раз сопоставить. Получалось, сейчас он искал другую кандидатуру в убийцы.

Но опрос свидетелей ни к чему не привел. Те по-прежнему отказывались называть возможное имя

преступника. Уверяя, что они этого человека не знают.

Вся доказательная база могла разрушиться в один момент. Если предположить что убийца не Лисовский, который убивал, чтобы отомстить за унижения, причиняемые ему в детстве (так все еще считал Антон), то уже получалось, что в срочном порядке необходимо было менять ориентиры поиска. А человек, обвиняемый им, оказывался невиновным.

И уже разбираясь над этим делом в связи со вновь открывшимися обстоятельствами, Антон выяснил, что и сам Лисовский когда-то пострадал. Неизвестный избил его так же жестоко, как и всех остальных. Но теперь, -- рассуждал молодой человек, -- если предположить, что Валентин Евгеньевич Лисовский такая же жертва, оказывалось, что в скором времени должны убить и его. Ведь большая часть тех, кого предварительно жестоко избивали, после оказывались убиты. А значит, как минимум, необходимо было встретиться с Лисовским. И предупредить его об угрожавшей опасности.

Подобного делать Антону не хотелось. Это было выше его сил. Он уже понимал, что в большинстве случаев начинает руководствоваться эмоциями. Но ведь и факты показывают черт знает что,-- недоумевал Гусарский.

Антону Макаровичу Гусарскому не хотелось осознавать, что он ошибся в своих предположениях относительно вины Лисовского. И при этом ему очень хотелось найти настоящего убийцу. Именно настоящего, вина которого была бы на сто процентов доказана, и можно было бы уничтожить его как бешеного пса.

А через время Антону передали пакет. Вскрыв который он обнаружил рукопись. Причем, по всему, рукопись была незакончена. Но, уже судя по ней, убийцей был действительно другой человек. Некий Максим Израилевич Вайнштейн (или тот, кто скрывался под этим псевдонимом,-- подумал Антон).

.....

.....

Антон перелистывал страницы, написанные нервным почерком, то взрывающимися вверх, то расплзающимися в стороны буквами, и пытался определить, для чего эту рукопись ему, собственно, передали? Если предположить, что дело было связано с расследованием (причем, расследование продолжал вести только Антон. МВД закрыло дело после того как все преступления признали совершенными бандой Каримова), то значит, во-первых, кто-то знал, что Антон рыщет по следу, а во-вторых, у этого «кого-то» появилось желание сбить Антона со следа.

--Или помочь найти настоящего убийцу? - неожиданно подумал Гусарский, внимательно вглядываясь в написанные кем-то откровения.

--А если это писал сам Лисовский?- пронеслось в голове Антона.- Если это были его откровения? И он просто заменил свое имя псевдонимом.

Пока вопросов было больше чем ответов.

.....

...

Антон понимал, что разгадка скорей всего скрывается в самой рукописи. И он вновь и вновь вчитывался в текст, пытаясь найти ответ...

Игра с собой

Видимо получается так, что по прошествии какого-то жизненного пути я внезапно понял, что жизнь взяла резкий и неожиданный крен в сторону. И как, наверное, бывает, произошло это тогда, когда я не в силах был предвидеть чего-то подобного. Причем выходило, что случилось все действительно внезапно. Или же происходило постепенно, а я это только сейчас заметил. И не сразу смог распознать, что это произошло. А потом еще долго не мог поверить, что это действительно так. Что это случилось. А мне остается лишь констатировать факт.

Конечно, я оказывался не способен смириться с этим фактом. Внутри меня все восставало. Получалось, я и был готов признать собственное поражение, да что-то противилось этому. А что это было - загадка...

.....
.....

Так выходило, что бессознательно я начал искать пути к спасению.

Ведь просто не могло быть так,-- рассуждал я,-- чтобы безвозвратно исчезло то, что мне удалось отвоевать у жизни. И выходило, что я действительно чувствовал (и даже твердо уверился в этом) что это мое. А потому считал, что, завоевав однажды, уже не должен каждый раз подтверждать право на собственность. И видимо это можно считать одной из причин. Ибо, получалось, что я, считая, что все в порядке, просто не увидел момент, когда мое существование в жизни взяло крен в сторону. И не заметил, когда все произошло.

.....
.....

Размышляя сейчас об этом, понимаю, что были предпосылки того, что должно было случиться. Но как-то выходило, что я их попросту не заметил. Или

же (подобное тоже можно предположить) сознательно пропустил. Видимо приняв за нечто не важное, да и не относящееся к делу. Притом что на самом деле, конечно же, все было иначе. Теперь уже признаю, что во многом я элементарно ошибался. И заблуждение мое было тем печальнее, что было вполне искренне. Ну, то есть, уже как будто искреннее заблуждение относительно того что случилось недавно, и того, что происходило давно. Ведь поначалу еще что-то удерживало от признания, что это так. А я бы мог еще что-то изменить. Но видимо понадеялся, что необходимые корректировки произойдут сами собой. А мне не потребуется менять себя в надежде на обретение чего-то лучшего.

.....

.....

На самом деле нельзя сказать, что все в моем прошлом было плохо и неправильно. Ведь, если разобраться, уже то, что я дожил до этих дней, особенно не мучаясь все эти годы собственным существованием, может хоть косвенно, но

свидетельствовать как минимум о двух моментах. Первое, это то, что жизнь сама выдвигала какие-то условия, преодолением которых я перешагивал на следующий этап развития, перелистывая страничку жизни. При этом тут же следовало говорить о том, что для меня все время находилось что-то важное, что-то видимо даже до удивительного важное, что заставляло не сворачивать с пути. И пусть даже сам путь в большинстве случаев казался туманным. Но ведь и это могло показаться удивительным. Также как и давало возможность, преодолевая временные жизненные неурядицы, двигаться дальше. Продолжать двигаться дальше.

Я допускал, что возможного окончания пути вполне мог не видеть. Но наверняка ведь считал, что ничего по-настоящему плохого не происходит. Что все именно так и должно быть. И получалось, что то, что я искал - то и находил. Испытывая внутреннее удовлетворение от происходящего. И совсем не желая что-либо менять.

Все это, впрочем, опровергало одно утверждение: заниженная совестливость. И уже согласно этой совести - все, о чем я только что

поведал - поворачивается обратной стороной. И уже следует интерпретировать не иначе как со знаком минус. А то и большим знаком минус. Но уже вразрез этого могу заметить, что ничего слишком печального не было. А какую-либо грусть наваяло после. Когда происходит как бы естественное переосмысление прежде пережитого тобой. И начинает казаться, что все происходило не так. И хочется вмешаться, в надежде что-то изменить. Потому как, если есть настоящее, то наверняка будет будущее. А если мы каким-то образом приближаем его (живя в своем настоящем), то уже получается, что мы бессознательно стремимся, чтобы будущее наступило. Пусть в некоторых случаях особо и не надеясь, что это будет так.

.....

.....

Мне становилось по серьезному грустно, когда я замечал, что моя собственная жизнь все время собирается принять не типичную для нее сторону существования. Притом что так хочется, так пока еще

хочется, чтобы что-то вернулось обратно. А мне представилась возможность все начать с чистого листа. Появится шанс изменить существование. И как будто даже не было сомнений, что я действительно этого хочу. Желаю...

.....

.....

Максим Израилевич Вайнштейн, в который раз, размышлял о жизни.

Максиму недавно исполнилось тридцать семь. И он всегда чувствовал свое отличие от других. Да, пока ему не удавалось до конца осознать, в чем должно было выразиться это отличие. И он просто понимал, что жизнь оказывается иной, нежели его представление о ней. И словно всякий раз находилось нечто, что могло приблизить Максима Израилевича к пониманию истины.

Но почти точно так же истина всякий раз ускользала от него. И ему ничего не оставалось, кроме как смириться с происходящим. Посчитав, что будет

еще и на его улице праздник. И этот праздник он постарается приблизить.

.....

.....

Пока приближать праздник не получалось. Максим поначалу переживал что это так. А потом смирился. Рассудив, что если в жизни происходит что-то так или не так -- значит это кому-нибудь нужно. Но вот кому - до сих пор, несмотря на годы раздумий, оставалось вопросом. Несмотря на то, что ответы Максим искал. И давно уже был готов к тому, что найдет их.

Ну а может, не найдет. И к этому тоже он был готов.

Ну а то, как будет на самом деле - этого Вайнштейн не знал. И пока даже не догадывался.

.....

.....

Жизнь Максима Вайнштейна была и типична и не типична жизни его современников в Северной столице страны. Причем, по-видимому, уже интересным могло показаться то, что Максим неожиданно понял (сначала интуитивно, а потом и реально осознав), что он не смог бы жить ни в каком другом городе кроме как в Санкт-Петербурге. Москва ему казалась излишне шумной и деловой. А глубинка - слишком погруженной в провинциальные будни. Причем процесс глобализации вполне мог затронуть и глубинки, но для изменения менталитета жителей провинции требовалось намного больше времени, чем прошло с последних времен развития инфраструктуры в регионах и появления там современных технологий. А потому Максим, пожив в нескольких городах и объездив еще больше (несколько лет назад Максим уволился из одной из центральных газет, в которой работал журналистом), мог для себя делать вполне однозначные выводы по поводу того, что ему наиболее подходит только Петербург. Причем Петербург подходил еще и из-за приближенности того к Европе, где в большей, чем где-то, степени развито безразличие к другим людям. А значит, жители могли

чувствовать себя в относительной безопасности - потому что никто не лез в жизнь другого.

Не то, что на юге страны,-- некстати вспомнил Максим пример, когда по заданию редакции ему пришлось провести чуть ли не месяц в Краснодарском крае. И если первое время Вайнштейн искренне недоумевал по поводу взглядов местных жителей, то к концу месяца с ужасом стал понимать, что ему это начинает нравиться.

Это было самое ужасное. Начало деградации личности. А потому, сначала Вайнштейн срочно прервал командировку (дописав недостающий материал в поезде), а потом и уволился из газеты, сменив московское место жительства на Питер. В Питере люди были безучастны и безразличны. Здесь, по большому счету, было друг на друга наплевать. И Максима это устраивало.

.....
.....

Первое время, оказавшись в Питере, Максим не работал. Хватало тех денег, которые он заработал в

Москве. Но потом наступил момент, когда нужно было что-то выбрать из предложений на городском рынке труда. И Максим... Максим стал писателем. Причем, словно бы изначально, в знак какого-то внутреннего протеста, он решил писать не о том, что было модно, а книги о вечном. Особого рода психологические романы, где он не только разбирал психику человека, а разом и навсегда погружался в нее. И находился в глубинах сознания, пока роман не заканчивался. А то и даже после этого еще какое-то время продолжал жить жизнью главного героя.

И получалось, что за несколько лет писательской жизни он проживал несколько жизней. И не считал, что должно быть иначе.

--Почему иначе?- удивлялся Максим во время своих многочисленных разговоров с самим собой.

Иначе действительно не хотелось. Да и не мог он уже иначе...

.....

.....

Состояния работы над книгой были для Максима самыми ужасными. В такие дни (переходящие в долгие месяцы) Максим действительно начинал смотреть на жизнь глазами своего героя. И это был уже не Максим. И это походило на какую-то форму издевательства над собой, над своей душой, над своей психикой.

Себе Максим уже не принадлежал. Каждый раз, при процессе творчества, что-то мучительное выползло из его подсознания. И не вызывало никаких эмоций. Ничего, кроме осознания того, что сейчас его душа ему не принадлежит. Потому что подменена она душой другого человека. Не чуждого ему, но и нельзя было сказать, что в какое-то другое время Максим Вайнштейн желал бы жить этой жизнью, чувствовать и поступать так, как это делает его герой. Его герой, а не он. Но вот сейчас они словно бы сплелись друг с другом. И Вайнштейн никак не мог этому помешать. Да, должно быть, и не решился бы.

.....
.....

Случилось так, что Максим Вайнштейн убил человека.

Когда это произошло первый раз, Максим даже не заметил. Все вышло словно бы само собой. И все, что ему оставалось, это констатировать факт убийства.

Притом что вскоре убитых оказалось несколько; они следовали один за другим, и никому из них Вайнштейн не оставлял шанса на выживание. Да он вообще вдруг переключился исключительно на триллеры. И как это произошло -- не заметил.

Да, Максим убивал людей в своих книгах. Но ведь мы говорили, что он жил их жизнью, жизнью персонажей своих книг. А значит, как будто и независимо от своего какого-то желания, переживал психологию убийства. И - убийцы.

Но, наверное, в большей мере, конечно же, убийства. Оно манило его каким-то удивительным простором для исследований. При желании - многочисленных исследований. Притом что каждый раз тема оказывалась до конца неизученной. Словно что-то удерживало Вайнштейна поставить последний

аккорд в собственном расследовании, когда уже все станет понятно. А какие-либо новые разбирательства и копания в собственной душе не потребуются.

.....

.....

Максим действительно был убийцей. Он становился им во время работы над рукописями. И при этом каждый раз что-то заставляло его еще глубже погружаться в душу преступника. Причем, так выходило, что Вайнштейн все время стремился найти мотив убийства.

--Ведь не могло же произойти так,-- рассуждал он,-- что один человек просто так убил другого? Конечно, было мало оправданий какому-либо убийству. Но они ведь были. Были. И в этом Вайнштейн не сомневался. Если бы представилась такая возможность - он бы и сам убил кого-нибудь. Того, например, кто был повинен в смерти его матери, когда в горах, на извилистой дороге Новороссийск-Сочи, ее 'Ситроен' подрезал пошедший на обгон джип, не заметивший Камаза, несущегося по встречной. Или

в гибели двоюродного брата, которого убили пьяные футбольные фанаты, а дядя, отец брата, ввязавшись в драку, сумел отомстить, убив только одного, прежде чем получил несколько ножевых ранний и навсегда остался инвалидом.

Другой из братьев, Артур, тогда только вернулся из Чечни. Жил он недалеко от драки, поэтому успел сбегать домой, и, вернувшись с автоматом (он привез из Чечни десятка два автоматов) расстрелял обидчиков. Если бы на его месте был Максим - он сделал бы то же самое. Причем, не задумываясь. Вор должен сидеть в тюрьме, а убийца лежать в земле. А еще лучше - сгореть в аду.

Брату, изрешетившими автоматными пулями толпу пьяных фанатов, удалось скрыться. Как знал Максим, тот перешел границу одной из бывших Среднеазиатских республик и затерялся где-то в ближневосточных странах.

.....

.....

Родственная сопричастность к убийствам изменила Максима Вайнштейна. Хотя сейчас он не помнил, чтобы когда-нибудь относился к убийству как к чему-то особенному и из ряда вон выходящему. Просто видимо был готов к этому. Готов посредством филогенетической памяти, коллективного бессознательного, того, что прочно сидело в его подсознании, сохранившись в психике с прежних, доисторических времен.

И с этим уже ничего нельзя было поделать. С этим оставалось только смириться. А когда-нибудь и убить себя, чтобы прекратить мучения.

.....

.....

Выходило так, что в последние годы Максиму Вайнштейну пришлось достаточно серьезно начать задумываться о жизни. Не сказать, что он не думал о ней раньше. Нет, конечно же, нет. Периодически он становился заложником достаточно серьезных раздумий. Причем в иных случаях он сознательно

находил причины, по которым убеждал себя, что жизнь еще продолжается. И заканчиваться не должна.

А в иные разы у Максима случалось серьезная внутренняя борьба. Трудно ему приходилось в такие минуты. Никто ему становился не мил, а он понимал, что достаточно серьезно запутался. И может даже разрешить мучившие его противоречия уже будет невозможно. Ну, или, невероятно сложно.

.....
.....

Как-то Максим проснулся среди ночи. Ему показалось, что кто-то его зовет. При этом Максим знал, что это заранее исключалось, потому что жил он один, общение с внешним миром поддерживал минимальное, а значит выходило, что никого, кому бы он срочно понадобился (да еще среди ночи) не было. А еще вернее - просто не существовало.

Однако что-то говорило, что Максим должен был разобраться в произошедшем. Если предположить что чей-то голос ему слышался во сне - то это было как минимум удручающим

моментом. Потому как получалось, что в жизни Максим кого-то обидел, оставил в беде, ну или просто существовал некто, кто нуждался в нем. И как минимум требовалось найти его. Чтобы прекратить эти ужасающие голоса, которые раздавались теперь каждую ночь, будили его, а иногда и призывали ко всякого рода гнусностям. Причем деталей Максим вспомнить не мог. Но в более чем негативном характере сновидений не сомневался.

Нет, можно было конечно предположить, что все им слышанное - элементарные 'голоса'. То есть бред, слышимый людьми в той или иной степени имеющими психические отклонения. Но не мог же Вайнштейн пойти к врачам!? Врачи - психиатры, обрадованные новому пациенту, тут же заключили бы его под колпак. Чего Максиму искренне не хотелось.

--Значит, оставалось смириться с происходящим,--подумал Максим, решив до поры до времени никому ничего не рассказывать, и надеясь, что со временем что-нибудь образумится.

Надежды были весьма призрачны. Максим это понимал, но пока ничего с собой поделаться не мог. Решив выждать время. Которое, как известно, лечит.

'И ни хочу я знать, что время лечит // Оно не исцеляет, а калечит // Ведь все проходит вместе с ним',-- совсем некстати вспомнил Максим строчки из Высоцкого.

Но у него видимо и на самом деле не было на примете каких-то других вариантов. Что словно бы вновь говорило о том, что нужно ждать. Пусть и страдать, ожидая.

.....
.....

В один из дней к Максиму приехал брат, Артур, скрывавшийся до этого от правосудия после расстрела футбольных фанатов. Оказывается, Артур никуда не уезжал. Но сделал все, чтобы все поверили в его бегство.

Появление Артура не означало, что тот решил сдаться властям, покаявшись в содеянном. Максим вообще не понял, какие цели преследовал его брат. Да и у Максима не было причин обвинять Артура. Он вообще предпочитал не вмешиваться в то

происходящее, где не являлся прямым участником.
Тем более не любил кого-то обвинять.

И не потому, что был не способен на какие-то обвинения. А скорее от желания безучастности к происходящему вокруг него. Если это напрямую не касалось его, то было Максиму не нужно и не интересно.

Когда Артур уехал, Максим еще долго спрашивал себя, зачем тот приезжал? По всему выходило, что этого Максим так не понял.

Но даже если бы и захотел, смысл происходящего все равно бы не открылся ему. Загадочен был этот смысл. Излишне загадочен.

.....

.....

Максим снова начинал понимать, что действительность принялась играть с ним в какую-то неведомую игру. Игру, в которой не было ни победителей, ни проигравших. Игру, которая не имела как будто и никакого особого смысла, кроме как...

Что из себя представляла игра -- Максим не знал. И даже не догадывался. Но если предположить, что он уже понимал, что сам по своему желанию не может выйти из игры (так же как и желания его вступления в игру никто не спрашивал), то игра, по всей видимости, была серьезная. Настолько серьезная, что могла потребовать от Максима даже каких-то жертв.

При этом становилось ясно, что закончиться игра могла также неожиданно, как и началась.

.....
.....

Проходило время. Случилось много событий. И как-то неожиданно Максим понял, что у него уже нет пути назад. А он находится, вроде как, и в той жизни, в которой жил, но при этом в некоем загадочном измерении. Из которого не то что не было пути назад, но и этого пути просто не существовало.

Грустное настало время. Вернее, так это Максиму показалось поначалу. Но чем больше проходило дней, тем больше Максим убеждался, что,

собственно, ничего серьезного и не происходит. А его состояние самому Максиму в чем-то даже нравилось.

Притом что пока он не мог распознать, что это за состояние. А привычные земные радости отошли на второй план. И Максим даже не заметил, когда это произошло.

.....

.....

Максим в свои тридцать семь был вполне взрослым мужчиной. Однако он понимал, что, по сути, в жизни его случится еще много событий, которые способны будут изменить его жизнь.

--И когда наверняка,--размышлял Максим,-- произойдет то, после которого характер его последующих действий в этой жизни приобретет какую-то законченность. И вполне возможно, что после этого уже ничего не будет происходить. А весь мир, в зависимости от этого состояния, покажется или грустным и нелепым, или же смешным и до боли приятным. Словно вы внезапно оказались в детстве;

которое, заметим, у Максима было самым счастливым из того, что с ним происходило после.

.....

.....

--Значит ли это, что ты хотел бы обратно в детство?- уточнил Фрол Фомич, бывший профессор, а ныне пенсионер, семидесяти восьми лет, оказавшийся соседом Вайнштейна по лестничной клетке (дети старика купили тому однокомнатную квартиру).

--Да. Наверное, да,-- признался Максим.

--Понимаю,-- кивнул старик, прикрыв глаза.

Его губы расплылись в улыбке. Максим внимательно посмотрел на старика, который сейчас видимо мысленно погрузился в свое детство. Ну, или наверняка вспомнил из него что-то хорошее.

--Скажи, Максим,--произнес старик (Максим вздрогнул от неожиданности), если бы тебе вдруг представилась такая возможность, ты бы согласился снова вернуться в прошлое? И начать бы жизнь заново.

Максим утвердительно кивнул.

--И наверняка ты бы начал жить по-другому?-
заулыбался старик, не сводя глаз с Вайнштейна.

Максим тяжело вздохнул, мол, к чему
говорить о том, что невозможно.

--Ну почему невозможно?- угадал мысли
Максима Фрол Фомич.

Максим вскинул брови, заинтересованно
посмотрев на старика.

--Ну да, да,-- горько улыбнулся Фрол Фомич.-
Конечно же, невозможно. К сожалению, невозможно,-
добавил он.

Максим опустил глаза и вздохнул.

--Ты думаешь, я не понимаю,--посмотрел на
него Фрол Фомич.- Мне просто еще раз хотелось
убедиться в истине. В мои годы иной раз приятно
убеждаться в каких-то истинах, отвечая
утвердительно на вопросы, на которые уже когда-то
ответил,--пояснил он через время, вновь погружаясь в
задумчивость.

--А какую дисциплину вы преподавали?-
спросил Максим.

--Политэкономии,--горько усмехнулся Фрол Фомич.- А еще историю КПСС.--Сейчас уже никому не нужна история КПСС,-- добавил он, вздыхая.

Максим понимал причину сожаления старика. Однако ему почему-то показалось, что правда на самом деле не такая уж и горестная. Тем более что у него отчего-то появилось подозрение, что о самой правде он никогда и не узнает. Да и во всех своих беседах с ним, старик больше спрашивал, чем рассказывал сам. Тогда как наверняка ведь его жизнь могла оказаться намного интересней, чем Максима. А в том, что за годы жизни Фрола Фомича случилось множество интересных событий, Максим не сомневался.

--Как ты считаешь?- старик заинтересованно посмотрел на Максима.- Если бы люди поняли что глупы - изменили бы они тогда свою жизнь?

--Глупы?- переспросил Максим.

Старик кивнул.

--Не думаю,--ответил Максим.- Да это и невозможно... Притом что и градация глупости, на мой взгляд, весьма условна. Скорей всего все относительно.

--А почему невозможно?- выжидательно посмотрел на него Фрол Фомич.

--Да потому что мир бы тогда изменился,-- честно признался Максим.- Потому что ошибки уже заложены в природе человека. В его психике, которая словно изначально ориентирована на страдания. Просто многие стремятся избегать страданий. Придумывают себе массу занятий, только бы не оставаться наедине со своими мыслями. Тогда как по сути это все равно невозможно. И волей неволей человек остается один. Понимая в душе, что он...

--Понял, понял,-- улыбнулся старик.- Я тоже когда-то так считал.

--Когда вам было столько же сколько мне?- посмотрел на него Максим.

--Да,--кивнул старик.- Я тоже грешным делом считал, что смогу изменить мир. Считал, потому что мне казалось, что это возможно.

--Это невозможно,-- тяжело вздохнул Вайнштейн.

--Да в том то и дело,--согласился с ним Фрол Фомич.- Причем, что самое печальное, тут оказывается бессильной любая степень желания. И

становится невозможно - просто потому, что невозможно. Без каких-либо дальнейших объяснений и поисков причин,-- улыбнулся он, внимательно наблюдая за реакцией Максима на его слова.

Максим поймал себя на мысли, что начинает тяготиться присутствием старика. Совсем неожиданно тот натолкнул Максима на размышления. И ему захотелось побыть одному.

--У меня еще дела,--произнес старик, вставая, и словно угадывая мысли Максима, отчего тому стало несколько совестно.

--Ты не переживай, у меня действительно еще дела,-- добавил старик, положив руку на плечо вставшего вместе с ним Максима (старик зашел к нему в гости).-Я думаю, мы еще увидимся,--произнес он на прощание, уже перед входной дверью.

--Конечно, увидимся,--горячо (и радостно от того, что старик действительно уходит) ответил Максим.

Фрол Фомич заинтересованно посмотрел на него, улыбнулся, и ушел.

Какие-либо мысли из головы Максима неожиданно исчезли. Он начал испытывать

необъяснимую вину перед стариком. Словно бы обидел незащитного человека. И от этого у него разом испортилось настроение.

.....

.....

Стоит признаться, что Максим часто испытывал чувство вины. Правда, в последнее время оно стало отступать. Но, судя по нынешнему состоянию, окончательно исчезать было не намерено.

--Не грусти,--услышал Максим голос старика.

Подойдя к двери, и открыв ту, он выглядел на лестничную площадку. Там никого не было.

--Почудилось,--подумал Максим, закрывая дверь. Настроение оказалось разом испорчено. И хоть видимых причин к этому действительно не было, Максим опечалился.

Он подошел к бару, достал бутылку бренди, налил себе полный стакан, и разом осушил его, сморщившись от ударившего в голову напитка. Потом Максим закурил, и задумался о жизни. Жизнь ведь на этом не заканчивалась. И надо было еще подумать,

что бы сделать в жизни такого, чтобы как-то
исключить состояния, подобные нынешнему. И хоть в
голову действительно нечего не приходило, Максим
знал, что он что-нибудь придумает. Обязательно
придумает. Иначе и невозможно,--подумал он,
улыбнувшись.- Все действительно должно быть
хорошо,--сказал он себе, понимая, что если даже все и
не слишком хорошо, то лучше считать что все
находится в относительном порядке и спокойствии.
Иначе... иначе...

--А иначе и не надо,--улыбнулся Максим,
проваливаясь в сон.

.....

.....

Так получалось (и я, конечно, это замечал),
что моя жизнь каким-то незримым образом
подчиняется неизвестным, и может даже загадочным
механизмам, в соответствии с которыми я вдруг
начинал запутываться в самых простых вещах. А если
пытался искать какую-то разгадку, то это уводило
меня в сторону, и со стороны видимо походило на

игру; в общем, ничего хорошего из всего этого я вынести не мог. После чего опечаливался; но не сдавался. Пускаясь со временем в новые постановки драмы своей души. И при этом в них, наверное, особенно как-то не веря.

Не думал я тогда, что когда-нибудь повторится то, что случилось как бы случайно, как считал, заблуждаясь, я. Мне как-то ни за что не хотелось верить, что жизнь моя с тех пор необъяснимым образом примет навязываемые неизвестно кем правила. А в том, что в итоге так и произошло, была, видимо, значительная доля моей вины. Притом что на этом все не закончилось. И я все также продолжал совершать одну ошибку за другой. Словно бы или смирившись с ними, или же действительно делая вид, что попросту их не замечаю.

Так не должно быть. Я знаю уже сейчас, что так не должно быть. Но почему же тогда ничто не остановило меня? Ведь был же, наверняка ведь судьба предоставила хоть один шанс, после которого все могло пойти совсем иначе. Могло,-- но не пошло. И в этом нахожу я исключительно свою вину. Вину за то,

что происходило со мной после. Ну и при этом я словно еще оставляю нечто, пусть и не особо улавливаемое сейчас, на то, что все что происходило (а значит и мое поведение при этом) вполне оправданным.

--Ведь если только допустить,--размышлял я,-- что судьба таким образом лишь готовит тебя к большему. Ведь если допустить так - то уже тогда не только все будет оправданно, но и что самое интересное в этой истории - будущее становится в таком случае чем-то важным, и, по сути, обеспеченным как минимум движением. А там где уважение - там же и финансовая составляющая. Та финансовая составляющая, которую я все эти годы оттеснял на второй план. Словно не считая ее обязательной, а, быть может, и необходимой. Точнее - считая ее вынужденно необходимой, не иначе как. И вот если теперь (или когда-нибудь) я смогу убедиться в том, что был когда-то прав; что я наконец-то одержал вверх в этой борьбе; что мне теперь и не нужно, как будто бы, задумываться о чем-то, о чем и не задумывался ранее. И при этом даже чувствую какую-то справедливость. И уверенность.

Оправданную уверенность, а не надуманную, коей, в большинстве своем, пользовался ранее.

.....

.....

Максим Вайнштейн понимал, что все больше начинает проваливаться то ли в сон, то ли в выдуманный мир. И чем больше мир этот начинал казаться надуманным (именно такое приходило понимание его),-- тем больше Максиму становилось понятно, что уже может так случиться, что и не будет пути назад. Не будет уже позволено ему выбраться. Выбраться обратно. И, конечно же, он нисколько и не хотел, чтобы было это так.

Максим считал, что может так случиться, что окажется, просто окажется, что сейчас он ошибается. А если произойдет когда-либо надежда на какое-либо возвращение обратно, то он, конечно же (и непременно) этим воспользуется. Ведь не могло же так быть,--рассуждал он,--что уже как будто и все. Что уже не появится возможности что-либо изменить к лучшему. Что не только не будет такой возможности,

но и все попытки изменить ситуацию окажутся затруднительными. До боли, до неестественности невозможными. А сам он, почувствовав, что это действительно невозможно, сложит руки в ожидании наступления чего-то, что подтвердит нереальность попыток. А значит...

Максим не знал, что будет это 'значит'. Не знал он и того, что через какое-то время настанет момент, когда он с радостью заметит, что слишком рано начал задумываться о сдаче. Притом что сдаваться было не то что не нужно, но и совсем даже преждевременно. А то и наоборот - случится нечто, после чего он словно бы ненавязчиво начнет убеждаться в обратном. И все будет происходить независимо от него. От его чувства ситуации. Да и само такое чувство окажется до боли ошибочными. Другим. Наверняка другим.

И когда уже произойдет так, Максим увидит что мир на самом деле другой. И большинство людей, живущих в этом мире, искренне заблуждаются. Не понимая, что настоящая жизнь иная. И если они что-то видят, то не понимают по сути что это.

И когда это произойдет,--знал Максим,-- все будет совершенно иначе.

.....

.....

Думать о чем-то хорошем Максиму Вайнштейну доставляло эстетическое наслаждение. Выходило, что словно сама жизнь сначала насмехалась над ним, а после заставляла исправлять собственные ошибки. И ведь на удивление - не то что это оказалось так-то уж трудно, или заставляло прилагать какие-то сверх усилия. Скорей всего нет. Не было ничего, что указывало бы что необходимо, махнув на все рукой, прекратить стремление к достижению поставленной цели.

И пусть цель имела размытые черты. Это не играло роли. Общий смысл ему был понятен. И ничто не способно было отвернуть Максима от достижения той цели, которую он знал - все равно достигнет. Пусть для этого и придется приложить ему значительное усилие. Пусть. Это ничего не меняло. Ведь он вполне мог сломить сопротивление судьбы.

Ни за что бы Максим не поверил, что ничего из им задуманного не получится. Такого просто не могло быть,--рассуждал он.- Надо только проникнуться пониманием того, что иного и действительно не может быть. Ведь даже самая качественная и сильная оборона через какое-то время оказывается сломлена. Ну а он добьется решения поставленных задач. Причем, отчего-то Максим был уверен, что случится это в каком-то не очень значительном по отдалении от сегодняшнего дня времени. Ну а если произойдет,-- так не нужно будет переживать или расстраиваться. Самое опасное - опустить руки и смириться. Самое опасное.

И Максим был уверен, что он не смириться никогда. Никогда.

.....

.....

И все-таки получалось, что я и ни за что не намерен был сдаваться. Шутка ли: не восприятия общества? Но ведь мне на самом деле нисколько не

верилось, что то, к чему я всегда так стремился, было, по сути, никому и не нужно.

Конечно, думать так не хотелось. При этом через какое-то время собственной жизни я понял, что исключительно упаднические настроения приводят к такой же жизни. Жизни, которая словно принимает определенную плоскость, с которой невозможно свернуть, кроме как...

Мне не хотелось продолжать. Так получалось, что, то ли вынужденно, то ли действительно по какому поверию, но я решил, во что бы то ни стало, вырвать у судьбы тот шанс, который и так предназначался мне.

Много мне было не нужно. Я хотел взять только свое. И как бы не было, был уверен, что его возьму. Чего бы мне это ни стоило...'

На этом рукопись обрывалась. Причем Антону почему-то казалось, что автор прервал ее по каким-то веским причинам, помешавшим ему закончить. Хотя и можно было согласиться с предположением, что рукопись имела свою законченность. И от необходимости продолжать ее -

неизвестный автор отказался сознательно. Ну, или бессознательно,-- это уже смотря с какой стороны рассматривать вопрос.

Правда, тут же можно было предположить, что на самом деле автор намеревался сделать рукопись значительно длиннее. Раскрыв подробности того, что в данной рукописи было намечено схематично.

Антон был уверен, что это не художественная фантазия, а реально происходящие факты с реальным человеком. И таких людей могло быть два. Или один. Некий Максим Вайнштейн (фамилия и имя могли быть несколько изменены), или же под псевдонимом Вайнштейна скрывался Лисовский.

--Но тогда,--размышлял Антон,--получалось, что и убийств или не было в реальности, и это все плод художественного воображения автора, или же... или же кто-то намеренно пытается сбить с толку уже меня,--неожиданно подумал Антон Гусарский.

После получения рукописи, Антон не находил себе места. Он понимал, что разгадку происходящему следует искать в присланном ему тексте. Но вот как

разгадать?- сокрушался молодой человек, вновь и вновь перечитывая текст.

Немного смущала десятилетняя разница в возрасте между Лисовским (если предположить, что автор был он) и Вайнштейном. Ну, или события просто описывались десятилетней давности. И тогда как будто бы все сходилось.

Антон вспомнил лицо Лисовского, его ладно скроенную фигуру бывшего спортсмена, и ему показалось, что он начал понимать, в чем тут дело. Ведь Лисовский выглядел значительно моложе своих сорока семи лет. Да и в душе своей видимо осознавал себя также. А значит...

--А значит это вполне мог быть и он,--
неожиданно заключил Антон.

Подобное предположение потребовало определенной доли воображения. Но у Антона с воображением было все в порядке. И еще через какое-то время он уже почти не сомневался, что ему попала рукопись Лисовского. В которой тот, с применением некоего художественного вымысла, описывал состояние своей души. Словно бы для того, чтобы поняли эту душу. И, быть может, строго не судили ее.

Глава 3

Савраскин Гарик Валерьевич был жулик, мошенник, мелкий воришка и педераст.

Что касается воровства - воровал он исключительно у себя, сначала добиваясь перечисления денежных средств, а потом их разворовывая (он работал ведущим менеджером в фонде помощи правоохранительным органам). Жулик и мошенник Савраскин был (по его словам) по причине существования нечестных на руку бизнесменов. Савраскину удавалось находить таких бизнесменов; и намекать им, что если они перечислят определенную сумму в фонд помощи МВД, то при случае это самое МВД закроет глаза на их махинации.

Срабатывало.

Ну а гомосексуальные наклонности Савраскин оставлял уже как бы для души. Для его лживой и мелкой душонки, реализующей низменные инстинкты.

И существовал бы себе Савраскин, обманывая других, если бы в какой-то момент не задумал обмануть крупного бизнесмена, Вагита Мустафьева. Причем, в отличие от других своих клиентов, кинуть этого он решил сразу на миллион долларов, зная что у Мустафьева таких миллионов как минимум несколько сотен.

И интересно было то, что и Мустафьев уже согласился. Против него как раз возбудили уголовное дело, самого его поместили в СИЗО, и после предложения Савраскина, пришедшего к нему в следственный изолятор под видом адвоката, Мустафьев уже просто мечтал отдать кому-нибудь деньги за свое освобождение.

Деньги Мустафьев перевел. Но в тот же день, когда они поступили на указанный Савраскиным счет, Мустафьев умер в камере от сердечного приступа. Причем самому Мустафьеву не было еще и сорока, в прошлом это был борец-международник, по внешнему виду которого было заметно, что здоровья у него хоть отбавляй. А тут такая смерть...

.....
.....

Гарик Валерьевич внешне всегда был верен в себе. Что на самом деле творилось у него внутри - оставалось загадкой. Хотя и по виду Гарика не просматривались у него какие-то внутренние сомнения да противоречия.

.....
.....

Случай с Мустафьевым развязал Савраскину руки. Практически сразу после этого он перешел исключительно на серьезные аферы. И в самое ближайшее время список его жертв увеличился до десятка солидных бизнесменов, перечисливших достаточно крупные суммы в фонд помощи правоохранительным органам.

А еще через время покончила жизнь самоубийством, выбросившись из окна, бухгалтер фонда. Причем это был уже третий бухгалтер фонда, закончившая жизнь по необъяснимым причинам.

Но самым удивительным казалось то, что ни у кого (ни у руководителей фонда, ни у членов попечительского совета) ни разу возникло подозрений к Савраскину. По какой-то необъяснимой воле обстоятельств его считали честным человеком. И честность его никто не ставил под сомнения.

.....
.....

На адрес Антона Гусарского стало приходиться продолжение рукописи. Причем у Антона сложилось впечатление, что автор первоначально имел план закончить рукопись, и только после этого переслать Антону. Но что-то его заставило выслать то, что было к тому времени написано, и спешно дописывать продолжение.

Хотя могло быть и так, что автору стали приходиться новые мысли, о чем он и уведомлял Антона новым материалом.

'Получается так, что не может быть все просто. И столкнувшись с необходимостью

совершения преступления - я сначала совершал его, а после думал. Действуя словно по наитию, и может даже без какой-то серьезной мотивации необходимости совершения оно.

Хотя могу предположить, что на тот момент существовала какая-то причина, о которой сейчас попросту забыл. И именно она толкала меня. Но как бы ни было, сейчас, анализируя свершенное, подобной причины я не обнаруживал.

А может, и не было ее. А я полностью отдавал отчет реальности. А значит, все совершал сознательно...'

Антон понимал, что подобные записи могли выглядеть странными до того момента, пока не станет известен автор.

--Автор, именно автор может прояснить ситуацию,--понимал Гусарский. И он решил этого автора найти. А пока стал сопоставлять имеющуюся у него информацию.

.....

.....

Несмотря ни на что, Антон Гусарский продолжал и свои записи. Во что это в итоге выльется (книга, монография...), пока он не загадывал. Но то, что доведет до логического конца начатое - не сомневался. Вот только имя Лисовского, как автора всех случившихся происшествий, приходилось ставить под сомнение. Хотя Антон, после недолгих раздумий, решил все же оставить его в качестве главного героя. Полагая, что если позже обнаружится ошибка - просто заменит фамилию Лисовского на настоящего убийцу.

Кстати, за это время Антон защитил диплом и стал сотрудничать с рядом интернет-изданий.

'Выходило так,--писал Антон.- Что перед началом убийств Лисовскому приходилось идти наперекор с совестью. Потому как, если допустить, что он сразу был готов к убийствам, мог возникнуть справедливый вопрос: почему он не совершал их ранее? И то, что раньше он их действительно не совершал, как бы говорило за то, что этому человеку

потребовалось определенное перерождение, чтобы начать совершать нечто подобное.

При этом вполне можно предположить, что ему действительно потребовалось для этого время. А в последствии, пришлось буквально переступить через себя. Ведь, по сути, его работа тренером фактически означала, что он смирился, решив оставить музыку окончательно. И то, что после он к вернулся музыке- говорило само за себя'.

Гусарский поймал себя на мысли, что он не знает, о чем сейчас думал Лисовский. Не знает, что тот решил предпринять.

--Можно только предположить,--рассуждал Антон,--что Лисовский не станет возвращаться к убийствам. Это было бы достаточно глупо еще и потому, что за совершенные им преступления уже осужден другой человек (Муса Каримов). А значит, у Лисовского появлялся шанс жить обычной жизнью; не обращая внимания на происходящее вокруг.

Неожиданно Антону позвонили и сообщили об убийствах двух людей, вроде как знакомых ему. Их тела случайно нашел рыбак, забросивший сети и

выловивший странный улов. Антон опознал в 'утопленниках' своих помощников и понял, что Лисовский начал действовать. По всему выходило, что теперь тот должен убить его.

Глава 4

Антон случайно узнал, что под именем Савраскина скрывался Лисовский. Причем у Лисовского, как оказалось, было несколько имен. Одно из них - Вайнштейн.

Гусарский решил еще серьезнее взяться за Лисовского. Человек, представляющий загадку, притягивал возможностью разобраться в этой загадке. И Антону во что бы то ни стало захотелось найти Лисовского.

--Что еще вычудит этот человек,--рассуждал Антон, понимая что в любой момент Лисовский начнет действовать, потому что убийство двух помощников Гусарского не оставляло сомнений, что он решит убить и самого Антона. И уже можно было не сомневаться, что Лисовский пойдет на это.

'Человеку, ориентированному на уничтожение другого человека, трудно, а зачастую и невозможно не убивать,--писал Гусарский.- Даже если на какое-то время он остановится в осуществлении собственных намерений, после все равно (и в этом не следует сомневаться) реализует их при первой же возможности. Можно даже предположить, что в мозгах такого человека срабатывает что-то без его ведома (по типу условных рефлексов, или очагового возбуждения в коре головного мозга), и его уже не остановить, ибо действует убийца в этом случае бессознательно. Удовлетворяя собственную патологическую страсть к убийству, после чего на какое-то время может успокоиться. Чтобы через время начать все сначала.

А значит, мы должны говорить, что такой человек никогда не станет на путь исправления. И перед нами исключительно убийца, зверь, который подлежит немедленному и скорейшему уничтожению, и никак иначе'.

Гусарский был преисполнен решимости не только найти Лисовского, но и убить его.

--Такие люди жить не должны,--вынес Антон приговор маньяку.

.....

Лисовский действительно походил на маньяка. Так получалось, что он оказался не способен отказаться от убийств. Причем прослеживалась достаточно забавная цепочка. Убийства, в представлении Лисовского, это акт мщения. Мщение - это справедливость. Справедливость - это повышение внутренней самооценки индивида. Повышение внутренней самооценки - это сохранение жизненного статуса. А сохранение жизненного статуса - это удача. Удача, распространяемая на все, что находилось вокруг. И Лисовский, наказывая негодяев, когда-то избивавших и унижавших его, чувствовал прилив сил и хорошего настроения. Причем ощущение чего-то хорошего и во всех отношениях приятного случилось уже после первого убийства. И пусть потом он не испытывал чего-то подобного. Но он жил когда-то испытанным ощущением, и тайно мечтал испытать его вновь.

.....

.....

Лисовский подошел к двери небольшого домика в центре Краснодара. В этом городе еще остались частные одноэтажные дома. Некоторые из них находились в центре города. В одном из таких домов жила его бывшая одноклассница. Причем впервые Лисовскому захотелось просто увидеть человека, которого до этого знал еще совсем юной девочкой, такой же, как когда-то был он. Тогда им было по двенадцать. Сейчас - под пятьдесят.

Лисовский позвонил. Дверь открыл незнакомый мужчина, который с подозрением уставился на опешившего Лисовского, силившегося что-то сказать, и только бесшумно шевеля губами

--Вам кого?- недоуменно спросил хозяин.

Валентин Евгеньевич достал специально заготовленное удостоверение сотрудника милиции.

--Моя фамилия Гандыбин,--представился он.-
Я хотел бы поговорить с хозяином дома.

Мужчина посторонился, пропуская Лисовского внутрь.

В доме, посреди комнаты стоял стол, за которым сидели несколько человек, все в форме сотрудников милиции.

Лисовский на секунду опешил, но тут же взял себя в руки, и громко поздоровавшись, представился Павлом Максимовичем Гандыбиным, майором милиции из Санкт-Петербурга.

Милиционеры возгласами одобрения встретили коллегу, и предложили присаживаться за стол.

Лисовский извинился, и, сославшись на недостаток времени, попросил предоставить ему возможность задать несколько вопросов хозяевам квартиры. В отдельной комнате.

Сначала Лисовский, под видом майора Гандыбина, допросил мужа одноклассницы. Спрашивал он обо всем, что тому было известно об Антоне Гусарском, сыне убитого Макара Гусарского. Не приходилось ли случайно встречаться? Когда последний раз и при каких обстоятельствах виделись?

Какое сложилось мнение об этом человеке? Знает ли он, где тот сейчас находится?

Хозяин квартиры не смог ответить ни на один вопрос, пояснив, что о школьных друзьях супруги ему ничего не известно, что его супруга, Вера Микаэлевна Визбор, давно сменила место жительства, переехав из Армавира в Краснодар, к нему, Игорю Борисовичу Визбору, тридцати девяти лет, уроженцу города Сочи, прапорщику ОМОНа, на квартире у которого сейчас происходит встреча с товарищами, с которыми недавно вернулся из Чечни. Подвыпивший прапорщик также уверил майора, что все понимает, вызвался помочь найти пропавшего, понимающе кивнул майору, когда тот уверил, что они справятся сами, и дал согласие на беседу с супругой, пожелав удачи и надежды что она чем-то сможет помочь следствию.

В комнату вошла женщина чуть выше среднего роста, с большой грудью, обычного телосложения, с рыжими распущенными волосами и взглядом доступной женщины.

--Майор Гандыбин, уголовный розыск Санкт-Петербурга,--представился Лисовский.- Мы расследуем дело об исчезновении Антона Макаровича

Гусарского, сына Макара Гусарского. По имеющимся у нас сведениям вы встречались со своим бывшим одноклассником незадолго до его смерти,--Лисовский внимательно смотрел в глаза женщине.

--Не могли бы рассказать, при каких обстоятельствах проходила эта встреча?- снова начал майор, после небольшой паузы.-- Не показалось ли вам что-то странным или загадочным в поведении Гусарского? Может он что-то говорил о том, что ему кто-то угрожает. Рассказывал о каком-то конфликте. Вам известно о чем-то подобном?

На все вопросы женщина недоуменно качала головой. Ее глаза пытались выдать какую-то мыслительную работу. Но она уверила, что с Макаром случайно столкнулась на колхозном рынке, они поговорили несколько минут и разошлись по своим делам. Он спешил домой, уже была вторая половина дня, а ему еще необходимо было купить обратный билет до Армавира.

--А скажите,--Лисовский придвинулся поближе к женщине, словно собирался сказать ей информацию, о которой не должен был услышать ее муж, возгласы которого раздавались в другой

комнате.- Помните ли вы некоего Валентина Лисовского, когда-то ухаживавшего за вами.

На миг во взгляде женщины промелькнуло просветление. Лисовский даже подумал, что она его узнала. Но тут же понял, что это невозможно. Все, что между ними было – тот единственный раз, когда случайно вдвоем оказавшись в школьной раздевалке, где-то в классе в восьмом, они целовались. После восьмого класса Вера ушла в техникум и они больше не виделись.

Причем Вера была единственная из их класса, кто не только не унижал скрипача Валю Лисовского, но и, как верил он, тайно была в него влюблена.

В комнату постучали.

Лисовский тут же оказался у двери.

--Извини, майор, ребята уже расходятся...

--Мне осталось задать вашей супруге еще несколько вопросов,--сухо сказал Гандыбин-Лисовский.

--Хорошо,--кивнул, улыбаясь муж, уже заметно навеселе.- Я тогда провожу ребят. А вы пока заканчивайте,--ответил он, уходя, и закрывая за собой дверь.

Как только он ушел, Лисовский, дождавшись пока хлопнет входная дверь, назвал женщине свое настоящее имя. Сказал, что после того школьного случая всю жизнь мечтал о повторении подобного.

Он привлек к себе Веру. Быть может, если бы она не выпила до этого несколько рюмок водки, ничего бы у Лисовского не получилось. Но не прошло и минуты, как он уже целовал внушительные груди женщины, и если бы не вернулся муж, наверное, пошел бы дальше.

.....

.....

Веру Лисовский не убил. Случилось, как предположил Антон, исключение из правил. Более того, майор Гандыбин (Лисовский) отчего-то так понравился мужу Веры Визбор, что тот пригласил его заходить в любое время. Лисовский поблагодарил, обещая обязательно зайти в другой раз, потому что сейчас должен спешить.

В тот же вечер Лисовский заказал в номер элитную проститутку Кубани, которую и убил вместе

с водителем-охранником. После чего вылетел в Санкт-Петербург.

Однако в аэропорту его уже ждали.

Глава 5

Антон недоумевал. Выстроенная им доказательная база рушилась. Он нашел Савраскина, но этот человек не имел к Лисовскому никакого отношения.

--Значит, Лисовский не мог воспользоваться вашими документами,--несколько растеряно спросил Антон.

--А вашими?--сязвил Савраскин.

Антону захотелось съездить кулаком по ухмылявшейся жирной физиономии мошенника и педераста Гарика Савраскина. Но он сдержался. По всему, Гарик мог еще пригодиться.

Роман Микаэлян был наемным убийцей. В другой жизни - он преподавал художественную литературу в одном из колледжей Петербурга. Его приглашали даже в университет, но он отказался, сославшись, что не будет успевать зарабатывать на жизнь.

Это был тридцатитрехлетний мужчина, с густыми черными вьющимися короткими волосами представителя южных народов. По национальности Роман был грек. По вероисповеданию католик. И убивал он исключительно богатых мусульман, которых по разным причинам заказывали ему соотечественники и единоверцы этих самых мусульман.

Убивать Роман не любил. Поэтому всякий раз придумывал новые способы, по которым ему не пришлось бы самому наносить удары ножом или стрелять в клиента из автоматического оружия. Намного интереснее Роману было сбить объект на машине, взорвать его вместе с машиной, подстроить пожар, ну, в общем, вида крови он не переносил, и вообще был неженка и белоручка.

Интересно, что жена у Романа была мусульманка. А дети (у него было пять детей) разделились на католическое и мусульманское вероисповедание.

Антону только недавно рассказали о загадочном киллере, пояснив, что если хорошо заплатить, Микаэлян легко уничтожит Лисовского (причем Микаэлян мог сам его отыскать, где бы тот не скрывался). Становилось понятно, что Микаэлян стрелял не только в мусульман, но и в представителей других вероисповеданий. Да и не заказывали так часто мусульман. Их было не так много в Санкт-Петербурге, чтобы разом всех перебить. А зарабатывать Микаэлян было необходимо.

.....

Антон еще не решил, что виновен во всем именно Лисовский. Словно все время находилось что-то, что могло говорить о невиновности того.

И при этом Антон уже не сомневался, что Лисовский будет уничтожен. Даже если до конца не удастся доказать его вину. Антону хватало

предложений о виновности этого маньяка. А то, что Лисовский не остановится в своих убийствах, уже было известно. Оставалось только решить: Антон сам убьет Лисовского, или наймет профессионального киллера. Причем, если вначале он непременно хотел убить его сам, то в последнее время отчего-то склонялся к мысли, что осуществить это должен кто-то другой. Причем убить самым жестоким образом, например, заживо сварить, или посадить обнаженного Лисовского ягодицами на муравейник.

--А еще лучше,--подумал Антон,--запустить в того крысу. Чтобы она проела его изнутри.

Методов убийств было много, и Антон уже знал, что даст команду киллеру придумать самые извращенные способы смерти врага. Врага, который не должен был жить. Врага, который непременно должен быть только уничтожен.

.....

.....

Лисовскому не хотелось умирать.

Почему он подумал о смерти? Ну, так, когда вокруг тебя смерть, все другое оттесняется на другой план. Хотя думать о смерти ему действительно не хотелось. А хотелось действовать.

Лисовскому пришла мысль, что он, по сути, никому еще не отомстил. При этом произошедшие с его участием смерти отошли как бы на второй план. А значит, необходимо было снова убивать. Да и без этого Лисовский уже не мог.

.....
.....

'Лисовский уже не может без убийств,-- записал Антон Гусарский в своих записях.- А значит в скором времени следует ожидать новых убийств. Можно даже предположить, что он уже вышел на чей-то след. После чего произойдет убийство этого человека.

Если прослеживать вопрос необходимости убийств, то, как мы обращали внимание ранее, у Лисовского была потребность убивать. Причем, необходимость таких убийств подкреплялась жадной

мщения. Своего рода инстинктом, который должен был найти удовлетворение. В итоге этот человек сделает все возможное для того, чтобы реализовать бессознательное желание смерти другого человека'.

Антон понимал, что Лисовский не остановится. А значит, необходимо было...

Что было необходимо - мнение Антона разделилось. По одному из них - следовало нанести упреждающий удар и уничтожить гидру. По другому - дать возможность негодяю уничтожить всех остальных, кто, по его мнению, был повинен в такой его судьбе. Ну а потом все равно убить Лисовского. То есть, уже так или иначе, убийцу ждала смерть.

Антон наказал себе выбрать одну версию. И уже исходить из нее.

Глава 6

По всему выходило, что между Антоном и Лисовским наметилось серьезное противостояние. Если говорить открыто, каждый из них подозревал,

что другой знает о подобном противостоянии. Причем, наверное, достаточно интересно было бы узнать, что думает обо всем этом Лисовский. Ведь Антон Гусарский своими действиями показал, что не только является противником Лисовского, но и намерен довести задуманное до конца. Вопрос, конечно, что из себя представляло это задуманное. И, наверное, Лисовскому было любопытно, почему же Антон его отпустил? Ведь, судя по всему, отпускать не собирался. Что же это тогда? Была ли это ошибка, или часть хитроумного плана?

В общем, вопросы у Лисовского были. Другое дело, что никто из противников не знал о чем думал другой.

.....

.....

Когда Лисовский вернулся из Краснодара, в Пулково его встречал... Савраскин.

Случайно ли этот чудак решил встретить его, или это было задумано ранее, но факт оставался фактом. Они встретились.

А вот о чем говорили, и самое главное до чего договорились, об этом Антон Гусарский, буквально рыщущий по следу Лисовского, уже никогда не узнает. Такси, в котором ехали Лисовский с Савраскиным из аэропорта, не справилась с управлением, вылетела на обочину, врезалась в дерево, взорвалась и сгорела. Приехавшие на место трагедии врачи и сотрудники ГБДД извлекли три обгоревших трупа.

Восстановив документы погибших, было обнаружено, что одним из убитых являлся некто Гарик Савраскин, руководитель фонда поддержки правоохранительных органов. Другим погибшим был водитель такси. А вот кто был третий? Нашли документы на имя майора милиции Гандыбина. Но проверив по базе ГУВД, такого человека не обнаружили. Вернее, такой человек был. Но он оказался жив, на пенсии, и когда-то действительно работал в милиции, уволившись из органов в звании майора. Что в конечном итоге только запутало следствие. И смутило Антона Гусарского, выяснившего, что Лисовский под видом Гандыбина

недавно вернулся с юга страны, где делал свои темные дела.

Поверить в то, что Лисовский убит - Антон не мог. Уж очень это ему показалось просто, и совсем не в духе слишком расчетливого Лисовского.

Однако сам Лисовский куда-то исчез. И все поиски его (в которых участвовали даже частные детективы, нанятые Антоном) к результатам не привели. Можно было предположить, что Лисовский действительно погиб. Но в это Антону не верилось...

Глава 7

Максим Вайнштейн мучился своей новой жизнью. По всему выходило, что всякие попытки наладить ее - ни к чему не приводили. Он все больше и больше погружался вглубь себя. И ему казалось, что обратного выхода не существует.

--Притом, что выход должен быть,--рассудил Максим.

.....

.....

Внешне Максим был не очень красив. Даже страшен. Но при этом его любили женщины. Всякий раз, когда Вайнштейн показывался на людях, в компании с ним находились две-три смазливые девицы. И не было сомнений, что девицы полностью подчинялись Вайнштейну. Слишком фривольно они вели себя.

.....

.....

Вайнштейн был достаточно любопытный человек. Загадка уже заключалась в том, что, несмотря на недовольство жизнью, которое слишком явно просматривалось на его лице, в реальности было все чуть ли не с точностью наоборот. Максим любил жизнь. И умел этой жизнью наслаждаться.

Иной раз этот человек пускался в длительные загулы, во время которых явно рушились устои общества, членом которого был Вайнштейн,

устраивавший такие безобразия (плавно переходящие в оргии), что у некоторых участников невольно возникала мысль: не следует ли это прекратить? Видимо люди боялись неконтролируемых эмоций, которые выдавали. Вайнштейн и на самом деле не хотел и не собирался себя сдерживать. Он решил взять от жизни все. И к каким бы опасным границам не приближался устраиваемый им праздник, ничто не могло его остановить. А сам он останавливаться не хотел. Да и не мог, предпочитая идти до конца. Причем, в чем заключался этот конец и когда он должен наступить, ни сам Вайнштейн ни кто другой не знали. Или предпочитали скрывать.

.....

.....

Вайнштейн кому угодно мог показаться странным. Особенно тем, кто знал, что обычная жизнь Вайнштейна не проходит в праздности. Это был трудоголик. И несмотря на то, что отдыхать умел и любил, большую часть жизни он все-таки работал. И помимо художественных книг, которые множились,

превращаясь в собрания сочинений, Максим Израилевич занимался еще и научным трудом. А также преподавал в нескольких вузах литературу.

Вот, правда, с возрастом все время выходила заминка. На вид он казался значительно старше заявленных в паспорте тридцати семи лет. А кто-то из самых смелых давал ему на десять лет больше. Чему сам Вайнштейн только улыбался. И, по всей видимости, настоящий возраст его оставался загадкой.

Притом что периодически находились те, кто такую загадку хотел решить. Одним из таких людей был Антон Гусарский. Так получалось, что достаточно продолжительное время Антону не удавалось выйти на след Вайнштейна. Причем несколько раз он даже чуть ли не бросался в объятия человеку, похожему по описанию на Вайнштейна (в иные минуты Антон был большой оригинал), но это оказался не он. А Максим Вайнштейн таинственным образом ускользал.

.....

.....

'Покойный Лисовский,--писал Антон,--если на самом деле предположить что этот человек действительно погиб в автокатастрофе, удивительным образом оказался похож на Вайнштейна. В иные минуты мне даже казалось что это один человек. Хотя и бывали мгновения, когда я понимал, что моя версия ошибочна. А Вайнштейн и Лисовский разные люди. И тогда с новой силой обострялся вопрос, кто же на самом деле подкинул рукопись? Если Вайнштейн, то оставалось загадкой, почему он решил, что данная рукопись должна оказаться у меня? И чем этот человек при этом руководствовался? Если предположить что автор рукописи Лисовский, тогда справедливее было считать, что Вайнштейна не существовало вовсе. А само имя Вайнштейн,-- это псевдоним Лисовского.

Но опять же,--продолжал Антон,--если предположить, что до меня периодически доходят слухи о каких-то поступках, якобы совершенных Вайнштейном, то следует считать, что такой человек существует. Притом что иной раз мне кажется загадочным стремление объединить под одним именем двух персонажей и тем самым продлить

жизнь Лисовскому. Лисовскому, который жить, собственно, не должен. Поэтому для меня остается задачей не только разобраться в феномене этого человека, но и уничтожить его. Стереть с лица земли. Что, как ни странно, кажется мне реальным'.

.....

.....

Оставалось загадкой, догадывался ли сам Вайнштейн о рукописи, попавшей к Антону Гусарскому, и о стремлении Гусарского найти его. Тем более такая перспектива казалась туманной, если учитывать что Вайнштейна, никогда не существовало. А все это плод воображения Валентина Лисовского, человека-убийцы.

Неожиданно Антону пришла мысль, что Вайнштейн все же мог существовать. Но не имел к Лисовскому никакого отношения. Например, Лисовский просто взял псевдоним Вайнштейн; также как до этого брал другие вымышленные имена. И на этом все бы могло закончиться, если бы... Если бы в

один из дней Вайнштейн сам не позвонил Антону. С предложением встретиться.

.....

.....

К подобной встрече Антон готовился весьма серьезно. Прежде всего, он отсканировал присланную ему рукопись, стерев все собственные пометки на полях (по ходу чтения рукописи) и заново ее распечатав. Потом он тщательно проверил собственные записи, касавшиеся Вайнштейна и Лисовского. Тщательно обвел красным карандашом все схожие, наблюдавшиеся между ними, и зеленым - наиболее явные отличия, по которым Вайнштейн уж никак не мог быть Лисовским и наоборот. Вообще, если разобраться, Антон проделал колоссальную работу. Понимая, что фактически осталось сравнить два портрета, и все станет на свои места. При этом записи могли потребоваться и в случае того, если внешность Вайнштейна в реальности окажется отличной от Лисовского. В этом случае как раз и пойдут в ход вопросы, которые Антон намеревался

задать Вайнштейну, и уже в зависимости от полученных ответов принять то или иное первоначальное решение. Почему первоначальное? Потому что Антон не доверял сиюминутным порывам, которые могли придти в голову. Особенно зная, что для того чтобы принять окончательное решение, необходимо тщательно все взвесить и, главное, должно пройти некоторое время, во время которого исчезнет излишняя эмоциональная составляющая, а заодно исключатся погрешности; и принятое решение уже может оказаться более-менее верным.

.....

.....

Вайнштейн и Гусарский не встретились. Более того, все попытки Антона выйти на контакт с Вайнштейном неожиданным образом оказались безрезультатными.

А еще через время Антону сообщили, что найден труп Вайнштейна. Причем, перед тем как его убить, кто-то очень долго его пытал. И по всему

получалось, что убили Вайнштейна как раз в тот момент, когда он собирался на встречу с Антоном. Тем самым загадок только прибавилось.

Часть 3

Глава 1

Михаил Буквин, молодой, высокий блондин, был всегда спокоен. Характер имел застенчивый. Внешне красив. Было ему двадцать семь лет и работал Михаил менеджером по продажам в дилерской автомобильной фирме.

Что касается работы, там Михаил достаточно быстро вышел в лидеры. Начальство настолько оказалось предрасположено к Михаилу, что он довольно быстро почувствовал, что может принимать любые решения, и через время начальство эти решения одобрит. Начальником у Михаила были мужчина и женщина. Как понял Михаил, мужчина был любовником женщины. Притом что и мужчина и женщина состояли в браке. С другими женщиной и

мужчиной. Но разве это имело значение? Если перед вами любовь...

В фирме работали несколько десятков сотрудников. Фронт работ у всех разный, причем должность самого Михаила, как таковая, к особой работе не обязывала. Это раньше он впахивал как папа Карло. Теперь мог позволить большую часть времени быть предоставленным себе. Однако, чтобы добиться подобных привилегий, сначала необходимо было потрудиться. Хотя и, как оказалось, Михаилу настолько легко давалось общение с людьми, что, несмотря на многочасовую занятость в период строительства карьеры, особенно не уставал. Более того, в иные дни сон Михаила не превышал четырех часов; и все равно каждый новый день он чувствовал себя в форме. Такой отличной форме, что сразу стал жить с двумя женщинами.

Жили они под одной крышей и считались семьей. Никто из женщин не ревновал Михаила к партнерше, и молодой человек находил взаимопонимание у более старших подружек. Причем, первоначальное подозрение, возникшее было у него о лесбийской любви между дамами, отпало само собой.

Ничего такого девушки между собой не делали. А искренне любили Михаила. И чаще всего одновременно.

.....

.....

Александр Гаробян был владельцем нескольких киосков с 'Шаурмой'. При этом сам шаурму не ел. А на выручку с продаж посещал близлежащую столовую. Причем столовую Гаробян выбрал не случайно. Ему нравилась официантка Лина, высокая стройная брюнетка с сердитым лицом.

С официанткой Линой Гаробян намеревался со временем переспать. Пока только дарил недорогие подарки, которые официантка Лина при нем выбрасывала в ведро для пищевых отходов. Может из-за того что подарки недорогие?- задавался вопросом Гаробян. Или же Лина,-- как предположил кто-то, с кем Гаробян поделился своей болью,-- испытывала сексуальное возбуждение от подобной демонстрации собственной недоступности? Что не мешало ей потом,--продолжил свои предположения

тот же человек,--вылавливать и забирать себе подарки Гаробяна. Ведь подарки были в непромокаемой упаковке.

Причем, Гаробян как бы заранее знал, как поступит официантка Лина с его подарками. Но всякий раз, направляясь в столовую, он вновь и вновь покупал какой-нибудь недорогой подарок. Который, чуть позже, Лина выбрасывала в ведро. И это походило на замкнутый круг.

.....
.....

Тимур Субботин, великовозрастный детина полушизофренической наружности, работал слесарем в автомастерской. Было Тимуру где-то от тридцати до сорока. И видимо возраст никогда особой роли не играл для Субботина. А самому Субботину всегда удавалось расположить невольного собеседника в свою пользу. И это было немного удивительным, потому как Субботин в большинстве случаев молчал. И вообще, был крайней неразговорчив.

Но вот мастер хороший. С легкостью доставал любую деталь даже в советские времена. Советские времена Субботин застал. Как случайно выяснилось (или это было очередным предположением коллег и знакомых), Субботину недавно исполнилось сорок пять. И больше десяти лет он проработал на заводе АвтоВАЗ в городе Тольятти. Причем успел за время работы скопить на несколько новеньких автомобилей. Которые и продал, купив на вырученные деньги 'Кадиллак'. Практически новый. Который, впрочем, скоро выменял на 'Форд Мустанг', и с последним уже не расставался.

.....

.....

Буквин, Гаробян и Субботин были товарищами. Правда одно время судьба развела их. Но вот решили они каждую неделю играть в футбол; а решив -- встречались по субботам в спортивном зале военно-космической академии имени Можайского, что в Санкт-Петербурге, где они жили.

Каждый из троих привел в команду еще по несколько игроков. Правда очень скоро футбол товарищи стали использовать только в качестве разминки; после чего отрабатывали удары руками и ногами, беря уроки у бывшего чемпиона страны, работавшего консультантом академии по единоборствам.

И в таких тренировках всегда участвовали два неразлучных друга, специалисты по рукопашному бою и мастера по уничтожению противника подручными средствами, настоящих имен которых никто не знал, а знали под прозвищами Бинго-Бонго и Читалунга. И если бы не Михаил Юрьевич, администратор, зорко следивший за происходящим, наверняка натворили бы всяких бед Бинго-Бонго и Читалунга, искалечив друг друга или перерезав в запале учеников чемпиона, пока тот уходил на время по своим делам. Но словно предусматривая нечто подобное и подстраховываясь, просил тренер 'посмотреть за ребяташками' Михаила Юрьевича. И тот всегда охотно пресекал излишний накал борьбы, затеянной Бинго-Бонго и Читалунгой, вовремя рассказанным анекдотом из собственной армейской

жизни (Михаил Юрьевич - полковник авиации в отставке), разряжая обстановку начинавшимся дружным смехом недавних участников борьбы.

Иногда в дело вмешивался Кошелев (тренер по самбо-дзюдо). Когда-то Кошелев был неплохим мастером. И в свои пятьдесят, высокий и физически сильный, был в отличной форме, выиграв несколько чемпионатов страны среди ветеранов. Да и человек был хороший. Добрый и справедливый.

Глава 2

Так получалось, что чем больше Антон пытался разобраться в происходящем, тем больше погружался он в какой-то иной мир. Мир, из которого быть может ему уже и не удастся никогда выбраться.

Но при этом он понимал, что это его мир. Мир, в царство которого он давно уже стремился. Да и, может быть, находился там.

'Если предположить, что у Лисовского не было пути назад, следовало говорить, что он начнет вновь убивать,--писал Антон.--И если...'

Неожиданно записи Гусарского прервал телефонный звонок. Некто, назвавшийся следователем Максаковым, хотел с ним встретиться. Причем сказал, что находится около двери Антона. И тому осталось просто открыть ее и впустить гостя.

Оперативность следователя удивила Гусарского, и он поспешил к двери, чтобы проверить гипотезу о том, что около двери его квартиры действительно находится следователь прокуратуры Максаков.

--Здравствуйте,--как ни в чем не бывало, вошел Максаков.- Меня зовут Роберт Георгиевич.

Как позже выяснилось, когда-то Максаков действительно работал следователем. Но последние несколько лет зарабатывал деньги исполнением песен в ресторанах. (Антон тут же провел ассоциативный ряд между Лисовским, работавшим тапером в ресторане, и Максаковым.)

--Вы правы,--кивнул, улыбаясь, Максаков.- Я не только знаком с Лисовским, но и пришел к вам как

раз по поводу него. Уже как несколько недель Лисовский исчез. Скажу сразу, что вестей о том, что с ним что-то могло произойти, я не приемлю. Мне кажется я достаточно успел изучить этого человека, и могу сказать, что сам по себе он никуда не исчезнет, если сам того не захочет.

Антон улыбнулся, кивнул Максакову на кресло и предложил коньяк.

Тот принял приглашение.

Антон разлил коньяк по рюмкам.

--Видите ли,--продолжил Максаков.- Когда я первый раз увидел Лисовского, он уже тогда мне показался несколько странным. Причем могу заметить, у меня не было желания искать какую черту в его внешности или в характере, которая могла помешать нашему сближению...--Максаков самодовольно улыбнулся. Его глаза светились от радости.

--Но вот что-то мне показалось в личности Лисовского любопытным,-- продолжил он, изучая заинтересованное лицо Антона.-- И я решил немного разобраться в этом человеке. А потом несколько увлекся, - Максаков невинно улыбнулся,-- и вышел

таким образом на вас. Как я понял, вы намерены отомстить Лисовскому, так как считаете его виновным в убийстве вашего отца.

--С чего вы взяли?- непроизвольно вырвалось у Антона, но он тут же взял себя в руки, понимая, что следователь, хоть и бывший, вполне мог сопоставить интерес Антона к Лисовскому, учитывая что после убийства Макара Игоревича Гусарского и до начала официального закрытия дела в разговоре со следователями Антон несколько раз упоминал фамилию Лисовского как возможного участника преступлений, связанных с убийствами. Это потом уже Антон перестал общаться со следователем, решив полагаться только на свои силы.

--Вы не переживайте так,--улыбнулся Максаков.- Никому о том, что главным виновником преступлений вы считаете Лисовского, я не скажу.

Антон благодарно кивнул. Напряжение с его лица несколько спало.

--Более того,--продолжил Максаков.- Я хочу быть вашим союзником в этом деле. И помочь отыскать Лисовского.

Антон закурил, задумавшись. Верить или не верить Максакову ему не хотелось. Все что ему хотелось, это чтобы этот человек ушел. И лучше всего - чтобы не вмешивался. Неизвестно какие у него на самом деле интересы,--подумал Антон.

--Вы меня не поняли,--произнес Максаков.- Я предлагаю вам исключительно помощь. Как мне кажется, я действительно способен найти Лисовского. Ну, или, по крайней мере, нам будет легче сделать это вместе.

--Зачем вам это нужно?- спросил Антон, любивший прямоту.

--Зачем?- переспросил Максаков.- Ну если я вам скажу, что во мне проснулся интерес бывшего следователя к невероятно, как мне кажется, запутанному делу.

Антон скривился, не поверив. Но он понимал, что с человеком, которому известно так много, лучше дружить. Тем более, если что-то пойдет не так, его можно будет убрать,--неожиданно подумал Антон, и согласился, протянув бывшему следователю руку.

Тот пожал ее. Рукопожатие, на удивление Антона, было крепким. Несмотря на то, что сложения

Максаков был весьма обычного, а то и несколько тщедушного.

--Да, вот еще вопрос,-- посмотрел в глаза Антону Максаков.

Антон выдержал взгляд.

--Вы не думали, что какими-то своими действиями провоцируете Лисовского на убийства?- спросил Максаков.

--Нет,-- жестко сказал Антон, вставая, и давая понять, что пора расставаться.

--Ну что ж,-- произнес, поднимаясь, следователь.- С вашего позволения я позвоню вам, когда у меня появится какая-то информация.

Антон кивнул, и попрощался.

Глава 3

Айзик был странным типом. Причем вся странность его заключалась главным образом в совершении поступков, которые могли показаться несколько непонятными окружающим. Вряд ли, конечно, кто-то из окружающих что-либо говорил

Айзику. А потому было загадкой, насколько этот человек отдавал отчет в реальности происходящего. Ведь если предположить...

--Нечего тут предполагать,-- взорвался Айзик, услышав мысли по поводу своей персоны от недавнего однокурсника, Антона Гусарского, с которым теперь работал в одной редакции газеты.

--Подожди, подожди,-- взмолился Антон.- Ты чего это? Что на тебя нашло?- Гусарский заинтересованно посмотрел на Айзика.

--Мне сказали, что ты считаешь меня ненормальным,-- обиженно произнес Айзик.

--Знать бы кто из нас в этом мире нормальный?- недовольно буркнул Антон.- Нет,-- жестко сказал он.- Ты стал жертвой ошибочной информации. Все на самом деле выглядит иначе.

Антон всегда старался поскорее отвязаться от Айзика. По правде сказать, они и в институте-то особо не дружили. Ходили слухи, что Айзик начал платить с момента поступления в вуз. При этом не хотел переводиться на хозрасчетный факультет, обучаясь за счет гос.финансирования и платя взятки преподавателям. А за все время обучения заплатил

столько, что, как полагал Антон, на такую сумму вполне спокойно можно было учиться в любом частном вузе, решая спорные вопросы с помощью финансовой составляющей.

И все же Антону Гусарскому Айзик был нужен. Нужен, по причине финансовых возможностей папы Айзика. Папа Айзика был миллионер. И ссужал сыну крупные суммы. Кроме того папа Айзика согласился финансировать проект Антона. С условием, если Антон возьмет на работу Айзика.

Таким образом, появилось новое сетевое издание. Где главным редактором стал Антон Гусарский, а шеф-редактором - Айзик Тимин.

.....

.....

Как работник, Айзик Антону был не нужен. Но держал он его не только из-за финансов папы. Так выходило, что Антону всегда были любопытны люди, выделявшиеся своей странностью из окружающих. Причем интересны они были Антону ровно до того момента, пока он не разгадывал их тайну. После этого

интерес к ним у молодого человека пропадал, и общение с ними он прекращал. Благо что других психов было предостаточно.

Антон также научился не обращать внимание на мнение окружающих. Он сам всегда знал, что ему было нужно, и выслушивал какие-то советы лишь для того, чтобы утвердиться в своих предположениях. Да и понимал он, что человеку всегда приятно, когда его слушают. И слушал. Тем самым располагая такого человека к себе. До поры до времени. Мало ли кто и когда понадобится.

По большому счету, люди были Антону необходимы лишь для осуществления каких-то его планов. Он уверенно шел вперед. И все, что попадалось на пути, было важно постольку-поскольку.

.....

.....

Лисовского нашел Айзик.

Видя, что Антон ведет какое-то расследование, Айзик пристал к нему с просьбой рассказать обо всем.

Антон поначалу отнекивался, ссылаясь на то, что это исключительно его личное дело, но потом, когда Лисовский то ли исчез, то ли действительно погиб, и бессознательно чувствуя, что задуманное им начинает рушиться, Гусарский рассказал Айзику о Лисовском. Рассказал не все, но и того, что тот услышал, хватило ему, чтобы он сначала опечалиться, не зная как помочь Гусарскому, а потом попросил помощи у отца.

Отец дал команду службе безопасности - и те отыскивали Лисовского.

--И где он? - недоверчиво спросил Антон улыбающегося Айзика.

--Лисовский, Валентин Евгеньевич, 1959 года рождения, уроженец города Армавира Краснодарского края, прописан в Санкт-Петербурге, по адресу...--зачитывал Айзик имеющуюся у него информацию, заодно как бы демонстрируя свою работу, потому что подобный информации Антон ему не давал,--в данный момент Лисовский находится в Греции, куда уехал к своему брату, Вайнштейну Марату Израилевичу.

--Максиму,--автоматически поправил того Антон.

--Что?- не понял Айзик.

--Максиму Израилевичу Вайнштейну,--
произнес Антон.- Есть такой человек, Максим
Израилевич Вайнштейн. И судя по всему...

--Нет, нашего зовут Марат,--уверенно сказал
Айзик.- Но я наводил справки. Максим Израилевич
тоже существует. В данный момент он находится в
Лиссабоне.

--И что он делает в Лиссабоне?- улыбаясь и
отказываясь верить в происходящее спросил Антон.

--В Лиссабоне он живет,--ответил Айзик.-
Переехал в Испанию на постоянное место жительства.
На ПМЖ - улыбнулся Айзик.

--Так он же погиб,--не понял Антон.

--Нет, не погиб,--улыбнулся Айзик.-
Обнаруженный труп, якобы принадлежащий Максиму
Вайнштейну, первоначально не мог быть опознан по
причине обезображивания, как предполагает
следствие, в результате пыток, в результате чего
внешность убитого изменилась до неузнаваемости.
При трупе были найдены водительские права на имя
Максима Израилевича Вайнштейна. Из-за чего
поспешно заключили, что это он.

--Но некто Максаков,--продолжил Айзик,--
который... кстати (Айзик посмотрел на Антона) тебе
должно быть известен этот человек (Антон кивнул),
так вот, Максаков добился проведения анализа ДНК,
и выяснилось, что Вайнштейн и найденный труп --
разные люди. А еще через время Вайнштейна
обнаружили в Греции.

--Подожди, подожди,--попросил Антон.-
Лисовский и Марат Вайнштейн братья?

--Да. У них общий отец,--ответил Айзик.

--А Максим и Марат Вайнштейны? Тоже
братья?- спросил Антон.

--Да. У них общие матери,--ответил Айзик.

--Смотри как все запутанно,--присвистнул
Антон. Внутренне он уже понимал, что ему удастся
разгадать феномен Лисовского. Притом что Антон
допускал, что не все сказанное Айзиком может
являться правдой. Особенно если учитывать, что
раннее Лисовский сбил со следа его, Антона
Гусарского. Поэтому услышанное сейчас могло быть
ловушкой, придуманной Лисовским, чтобы сбить со
следа возможных преследователей. Не приходилось
сомневаться, что Лисовский хочет скрыться, уйти в

ть. Для того,-- задумался Антон,--чтобы убивать
вновь.

Неожиданно Антону вспомнились слова
Максакова о том, что Антон сам провоцирует
Лисовского на совершение им преступлений.

--Кстати,--вспомнил Антон, повернувшись к
Айзику.- А как ты вышел на Максакова?

--Никак,--пожал плечами Айзик.- Он сам на
меня вышел.

--Ну, прохвост,--подумал Антон о бывшем
следователе, который не внушал ему доверие. Теперь
он понял что Максакова нельзя недооценивать.

-О чем вы договорились с Максаковым?-
спросил Антон у Айзика.

--Да ни о чем,--ответил Айзик.- Просто
Максаков подрабатывает в фирме моего отца. И отец
дал мне его...

--Все понятно,--перебил его Антон. В его
голове что-то сошлось, и это 'что-то' Антону
понравилось. Правда, пока непонятно было, как
контролировать Лисовского. Не ехать же ради этого в
Грецию.

--Лисовский возвращается,--угадал его мысли Айзик.- На всякий случай Максаков за ним установил в Греции слежку.

--На деньги твоего отца?- уточнил Антон.

--Да,--кивнул Айзик.- И теперь о всех передвижениях Валентина Евгеньевича Лисовского Максаков будет докладывать лично мне.

--Держи меня в курсе,--попросил Антон, решив про себя, что должен встретиться с Максаковым.

Глава 4

Лисовский вновь начал убивать. Первым, после невольного затишья, он убил Максакова. Причем в завязавшейся перестрелке оказался убит и Айзик, который уговорил Максакова взять его с собой в аэропорт. Как им казалось, оставаясь незамеченными после встречи Лисовского в аэропорту, они направились вслед за ним по Московскому шоссе в Санкт-Петербург. На одном из участников дороги такси с Лисовским неожиданно

свернуло с дороги, и, проехав несколько метров, резко затормозило. Выскочившие из машины Лисовский с водителем открыли огонь из автоматического оружия по преследовавшей их девятке Максакова. Потом добили Максакова и Айзика контрольными выстрелами в голову.

Отец Айзика дал команду уничтожить Лисовского. Антон понимал, что остановить разгневанного родителя будет невозможно. А значит рушился план, согласно которому Валентин Евгеньевич Лисовский должен был пока находиться в оперативной разработке Гусарского, после чего он сам вынесет ему приговор. Теперь этому могли помешать.

Антон решил срочно отыскать Лисовского и переговорить с ним. Перед тем как того убьют, Антону необходимо было, чтобы Лисовский ответил на некоторые спорные вопросы, расставив точки над 'i'.

--Если же этого не произойдет,--подумал Антон,--домысливать придется самостоятельно. Есть вероятность, что в подобные мысли закрадется погрешность. (Позже выяснилось, что Максаков и

Айзик живы. Просто кто-то инсценировал весь этот спектакль. Для чего? Это тоже предстояло Антону выяснить. Но пока он об этом еще не знал.)

Глава 5

Лисовский встретился с Верой Визбор. Он пришел к ней в дом, когда муж Веры находился в очередной командировке в Чеченской республике. Был вечер пятницы, впереди выходные, которые Лисовский намеревался провести с Верой.

А в воскресенье к Вере пришел любовник. Любовником оказался один из сослуживцев мужа, открывший дверь 'своим' ключом на правах старого знакомого. Застав сцену, когда жену товарища и его любовницу, пребывающую в позе на четвереньках, насиловал какой-то мужик, любовник невольно схватился за пистолет, намереваясь застрелить негодяя, а заодно и неверную подругу, которая с наслаждением стонала пока в нее вкачивали любовь и счастье. Лисовский в последний момент заметил вошедшего в спальню незнакомого мужчину, и

сначала довел дело до конца (тем более что оргазм был на подходе), а потом застрелил незнакомца. Пистолет у Лисовского все время был под рукой. Перед началом полового акта он его сунул под матрац. Теперь достал и убил.

Пришлось убить и Веру. У Лисовского появились сомнения, что женщина будет молчать. Да и свидетели были ни к чему.

Убив обоих, Лисовский обставил все так, словно кто-то настиг любовников в постели, и застрелил их. Но когда он уже собирался уходить, в дверь позвонили. Осторожно выглянувший в окно Лисовский увидел урчащий под окнами патрульный УАЗик.

В дверь позвонили еще раз. Лисовский открыл дверь и расстрелял стоявших на пороге двух милиционеров. После этого разрядил обойму в сидевшего за рулем водителя. Пистолет у Лисовского был с глушителем, поэтому особого шума это не привлекло, если бы... Если бы неподалеку не стоял еще один УАЗик, а курившие неподалеку

милиционеры с автоматами на перевес не поспешили бы на помощь товарищей.

Завязалась перестрелка, во время которой Лисовский убил еще двух милиционеров, и тяжело ранить третьего. Причем то, с какой легкостью ему это удалось, натолкнули Антона Гусарского (продолжающего анализировать поступки Лисовского) на мысль, что или следует искать, где Лисовский научился так стрелять, или же...

--Или же это не Лисовский,-- неожиданно вырвалось у Антона.

--А кто же тогда?- раздался вопрос невидимого собеседника, который периодически вступал с ним в диалог. Причем, до сего момента Антону удавалось контролировать сей факт. Ни становиться, ни считаться сумасшедшим ему не хотелось. Более того, Гусарский даже мог предположить, что его собеседник совсем даже и не был невидимым. Просто по каким-то причинам Антон его не замечал. Да и видеть особенно не хотел. Зачем? Чтобы сойти с ума?

--Если это не Лисовский, то начнет рушиться доказательная база,--подумал Антон.

Ему захотелось выяснить кто был стрелявший и где в этот момент находился Лисовский. В службе авиаперелетов любую информацию Антону давать отказались, сославшись на ее секретность. Пришлось раскрывать карты перед жаждавшим мщения отцом Айзика, Сосо Кибитовичем Тиминим. По своим каналам тот выяснил, что билета на фамилию Лисовский не продавали. Но когда стали смотреть видеоархив передвижений пассажиров в аэропорту, то несколько раз промелькнул человек похожий на Лисовского. Пока было неизвестно, был ли это Лисовский или другой человек.

При дальнейшем детальном сопоставлении удалось выяснить, что это был не Лисовский. Более того, человек на пленке никуда из Санкт-Петербурга не улетал, паспорта не терял, и вообще, жил своей жизнью, до которой никому не было дела. У Антона начала вырисовываться картина происходящего. Лисовскому каким-то образом удалось подделать паспорта различных людей. Причем все данные оказывались подлинными, и люди действительно существовали. Вот только к Лисовскому они не имели отношения, кроме как в чем-то схожей внешности.

Также было установлено, что Лисовский, воспользовавшись на время их паспортом, изготавливал точно такой же. Но себе брал оригинал, а им возвращал дубликат. Причем дубликат был выполнен профессионально. А Лисовский, чуть изменяя внешность, становился похож на человека в паспорте. Таких паспортов у Лисовского было несколько. Видимо на случай непредвиденных обстоятельств.

Глава 6

Сложность поисков Лисовского показалась Антону надуманной. При этом он не мог избавиться от сомнений, что Лисовский вообще существует. Слишком много появлялось мелких противоречий, рождавших сомнения.

Впрочем, и считать, что Лисовского он выдумал - было глупо. Но окончательно ответить на вопросы Антон мог только когда найдет настоящего убийцу.

.....

.....

Вернувшись домой, Антон вспомнил, что у него давно уже лежит квиток с почты о пришедшей бандероли. Он хорошо знал, что ничего не заказывал, и потому, сунув куда-то извещение, забыл. Да и не до того. Но теперь его глаза случайно наткнулись на корреспонденцию, лежащую на столе, и Антон стал искать извещение. Что-то говорило, что в пришедшей на его имя посылке может храниться и частичная разгадка происходящего.

.....

.....

Вернувшись с почты, Антон заварил чай, и плеснув в него коньяк, сел изучать содержимое посылки. Это была рукопись. Продолжение рукописи, присланной ранее. Хотя когда Антон начал читать, понял что вполне возможно это и отдельная часть. А может и отдельное повествование.

.....

.....

'В своих отношениях с девушками Вайнштейн руководствовался исключительно потребительскими ориентациями. Причем, можно было сказать, считал это Максим Израилевич делом вполне обыденным. Хотя и всякий раз обязательно находилось нечто, что заставляло его задумываться о том, действительно ли для него важны эти отношения? И как будто глупо было считать иначе. Хотя, могу заметить, Вайнштейн всячески противился этому. Словно бы ему и хотелось, чтоб было по-другому, и сам же это другое исключал.

И при всем покажется удивительным факт, что женщин Максим на самом деле боялся. Ну или справедливее сказать, опасался. И чем больше был этот страх, тем чаще искал Максим контактов с женщинами. А когда устанавливались те, и Максим, собственно, выполнял задуманное - ему становилось скучно. И даже не потому, что разом исчезали чувства к женщине (чувств не было), а просто Вайнштейн оказывался перед необходимостью взятия новой

крепости. А значит, необходимо было мобилизоваться на борьбу. Ну а почему нет?-вопрошал себя Максим, и не находил причин для разногласия.

По всей видимости, мы не зря заговорили о женщинах в судьбе Вайнштейна. Выходило так, что они играли вполне реальную (и удивительную) роль в судьбе этого человека. Роль может даже больше противоречивую, чем осознанную самим Вайнштейном в его оправдании необходимости присутствия рядом с ним женщин. Сексуальное наслаждение он давно научился получать и без них. Хотя при случае всегда высвечивал роль в его жизни женщин. Приукрашивая победы. Победы чаще всего виртуальные.

Хотя иногда Максим скептически относился к мнению о его зависимости от женщин. В такие минуты они ему были не нужны. Он считал, что вполне может обходиться без них. И по всей видимости это была очередная попытка искусственно не заметить естественный ход вещей. В большинстве случаев такие попытки заканчивалась ничем. А сам Максим вновь и вновь возвращался, как говаривал когда-то Рабле, к своим баранам'.

Антон прервался от чтения рукописи. Он поймал себя на мысли, что нечто подобное мог написать и о Лисовском. И вновь у Гусарского возникала идея объединить эти два персонажа. Более того. Теперь, читая о Вайнштейне, Антон представлял Лисовского.

--И видимо я где-то недалеко от истины,-- подумал Антон. Тут же, впрочем, понимая, что подобные размышления большей частью надуманны. И не имеют под собой какой-то реальной основы. Хотя может это только пока...

.....
.....

Антон стал просматривать рукопись, пробегая глазами по страницам. Он уже знал, что не станет читать до конца. Если у него и не хватит сил ее уничтожить, было точно, что он отложит чтение. Просто ему хотелось самому без каких-либо подсказок вывести портрет Лисовского (или того человека, который выдавал себя за Лисовского). И он знал, что не только сможет это сделать, но и делать

подобное было ему интересно. Очень интересно. Такая работа была сродни аналитической. И если предположить что когда-нибудь она завершится, и Антон Гусарский сможет разгадать загадку, это бы свидетельствовало о том, что Антону под силу многое, если не все. Причем уже выходило, что сам акт мщения за убийство отца Антон как бы отодвигал на второй план. Он умолял себя не поддаваться эмоциям, хотя в иные разы его чувства жаждали лишь одного - мщения. Возмездия!

--До этого дойдет,--успокаивал Антон себя.

Пока разуму удавалось одерживать вверх над эмоциями. Как будет дальше?

Глава 7

'По сути, моя взрослая жизнь началась с ощущения и даже реального осознания собственной бедности,--записывал Антон в свой дневник.

Дневник он вел помимо рукописи-исследования о Лисовском, помимо тех публицистических работ, которые публиковал в сети,

помимо каких-то иных измышлений, записываемых как-то, где-то, и видимо давно требующих хоть какого-то упорядочения.- Причем осознание бедности как будто и не имело реальных предпосылок возникновения. И было тем печальнее, чем больше я чувствовал какую-то огромную силу в возможности и необходимости самореализации. Притом что, конечно же, всякий раз находилось нечто, что или укрепляло меня в собственных мыслях, или же наоборот - отбрасывало назад, явно говоря, что я не прав. Но я не задумывался о таких 'пустяках' и шел дальше. Шел, убеждая себя, что не должен останавливаться. Да и останавливаться не имел права.

И достаточно сложно было сказать, был ли я прав? Наверное, все же был. Притом что всякий раз я все равно мечтал, что мне откроется некая истина. Осознав которую, станет значительно легче управлять многими процессами в этой жизни.

И при всем притом я не знал - будет ли когда-нибудь так? И если будет - то когда?

.....
.....

Конечно, многое в жизни предопределено. Так получилось, что я начал это понимать только недавно. Можно даже сказать, что до сих пор еще мучают меня сомнения относительно того, действительно ли все так, что от нас ничего не зависит? Я говорю об этом, и сам себе не верю. Не считаю это возможным. Верю, что все и всегда можно изменить. Если очень захотеть, например. Или если жизненные обстоятельства сложатся иным образом. Притом что мы сами управляем этими обстоятельствами. Наш мозг управляет всем, что происходит с нами. И это, на мой взгляд, следует как минимум понимать, чтобы двигаться дальше в собственных познаниях действительности. Той действительности, которая зачастую у всех разная, отличная от других...!

Антон отложил записи и открыл дневник, присланный неизвестным автором. Фамилию, фигурирующую в качестве главного персонажа, Антон не воспринимал всерьез. Да и это, должно быть, было бы слишком просто. Другой вопрос, что пересекались удивительным образом мысли в голове персонажа с его собственными. А в иные минуты

Антону даже казалось, что это писал он. Но ведь он это не писал?

'Я наверное никогда не думал что так все получится,--читал Антон написанное Лисовским (вероятность того что это писал Лисовский была по-прежнему велика).-Делая выбор в пользу нового дела, и фактически уничтожая тем самым дело всей жизни, я подспудно ожидал что оно принесет мне удачу. И как минимум закроет большинство обыденных проблем, решение которых не приносило морального удовлетворения, но помогало, избавившись от хлопот, элементарно жить. Жить, в надежде вернуться к музыке.

Но вот незадача. Чем больше я тратил сил и энергии на достижение результата, тем фактически дальше отодвигался от музыки. Пока не наступил момент, когда у меня появились серьезные сомнения, что к музыке я когда-то вернусь'.

Постепенно, анализируя полученный материал, Антон стал понимать душевную боль человека, который вел записи. Даже так получалось, что для того чтобы избавиться от сострадания,

Антону приходилось затрачивать серьезные усилия, которые мешали трезвому последующему анализу. Ему действительно хотелось верить автору. Но если таким автором был Лисовский, то верить было не только нельзя, но ошибочно.

--Симпатия к убийце?-- неожиданно задумался Антон.- Есть, конечно, оправданные убийства. Но вот как при таких убийствах чувствует себя потерпевшая сторона? Тот, кто убил -- для них и для тех, кто пострадал, разные люди. Поэтому говорить, что станет когда-нибудь возможным оправдание совершенного... Это видимо невозможно.

--Да так и не должно быть,--заклучил Антон.

.....
.....

Антон вышел на след Лисовского. Он установил, что Лисовский обзавелся паспортами на фамилии: Буквин, Гаробян, Субботин. Кто были эти люди, Антону было безразлично. Помимо них, с тем же успехом Лисовский мог прикрыться и другими именами. Уже не приходилось сомневаться, что этот

человек будет продолжать совершать преступления. И его остановит только смерть. Ведь был же у него шанс остановиться, начав новую жизнь. Бандитам Каримова все равно грозило пожизненное заключение или достаточно длинные срока. Поэтому то, что на них списали трупы Лисовского ничего, помимо того, что от наказаний избавлялся реальный убийца, не меняло. Они были убийцами. И, по всей видимости, убили больше людей, чем по доказанным эпизодам. И если разобраться, Муса Каримов все равно преступник, независимо от того за что он получил срок. Понимали это, видимо, и следователи. Поэтому постарались максимально навешать на бандитов трупов. Вынудив Каримова взять убийства на себя, в обмен...

Антон не знал, что предлагали в обмен следователи. Да и ему это было неважно. Что-то все-таки не сходилось в его выводах. Если предположить что все преступления совершал Лисовский, то все равно каждый раз ненавязчиво возникало нечто, что указывало: убийцей был не он. Что существовал кто-то другой, кто и совершил все эти преступления. И тогда получалось, Антон просто зациклился на том,

что основным виновником является Валентин Евгеньевич Лисовский. А может справедливее было вообще отложить гипотезу о виновности Лисовского и начать искать настоящего убийцу.

--А может просто доверить дело профессионалам?- услышал Антон голос покойного Максакова.

--Вас ведь убили?- невольно вырвалось у Антона.

--Кто убил?- не понял Максаков.- Кого убили? Меня?- переспросил он, усмехнулся, закурил, и пристально посмотрел на Антона.- Что-то вы молодой человек совсем заработались,--сказал через время Максаков.- У меня была командировка. Я вернулся. Но все время продолжал расследование.

--Негласное расследование?- уточнил Антон, намекая что официальное следствие давно завершено, а заодно (как подумал уже Максаков) проверяя, действительно ли следователь выступает в этом деле как частное лицо.

--Подождите!- восторженно воскликнул Антон.- А Айзик? Айзик Тимин. Он тоже жив?

--Да что вы и впрямь, юноша, заладили об этих убийствах?- недовольно пробурчал Максаков.- К тому же я вообще не знаю кто такой Айзик. Айзик Тимин?- Максаков внимательно посмотрел на Антона.

Тот кивнул.

--Нет,--отрицательно покачал головой Максаков.- Такого человека я не знаю. Кто он?

--Ну как же?- не ожидал такого поворота Антон.- Айзик Тимин - сын олигарха Сосо Кибитовича Тимина, который нанял вас на работу...

--Меня никто не нанимал,--оборвал его Максаков.- Кончились те времена, когда я на кого-то работал.

--Вы снова вернулись в прокуратуру?- поинтересовался Антон, начиная понимать что дело принимает загадочный поворот.

--А я из нее никуда и не уходил,--спокойно ответил Максаков, и Антон понял, что еще несколько подобных ответов и он сойдет с ума. Если уже не сошел.

--О чем вы так задумались?- с любопытством поинтересовался Максаков.- Чего-то испугались?

Антон посмотрел на него отсутствующим взглядом.

--Ну, ну, не переживайте так,--успокоил его Максаков.- У вас все написано на лице... К тому же случаются ситуации, когда мы просто не можем всего понять.

--Вы сумасшедший,--констатировал Антон, улыбнувшись.- Я хорошо помню как вы рассказывали мне что раньше работали следователем в прокуратуре, а теперь занимаетесь частным сыском.

--Ничего такого я вам не рассказывал,--быстро произнес Максаков, и встал, намереваясь уйти. Разговор происходил в офисе газеты Гусарского. И у Антона промелькнула мысль сообщить охране, чтобы они никуда не выпускали Максакова.

--Как я понял, вас беспокоят сомнения по поводу происходящего,--как ни в чем не бывало, произнес Максаков, отказываясь от решения уйти, и усаживаясь в кресле.

Антон посмотрел на своего собеседника со злостью.

--Ну-ну, молодой человек, что это вы бросаете на меня такие взгляды,--усмехнулся Максаков.- Я

быть может единственный, кто сможет пролить свет на происходящее.

--Может вы знаете и убийцу?- с издевкой произнес Антон.

--Нет. Пока не знаю,--честно признался Максаков.- Но уже почти не сомневаюсь кто это может быть.

--Надеюсь не я,--усмехнулся Антон.

--...И со дня на день разрешу загадку сфинкса,--не обращая внимание на слова Антона продолжил Максаков.

Антон посмотрел на Максакова с удивлением. На обычного следователя тот не слишком походил. Разве действительно предположить, что Максаков работал в прокуратуре?-- подумал Антон. Или в КГБ...--Пожалев, что в первые дни знакомства не спросил у Максакова документы.

--Хотя документы у него вполне могут быть поддельными,--промелькнула у Антона мысль, и словно соглашаясь что это так, он еле заметно кивнул себе головой.

--Ну так что вы решили?- заинтересовано посмотрел на него Максаков.- Если у вас есть какие-

то вопросы - задавайте. Я вам отвечу. Или у вас сомнения...

--У меня нет никаких сомнений,--перебил его Антон.- Я попрошу вас покинуть заведение, и больше мне на глаза не попадаться.

--Ого-го!- засмеялся Максаков.- Что это на вас нашло?

--Во-о-о-н!- в не себя от ярости закричал Антон, сжимая кулаки и всем видом показывая Максакову, что если тот не уберется, Антон сам вышвырнет его.

--К вашему сведению -- я мастер спорта по боксу,--спокойно произнес Максаков, приподнимаясь.- К тому же не забывайте какую я организацию представляю.

Антону стало неудобно за свой гнев. Он быстро закипал, но так же быстро отходил.

Антон постарался не показывать, что ждет, когда Максаков уйдет. И только когда тот действительно ушел - Антон расслабился. Тут же он подумал, что Максаков по возрасту подходит к возрасту Лисовского. А упоминание того о занятиях боксом как будто и вовсе рождало ненужную

аналогию. И неизвестно до чего бы Антон додумался дальше, если бы в кабинет неожиданно не вошел (точнее - ворвался) олигарх Сосо Кибитович Тимин. Его глаза светились от счастья. Сын, Айзик, нашелся.

--Жив и здоров,--выдохнул коньячными парами Сосо Кибитович.- Прожигает бабки в Монте-Карло. Отдыхает, стервец,--ласково добавил Тимин. А Антон подумал, что мир действительно перевернулся с ног на голову.

Глава 8

Жизнь Валентина Лисовского казалась загадочной даже ему. И что точно, Валентин не мог избавиться от ощущения, что проходит эта жизнь рядом. А он если и имеет к ней отношение, то совсем косвенное.

Но в то, что когда-нибудь его роль изменится, он верил. Верил и ждал своего режиссера, который все расставит на свои места. А одновременно с этим исчезнут страдания и сомнения. Хотя, если разобраться, Валентин никогда особенно не страдал.

Просто получалось так, что замечал он, что что-то в жизни проходит не так, как это должно быть в его представлении. Пытался выправить ситуацию. У него не получилось. Он начинал сначала. Пробуя подобраться с другой стороны. Чтобы еще через время все перемешалось и запуталось. А у Валентина не замелькала мысль: а не послать ли все к черту?

А после все повторялось.

Но ведь нельзя сказать, чтобы Валентин сник и сдался. А если и были такие порывы, так они продолжались столь непродолжительное время, что даже упоминать о них не стоило. Так, что-то эпизодическое и проходящее. Что не оставляло следа в душе. А то и еще больше мобилизовало Валентина на выполнение действий, которые могли свидетельствовать о том, что жизнь продолжалась. А сам Валентин Лисовский - стремится к новым достижениям.

Лисовский часто в последнее время задумывался о том, почему он забросил музыку? Ведь, по сути, ничто не мешало ему, уйдя с ринга, вновь вернуться к ней. А то и совмещать с занятиями

спортом. Рассматривая игру на скрипке, например, как форму релаксации.

Валентину не хотелось признаваться, что в то время он попросту смалодушничал. А признавать, что выбрав спорт, сделал ставку только на него, означало поставить под сомнения предпринятые в последующем шаги для избавления от чувства вины, с которым жил все эти годы. Причем избавление происходило самым что ни на есть радикальным способом - убийствами и физическими унижениями тех, кто, по его мнению, был повинен в произошедшем с ним.

.....

.....

Лисовский долго размышлял, прежде чем решился на первое время преступление. Преступление,-- если по классификации органов правопорядка. Для самого Лисовского это было торжеством справедливости. Именно такое у него было ощущение, когда он осуществлял акт мщения.

Когда виновные оказывались наказаны. И можно было праздновать победу.

Можно, если бы на этом все закончилось.

--Но на этом ничего не заканчивалось,--
подумал Валентин.

Так получалось, что он был не намерен останавливаться. И как результат - только что совершенное убийство бывшего директора школы, где учился Лисовский, Изи Мойшевича Херувима.

.....
.....

Лисовский поздно понял, что точно так же как и другие виновен директор школы. Ведь он, в конечном итоге, отвечал за происходящее в школе. И именно он мог так наладить работу, чтобы в вверенном ему учебном заведении поддерживался порядок. Причем, какими способами соблюдался бы этот порядок - это был уже другой вопрос. Главное что...

Лисовскому стало грустно. Он подумал, что может и зря убил старика. Отыскав того на даче (для

этого Валентину Евгеньевичу пришлось отправиться в командировку на Кубань), Лисовскому пришлось приложить определенное усилие, направленное на то чтобы бывший директор вспомнил своего ученика более чем тридцатилетней давности. Причем у Лисовского даже промелькнуло подозрение, что старик так до конца его и не вспомнил.

Но Валентин Лисовский научился не обращать внимания на собственные сомнения, подозрения, и прочие свидетельства неуверенности в себе. В себе он был уверен. Поэтому убил старика, сначала отправив того в глубокий нокаут, а после скрутив шею.

Труп Херувима Лисовский загрузил в мешок и сбросил в реку. Благо, дача покойного как раз примыкала к реке.

Уже собираясь уходить, Лисовский вспомнил, что где-то неподалеку должна жить и бывшая заведующая школы.

Завуча, а ныне пенсионерку, Миру Геннадиевну Бышовец, Лисовский поначалу убивать не планировал. Но после уничтожения директора его вновь захлестнуло предательское желание

непременных действий. Поэтому он, установив адрес Бышовец, быстрыми шагами направился к женщине на дачу.

Он нашел ее. Был разгар дачного сезона.

Помимо завуча на даче находились двое сыновей с женами и детьми. Лисовский запер женщин и детей в чулане, мужчин связал, и, дождавшись пока бывшая завуч вспомнит бывшего ученика, убил ее. Мужчин, как свидетелей, тоже убил. Потом, подумав, убил женщин. Впору было убивать и детей. Но Лисовский детей любил. Когда-то он тренировал детей. А все дети, в общем-то, были схожи. Поэтому Валентин Евгеньевич, наказав десятилетним парням молчать о нем, ушел.

Но уже выходя их дома у него мелькнула мысль, что мальчиков 'расколят' следователи, и те расскажут о нем. Тем более чулан, где он допрашивал бабку на предмет воспоминания прошлого, находился рядом с их комнатой. Надо было убивать внуков.

Лисовский вернулся в дом. У него было несколько вариантов убийства.

.....

.....

В последний момент он передумал. Лисовский решил, что мальчикам надо дать шанс отомстить за смерть бабки и родителей. Причем Валентин Евгеньевич даже пожалел, что убил их родителей. Те были ни при чем.

Он понял, что эмоционально устал за это время. Раньше поступки его отвечали (по-крайней мере так он считал) логике. Теперь же они подчинялись черт знает чему.

--А этого допускать было нельзя,--подумал Лисовский, считавший, что в любой ситуации должен отдавать себе отчет.

Детей он пощадил. Из дома ушел. И возвратился в Питер.

.....

.....

--Что же получается?- задумался Лисовский.

Внезапно о чем-то думать расхотелось. Но это оказалось не просто. Хотя и выходило, что размышлениями Лисовский обрекал себя на страдания. Ведь он знал, что ни к чему положительному те привести не могли. А то и наоборот, чем больше он пытался что-то сопоставить, в надежде откреститься от проблем и невзгод, тем больше затягивался узел на шее. Да так, что становилось трудно дышать. И приходило ощущение, что ни к чему это не приведет. Разве только на миг улучшится настроение. Но что такое миг...

.....

.....

'Меня мучили страдания,--писал Лисовский в рукописи, которую после переслал Гусарскому.- Создавалось впечатление, что я нашел выход. А потом все возвращалось на круги своя. И мне начинало казаться, что я никогда не выберусь из этого ада. Тем более что так получалось, что я сам себя затягивал в болото человеческих пороков. Зная почти наверняка,

что будет невероятно трудно выбраться обратно. А может сделать подобного будет и невозможно.

А что возможно? Не страдать? Так я и не страдаю. Трудно назвать страданием то, после чего появляется желание вновь совершать те деяния, за которые я сам себя когда-нибудь накажу'.

Так получалось, что в минуты беспросветности Валентин Евгеньевич терялся, не находя решения в сложившихся обстоятельствах. Притом что был уверен, что выход всегда существует. Он почему-то был действительно в этом уверен. Можно даже сказать, что знал. Но насколько отдавал отчет в реальности Валентин Евгеньевич Лисовский? Например, Антону Гусарскому казалось, что Лисовский давно уже потерял такую способность. Самому Лисовскому может и было все понятно. Но на самом деле это было не так. Далеко не так. И то, что происходило в реальности, понять он был просто не в состоянии. Это было выше его понимания. Как понимание и вообще всего, что происходило или могло произойти.

--Должно быть, парадокс,--пришел к заключению Антон Гусарский, который периодически получал записки от некоего Вайнштейна, предполагая, что это и есть Лисовский. А еще Антону Гусарскому казалось, что рукопись, которую он читал, мог написать и сам. Но не написал. Потому что писал исповедь. И она могла с полным правом служить или продолжением, или началом, или как минимум вкрапливаться в текст рукописи, присылаемой ему.

И когда Антон считал так, то понимал, что они с невидимым соавтором пишут одну книгу на двоих. Причем иной раз все настолько пересекалось, что требовалось вырезать куски. Чтобы избежать повторения.

Глава 9

Роберт Георгиевич Максаков с недавних пор воспринимал жизнь как игру.

Так выходило, что по настоящему о его жизни никто ничего не знал. Он сам выдумывал ее, в зависимости от обстоятельств. Причем, чем больше

проходило в его жизни различных событий, тем чаще ему хотелось придумать чего-то нового. И тогда Максаков начинал говорить настолько убедительно, что ему верили. Впрочем, Максакову могло казаться, что верили.

Вел он себя соответственно.

--Врал и приспособливался,--как сказал однажды о нем Антон Гусарский, которому не нравился ни Максаков, ни методы его работы. Эти методы не нравились и Лисовскому. Который вообще не понял, зачем к нему пришел Максаков, с предложением 'прекратить преступную деятельность'.

Лисовский тогда подумал что это шутка. Максаков настаивал на своем. Они даже чуть не подрались. Причем кто в последний момент сделал шаг назад - никто не понял. Каждому казалось, что кто-то другой. Хотя уже выходило, что никто может и не делал никакого шага. Просто Лисовский решил, что еще не время убивать Максакова. А Максаков поймал себя на мысли, что он, по сути, еще ничего о Лисовском и не знает. Ситуация была загадочная.

Они тогда разошлись с мыслью у каждого разобраться с другим. Пока видимо решив, что и

действительно 'еще не время'. А когда должно было наступить это время -- никто не знал. Ни Максаков, ни Гусарский. Что до Лисовского, то он вообще решил со временем убить обоих. Когда поступит команда от своего подсознания, которому с недавних пор он доверял больше чем кому-либо. Да и кому еще доверять?- задавался вопросом Лисовский.- Некому...

Чем Максаков руководствовался в деле Лисовского, он, наверное, не знал и сам. Все выходило как-то слишком призрачно и нелепо, чтобы Роберт Георгиевич мог делать ставки в этом деле. При этом не раз озвученное желание уничтожить Лисовского на самом деле ни на чем не базировалось. Было общее желание 'решить проблему'. Но необходимость этого решения не выходила за рамки необходимости просто завершать начатые дела.

.....

.....

Валентин Лисовский задумался,
действительно ли он прав в собственных поступках?
Для него это было самое страшное, подобные

размышления. Поэтому по возникновении их Лисовский всеми силами старался от таких размышлений избавиться. Опасаясь, что ни к чему хорошему они не приведут, а плохого и так было предостаточно.

.....

.....

Чтобы окончательно избавиться от ненужных мыслей, Лисовский задумал новое дело. Причем, видя безнаказанность, у него как бы сами собой исчезли мысли о том, что его могут когда-нибудь (и кто-нибудь) наказать за совершенные деяния. Того же Антона Гусарского, например, Лисовский всерьез не воспринимал. Хотя и предполагал, что тот когда-нибудь сможет добраться до истины. Но к этому времени рассчитывал его уже убить. Или быть убитым самому, в какой-нибудь перестрелке.

Правоохранительных органов Лисовский тоже не боялся. Был у него один секрет, который давал Валентину Евгеньевичу необходимые силы и уверенность что ничего не случится. Мало кто знал,

что отец Лисовского - в прошлом генерал КГБ - был еще жив. И не только жив, но и пользовался влиянием на людей, которые занимали руководящие посты в организации. Поэтому при возникновении каких-либо критических ситуаций дело могло взять на свой контроль ФСБ. И до суда оно бы уже не дошло.

Подобное положение дел устраивало и Лисовского и его отца. Устраивало оно и работников госбезопасности. У них была своя причина. Агентуру они берегли. Тем более у Лисовского--младшего была определенная роль в длинной, очень длинной цепочке. И пока существовала та, необходимо было беречь агента.

Ни о чем этом, конечно же, не знал Гусарский. Да и Лисовский-младший, можно предположить, не догадывался. Его отец сам выстроил эту цепочку из несуществующих агентов. Ну, или же агентурная сеть была настолько засекречена, что о ней не догадывались. Все было под контролем одного из учеников отца Лисовского, генерала ФСБ и одного из руководителей организации. Да и сама специфика работы организации предусматривала засекреченность даже друг от друга. Так что...

Так что Лисовский пока мог оставаться в безопасности. Хотя и окончательную безопасность никто никогда не может гарантировать. Случается иногда, что что-то изменяется, порой, самым невероятнейшим образом. После чего становится трудно давать какие-то гарантии.

Глава 10

'Вайнштейнов было два. Старший и младший. На самом деле это было одно лицо. А, по сути, быть может, и вообще никого из Вайнштейнов не существовало. Но тот, кто думает так - ошибается. И Вайнштейн -- это очень даже реальный персонаж. Можно заблуждаться относительно того кто скрывался под этим именем. Путать быть может даже некоторых из людей, ложно принимающих одного Вайнштейна за другого. Но то, что я реально существую - факт'.

Антон вновь получил эти странные записи. Первой реакцией при получении было: 'Зачем? Я еще

не прочитал прежние...! Но по сути, что он мог сказать? И главное - кому?

Порой Антону казалось, что человека, зачем-то присылающего ему все эти записи, реально не существует.

--Быть может это фантом?-- совсем некстати иной раз задумывался Антон Гусарский, и жалел в такие минуты что ему некого спросить: так ли это?

Иногда хотелось считать, что это не так. Притом что в большинстве случаев Антон понимал что заблуждается. И что ситуация на самом деле давно вышла из-под контроля. А если не сделать решающих шагов - скоро и вообще окажется поздно.

Но в чем должны были заключаться эти шаги - Антон не знал. И ему было стыдно признаться, что даже не догадывался. Вообще-то Антон был серьезным человеком. Вся его жизнь говорила об этом. И упрекнуть его было не в чем. Да он и тяжело бы пережил подобный упрек. Но вот случалось порой, что Антон чувствовал нарастающее чувство вины. Словно он был на самом деле в чем-то виноват. Знать бы еще в чем?..

А случались мгновения, когда Антон начинал себя мучить совершенной бессмыслицей. Причем, иногда ее становилось все больше и больше. А иногда она исчезала сама по себе. Как считал Антон - по независящим ни от кого причинам. Хотя, конечно, такие причины были. И эти причины со временем подчиняли его. А он ничем не мог им ответить. Лишь только бросал на них поверхностный взгляд как бы со стороны. И очень надеялся, что на самом деле еще что-то можно изменить.

Но ничего изменить было нельзя. Это было его жизнь. И необходимо ее принимать такой, какая есть. Ну, разве что надеяться, что чего-то страшного и ужасного не будет. А если и случится, то он это переживет.

Глава 11

Лисовский продолжал убивать. Убийства этот человек уже возвел в ранг эксперимента. И ему пока удавалось считать, что совершаемые им преступления

носят справедливый характер. Ну или --
справедливость восстанавливая.

Вот только справедливость была условная. И
только в представлении самого Лисовского.

.....

.....

'Если предположить, что в своих
преступлениях Валентин Евгеньевич Лисовский
руководствовался стремлением наказать тех, кто, по
его мнению, сгубил ему жизнь, то это предположение,
по всей видимости, будет ошибочным',-- записал
Антон.

Антон все чаще возвращался к своим записям.
Ему хотелось докопаться до глубин. И даже не просто
разобраться, но и понять что-то для себя. Ведь Антон
мог признаться, что давно уже и сам испытывал
желание начать решать вопросы методами
Лисовского. Но почему не делал этого?

В этом тоже он пытался разобраться. Ему не
хотелось верить, что причина неприемлемости им

методов Лисовского базируется исключительно на малодушии. На страхе перед наказанием.

--Но если подойти к этому вопросу с другой стороны,--задумался Антон,--разве не боязнь наказания отводит большинство людей от реализации подсознательного желания убивать? И словно подтверждает это тот факт, что большинство убийств совершается в состоянии аффекта. Аффект в данном случае синоним измененного, трансового состояния сознания, в которое человек попадает при алкогольном или наркотическом опьянении, или в состоянии гнева, волнения... То есть другими словами,--записывал Антон,--в данном случае практически обязательно наличие какого-либо обстоятельства, воздействующего на сознание индивида. Изменяющее это сознание. Когда выползают из подсознания - бессознательные желания, скрывающиеся там до времени. Именно в бессознательном зачастую таится то, что человек вытесняет из сознания. То, чего боится. В том числе и фантазий, имеющих сексуальную подоплеку.

В бессознательном также до поры скрывается то, что не допускает общество. Что не принято в

обществе. Что запрещено культурными традициями и нормами поведения. И когда-нибудь этот негатив выплескивается наружу.

После индивид ужаснется содеянного. Но это позже. Когда бессознательное вновь отступит, а главенство на какое-то время вновь возьмет сознание. Тогда может наступить и раскаяние...

Антон прервался от записей. Он подумал о том, когда же произошло так, что Лисовский вместо раскаяния, начал убивать. Убивать, не задумываясь о последствиях. Убивать, словно заглушая собственную боль. И отвечая еще большим преступлением на уже совершенное...

Глава 12

Так получалось, что Лисовский все больше понимал, что окончательно запутался в жизни. Злой и желчный, Валентин Евгеньевич вступил на путь жестокости, посчитав, что никому не должен отдавать отчет в происходящем. Притом что и раньше, собственно, кому-то отдавать отчет не собирался. Но

теперь получалось, что некто невидимый, кто до этого все время находился на заднем плане, исчез. И у Лисовского появилась возможность проявить еще большую жестокость и избирательность при совершении преступлений. Притом что по-прежнему преступлениями Валентин Евгеньевич свои действия не называл. Да что там говорить, преступлений не было. Были фантазии. А если и необходимы были какие преступления, то лишь для написания собственного сочинения. Где главным героем был он. Имелся его оппонент, Антон Гусарский. А кроме них произведение было наводнено другими персонажами, задача которых - запутать читателя. Причем окончательно вводить в заблуждение читателей не хотелось. Ведь повесть была еще не закончена.

Часть 4

Глава 1

Эльдар Сергеевич Михайлов начинал жить заново. Ему недавно исполнилось тридцать семь.

Занимался Эльдар Сергеевич банковской деятельностью. Однако, деятельность эту не любил. И не часто, но срывалось от него признание, что подобным бизнесом его заставляли заниматься деньги. Исключительно деньги. Желание заработать много денег.

Деньги в представлении Михайлова были возможностью осознать собственную значимость. Так же позволялось, при наличии денег, иметь самостоятельность. Причем иметь самостоятельность можно и без денег. И Эльдар Сергеевич вполне допускал, что самостоятельность, большей частью, базируется на такой психической категории, как уверенность в себе. Это он понимал. Но никак не мог избавиться от убеждения, что должное финансовое обеспечение даст ему все, что он хочет. И деньги способны изменить ситуацию к лучшему даже там, где раннее какое-либо изменение не предвиделось.

Михайлова многие считали загадочным человеком. Но скорее следовало говорить о его странности, нежели загадочности. Хотя можно допустить, что для определенных категорий индивидов загадочность у Михайлова тоже имела

место быть. И тут же следовало признать, что сам Михайлов в таком контексте о себе не думал. Считая себя исключительным существом. Причем в чем могла заключаться эта исключительность, Михайлов предпочитал умалчивать. И при этом у него было такое выражение лица, что хотелось двинуть чем-нибудь в эту рожу. Или уйти, хлопнув дверью. Непременно хлопнув дверью. Чтобы посыпалась штукатурка, которая должна была символизировать о вашем протесте. Протесте против чего? Ну, это уже было не главное. Важен сам факт. Факт внутренней (бессознательной) неприязни большинства людей к Михайлову. Почему? Большинство если и знали -- не решались сформулировать. Да и это было не просто. Особенно если говорить о том, что и так понятно.

По природе Эльдар Сергеевич был альтруист. Однако спроси кто его (для должного эффекта неожиданности лучше подловить для этого вопроса Эльдара Сергеевича в темном подъезде), ни с чем подобным он бы не согласился. А то и послал бы вас сгоряча. Хотя и здесь мы допускаем, что можем ошибаться. Михайлов никогда не ругался. Ну, может лишь изредка и про себя. Что почти не считается.

.....

.....

При виде Михайлова у Гусарского возникал вопрос: знает ли Эльдар Михайлов, что некоторые считают его дундуком?

--Знает,-- убедительно отвечал Антон на свой вопрос. И думал над тем, почему он тоже иногда так думает о Михайлове? Притом что в душе так не считает.

На эти и другие предположения (предположения это то, что основывается не на реальных фактах, а на возможно-допустимых фантазиях) Михайлов не обращал внимания. Он вообще выработал для себя определенную модель поведения, согласно которой обязан был к окружающему миру относиться с хорошей долей скепсиса и недоверия. Видимо опасаясь, что в ином случае мир может поглотить его.

Нет, можно конечно допустить, что подозрения Эльдара были беспочвенны. Но с другой стороны, нам ничтожно малоизвестно о правде вокруг

нас. И иной раз, в целях самосохранения, легче считать все ложью. Дешевле выйдет.

.....

.....

Случалось, Михайлов ошибался в собственных предположениях. Но это были ошибки гения. Эльдар Сергеевич не мог допустить, что его взгляд на какую-либо проблему окажется ложным. Даже стоило признать, что как такового ошибочного мнения Михайлов никогда не выдвигал. А все что исходило от него - было истиной в последней инстанции. Ну, так он считал.

Эльдар Михайлов приходился дальним родственником Лисовскому. Так поначалу полагал Антон Гусарский. Но позже, установив некоторые факты биографии Михайлова, Гусарский с удивлением узнал в Эльдаре Михайлове собрата по несчастью. Его отец был убит тем же способом, как и отец Антона. Причем, несмотря на гораздо больший срок давности, прошедший со времени такого убийства, у Антона появились все основания

предполагать, что убийца у их родителей один. Лисовский. Однако у Михайлова, в отличие от Антона, не было желания к отмщению. Этот человек вообще, по мнению Антона, был достаточно странен.

Чем была вызвана эта странность, Антон мог только догадываться. Были подозрения, что таким Михайлов был не всегда. И именно смерть отца сподвигла его на смену мировоззренческих позиций. Когда раннее жесткий и решительный человек вдруг становится размазней, видящим в совершаемых вокруг поступках какое-либо знамение или наказание за когда-то совершенные грехи. Причем оставалось вопросом, действительно ли Михайлов когда-то совершал нечто, что позже, в его собственном сознании, подпало под классификацию греха. Пока это считалось загадкой. Загадкой, интересной Антону. Он любил людей, по своему душевному раскладу выпадавших из категории обыденности. И хотя иной раз можно было предполагать, что Антон заблуждается, с годами подобные заблуждения встречались все реже. А Антон интуитивно нащупывал нужное направление движения собственных мыслей. И его умозаключения все

больше приобретали характер какой-то оправданности.

И при этом, спроси у Антона, почему все выходило так, а не иначе - и не ответил бы сразу. И не потому, что не знал. Антон Гусарский на каждый вопрос мог найти ответ. А если не отвечал, следовало допустить, что на это имелись свои причины.

Как бы то ни было, все это только возвеличивало Антона в глазах других. И казалось, не существовало никого, кто способен был с такой убедительностью и красноречием рассказать в подробностях о каком-нибудь вопросе, бессознательно улавливая соответствующее желание слушателей, и проецируя на них свою энергетику. Которая казалась поистине безграничной...

.....

.....

Первый контакт у Михайлова и Гусарского не состоялся. Они вроде как стремились друг к другу. Даже почти уловили между собой незримую нить

внутреннего сходства; какой-то удивительной схожести.

Но вот сама встреча прошла на удивление скромно. И у каждого создалось впечатление, что между ними находился кто-то еще; третий. Кто, собственно, был повинен в том, что так все произошло.

И чем больше Антон анализировал произошедшее, тем больше понимал, что ничего не понимает. Что ситуация на удивление запутана. А разгадка если и существует, то в ближайшее время ее уж точно не предвидится.

Создавалось впечатление, что существовало что-то, что рассмотреть было невозможно. При этом, что могло показаться удивительным, не было особого желания что-то разгадывать. Словно существовало нечто, что было неподвластно обыденному разуму. А для разгадки - необходимо было позволение свыше.

--Или ответ вообще не существовал,-- предположил Антон, и решил на какое-то время отпустить собственные мысли. Уж очень они начинали двигаться не в том направлении. Когда вы интуитивно угадываете какие-то моменты, но разумом

понимаете, что ничего кроме ошибки это на самом деле не принесет. И лучше было вообще ни о чем не думать. Ну, или сознательно (сознательно - в какой-то мере значит усилием воли) представить, что все совсем иначе. Все не так. По-другому.

.....

.....

Лисовский был удивительно схож с Михайловым. И в какие-то минуты Гусарскому казалось, что тот и другой - один человек.

--Я другой,-- сказал как-то Михайлов, который, как подозревал Гусарский, специально за этим пришел в редакцию.

--Вы кто? - не понял Гусарский, беря себе несколько секунд отсрочки.

--Я Михайлов,-- неожиданно смутился Михайлов.- Я пришел к Вам...

--Я уже понял,-- жестко перебил его Гусарский. Антон интуитивно выбрал именно такой тон. Ему не хотелось разговаривать с этим человеком. По сути, он еще не сделал о нем однозначных

выводов. Но информация о Михайлове уже была. И Гусарскому требовалось время, чтобы проанализировать ее.

Какое-то время они стояли друг против друга, Михайлов пытался что-то сказать, но его все время перебивали входящие в кабинет сотрудники, в общем, особого настроения на разговор не получилось. Хотя о чем-то они успели поговорить. И даже вроде как несколько раз приветливо улыбнулись друг другу.

--Мне бы не хотелось, чтобы между нами осталось какое-то непонимание,-- искренне произнес Михайлов на прощание.

Гусарский кивнул, мысленно пожелав ему доброго пути. А на словах заверил, что какие-либо проблемы, о которых подумал Михайлов, надуманы. И на самом деле он, Антон Макарович Гусарский, не такой человек, чтобы...

Михайлов не дослушал и ушел. Гусарский какое-то время постоял в раздумье. Потом направился к выходу из редакции, решив прогуляться.

На улице Антон изменил решение. Ему захотелось увидеть Лисовского. Поговорить с ним. Быть может попытаться выяснить все разом.

И при этом Антон, конечно же, понимал, что ничего такого делать не будет. Как минимум пока не соберет информацию, достаточную для...

--Ну а потом и решу, что сделать с Лисовским,-- перебил Антон себя, и, докурив, вернулся в редакцию.

Глава 2

Антону Гусарскому не хотелось думать, что кто-то просто так может убить другого человека.

--По всему,-- предположил он,-- это совсем не так.

--Хотя и ровно настолько,-- тут же ответило, нагло ухмыльнувшись, Альтер-эго,-- насколько совсем не существует у человечества таких ошибок природы как войны и стихийные бедствия. И уже потому, что они существуют ('существуют',-- согласился про себя Гусарский), все твои умозаключения ни к чему хорошему не приведут. Если ты, конечно, не откажешься от таких построений вопроса, где ответ предусматривается сам собой. И

может быть одинаково правдив и противоречив в зависимости от внутреннего состояния на отдельный момент времени.

Антон задумался. Чтобы так было, ему не хотелось. Но ведь от него, по сути, и не много что зависит. Хотя и наверняка не мало.

Оставалось подойти к разрешению каких-то вопросов в другой раз.

Глава 3

Лисовскому расхотелось убивать. Еще раньше, задумываясь над формой мщения, у него получалось множество вариантов. И все они разнились между собой. Но этот человек был не из тех, кто сам себя запутывал. И если он задумывал какое-то дело - то доводил его до конца. А по всему, какое-то дело он действительно задумал...

.....

.....

Лисовский мучился без любви. Страдал. Хотя давно уже дал зарок не показывать собственных страданий. Страдания - проявления слабости,-- вывел для себя он раз и навсегда. А потому сознательно, только подступали к нему приступы влюбленности, Валентин Евгеньевич усилием воли запрещал себе поддаваться на провокации. Он не мог никого любить. Он хотел, но не мог. Боялся. Боялся предательства. Боялся стать открытым; боялся сбросить с себя доспехи, защищающие его, и оказаться доступным коварству оболъстительниц,-- как он называл женщин.

--Наверное, это не может продолжаться долго,-- рассуждал Валентин Евгеньевич. И тут же понимал, что вынужденно будет продлевать эти страдания. В ином случае... Валентин Евгеньевич боялся подумать, что ждет его 'в ином случае'. Он помнил себя молодым. Помнил, как попадал под жернова тех, кто клялся ему в вечной любви, а за глаза насмехался над ним. Насмехался над его чувствами. Насмехался над всем, что связывало Лисовского с возлюбленной.

Нынешнее положение дел было вынужденным. Он обязан жить один. И несмотря на

периодически возникающее желание чистой любви, отгонял от себя это чувство. Хотя и от природы не легко избавиться. Поэтому следовало говорить, что Валентин Евгеньевич сознательно шел на обман себя. Главное было не поддаваться на провокации. Его душа жаждала женской теплоты и внимания. А его мозг приказывал отбросить сентиментальность. Его сердце сглаживало: до времени отбросить. И не было единства у мозга, души и сердца. И не существовало выхода из ситуации. Притом что Лисовский отдавал отчет, что когда-нибудь все закончится. И ему не надо будет таиться, скрывая чувства к той или иной женщине.

Но пока приходилось терпеть, затаившись на время. И это было самое страшное.

Глава 4

Антон Гусарский догадывался, что в его восприятии окружающего мира все каким-то образом изменилось. Трудно было предположить, когда это началось. Тем более что началось как бы само собой.

Словно и без видимого участия Антона. То есть, другими словами, его, что называется, поставили перед фактом. И молодому человеку уже ничего не оставалось, кроме как смириться с происходящим. И постараться что-то полезное извлечь из сложившегося положения.

Так же как и Лисовский, Антон дал зарок не влюбляться. Но иногда молодой человек считал, что выполнить задуманное невозможно. А то и глупо.

К тому же он допускал, что у него есть некоторый запас по возрасту. И сейчас он еще может себе что-то позволить, чтобы после одуматься и осознать собственные ошибки. После чего уже все пойдет по плану. По намеченному плану. Если таковой, конечно, будет.

И все же Антон замечал, что не все происходило так, как он планировал. Хотя ошибок быть не должно. А значит получалось, что он элементарно запутывался.

И чем больше он размышлял над этим, тем больше понимал, что ситуация может закончиться ничем. После чего станет трудно (а может даже и невозможно) вернуть что-либо обратно. И тогда...

Антон не хотел думать, что будет тогда. Ему вообще в последнее время не очень хотелось думать. Но ведь получалось, и сдаваться он не хотел. Не собирался. Не мог допустить, что так когда-нибудь произойдет.

По всему выходило, что необходимо было Антону как-то структурировать собственные измышления и последующие поступки. Нельзя было допустить, чтобы в его действиях начался хаос. А все о чем думал - перестало бы подвергаться критике сознания. В таком случае верх могло взять подсознание. А это было самое страшное. Ибо как у любого человека в бессознательном Антона господствовали инстинкты. И если совсем исключить контроль сознания, это могло привести к неизвестным последствиям.

Антон боялся думать, к чему это приведет. Он знал, что бессознательные мысли его далеки от совершенства. И при реализации их может вылезти столько огрехов, что потом невозможно будет запихнуть их обратно. А значит, следовало говорить о том, что Антону следует по-прежнему контролировать любые свои мысли, эмоции, желания.

Это было единственным залогом выживания. И иного не дано.

.....

.....

Немного иначе считал Лисовский. Этот человек давно осознал, что жизнь идет не по тому расписанию, что было намечено в юности. Но подобная ситуация омрачало сознание Лисовского ровно до тех пор, пока он не приступил к выполнению плана возмездия. И уже согласно этому плану выходило, что все движется в особом направлении. Да может и ничего страшного не происходит. Он наказывает виновных. И исцеляет тем самым душу. Их душу, и свою.

Но вот именно в этом случае вышла небольшая заминка. У Валентина Евгеньевича Лисовского вдруг появились первые сомнения относительно того, что задуманный им план реализуется в нужном направлении. И если поначалу любые сомнения Лисовский гнал, то со временем все чаще размышлял о том, как на самом деле все должно

было происходить? Каким-то образом первоначально им задуманный план терял былую актуальность. А может Валентин Евгеньевич забыл, каким было окончание сценария, написанного им.

Однако, несмотря на сомнения, он дал себе установку завершить начатое. И разобраться с обидчиками юности.

.....

....

Большого труда Лисовскому потребовалось придти к дому, в котором он когда-то вырос. Дому, где раньше все были счастливы. Это было время детства. А в детстве в большинстве случаев намного больше счастья, чем в последующем времени.

Валентин Евгеньевич на миг усомнился в том, насколько ему необходимо было мстить? По новому раскладу выходило, что никому мстить не нужно. Разве только немножечко пожурить бывших сверстников.

Но характер Валентина Лисовского лишь изредка выдавал подобную поблажку. А потому через

время, отбросив сентиментальность, Лисовский приступил к реализации своего плана.

Первым он убил Макара Гусарского. Этот человек когда-то сильнее других раздражал Лисовского. И при этом был достаточно коварен, всегда при случае заявляя об их дружбе. Впрочем, в эту дружбу кроме Гусарского никто не верил. А Лисовский вообще не доверял никому. И жил с надеждой когда-нибудь расквитаться с обидчиками.

Возможность такую он нашел только спустя тридцать лет после окончания школы.

--Но лучше поздно, чем никогда - считал Лисовский.

Вот только никому он не мог признаться в двух моментах, которые возникли в его душе после убийства Макара Гусарского. Первый момент - Лисовский не получил удовлетворения от убийства. То есть, он как вроде бы и заставлял себя осознать, что акт мщения свершился, что наказан один из негодяев из его детства. Но это почему-то Лисовского не радовало. Но был и второй момент, согласно которому Лисовскому понял, что должен убивать. Ему необходимо было испытать наслаждение от

убийства. Наслаждение, которое должно было возникнуть при осознании того, что теперь искупается вина перед близкими, пострадавшими когда-то от его невозможности продолжать заниматься музыкой. От его тогда необъяснимого для них желания отдать себя спорту. Все последующие после сделанного им выбора спортивные достижения Валентина еще больше отдаляли его от родственников, окончательно запутывая тех. В представлении родных он должен был продолжать заниматься исключительно музыкой. А спорт... Спорт его семья расценивала как что-то не очень важное. Да и не нужное.

Но Валентин тогда был иного мнения.

--Для меня важнее спорт,-- отрезал он на семейном совете.- Спорт, и только спорт,--повторил он, уезжая на очередные спортивные сборы.

Уже потом, после последующих одна за другой смертью близких людей Валентин стал раскаиваться в подобном желании выбора спорта вместо музыки. Но было уже поздно. Боль, душевная боль кровоточащей раной прорезала его сердце. И сейчас, по прошествии стольких лет, Лисовский мстил, в том числе, и за своих близких. Мстил тем,

кто был виновен. Виновен за то, что повернули его жизнь в другое направление. Ведь только сейчас Валентин мог предположить, что если бы не поддался той слабости и остался в музыке, наверняка в его жизни все сложилось бы по-другому. Прежде всего, он стал бы другим человеком. Хотя... Хотя может наоборот, остался бы забитым и затурканным, каким был в детстве. Правда, при этом он был бы в музыке. Но что же мешает ему сейчас вернуться к ней?- неожиданно подумал Лисовский.- Что мешает ему сейчас отдать себя на откуп искусству?..

--Уже поздно...--грустно ответил он себе.-

Время ушло... Прошлого не вернуть...

На миг воспоминания юности захлестнули его. На душе стало тепло и уютно. Появилось ощущение праздника. Радости. Радости, которую он дано уже не испытывал. Словно забыв ощущение ее...

--Если бы он не оставил музыку,--вернулся Валентин в былые мечтания,--сейчас наверняка бы достиг в ней высот... Да и в жизни бы имел намного больше, чем сейчас...

Грустно стало Лисовскому. Он готов был начать корить себя что поддался искушению

воспоминаний... Ничего хорошего они не приносили...
Только на миг - улучшение состояния. После чего
следовало еще большее разочарование. И грусть...
Грусть, которая, казалось, уже никогда не пройдет...

Глава 5

Антон чувствовал, что предательская реальность пытается выскользнуть из-под ног. И ведь нельзя было сказать, что чего-то приходилось опасаться... Или предположить, что что-то могло навредить Антону... Нет. Чего-то подобного не было. Все было достаточно ровно, без каких-либо эксцессов в сторону возможных отклонений. Но...

Вот это 'но' иной раз и пугало Антона. Шутка сказать, все могло удачно начинаться или заканчиваться; и словно не зависимо ни от чего могли вырисовываться вполне реальные перспективы какого-то всеобщего счастья, удачливости и проч. Притом что в другой момент все могло оказаться разрушено. Разрушено всего одной мыслью-сомнением, которая даже не закрадывалась, а

врывалось в сознание, подчиняя его и разрастаясь там словно вирус. А потом и вовсе могло начаться невообразимое. И все пойти кувырком...

А могло все внезапно наладиться. И случайно избавившись от негатива, Антон продолжал жизнь. И жизнь могла казаться великолепной. Насыщенной хорошими событиями, приятными воспоминаниями, и очень позитивными эмоциями.

Но Антон не обольщался. Он хорошо знал цену такому 'просветлению'. Знал, что в любой момент все может закончиться. А потому предпочитал вести спокойную жизнь. Пусть и не жизнь середнячка, но, тем не менее, Антон Гусарский достаточно быстро вывел для себя единое правило, которому старался следовать вне зависимости от того, какое время было вокруг, какое было у него настроение и проч. Правило это достаточно простое и в то же время по своему великое. А суть его состоит в том, что нельзя излишне ни радоваться жизни, ни огорчаться этой жизни. То есть другими словами - необходимо было искусственно заглушать излишние эмоции. Причем, необходимо это было только для одного: чтобы выжить.

.....

.....

Нет, положив руку на сердце, не думал, конечно, Антон, что возникнут у него какие-то сомнения. При том что он допускал возможность их возникновения. Но относил это к чему-то совсем не обязательному. Что могло случиться, а могло никогда не произойти. Сам Антон больше склонялся именно ко второму.

--Никогда не произойти... -- произнес он вслух собственную мысль, и молодому человеку показалось, что он не далек от истины. Ведь если предположить, что жизнь просто-напросто пыталась его запутать... А на самом деле никаких событий не происходило.

А чтобы разобраться в этом - надо просто собраться и все проанализировать. Методично исследовав все, что происходило с ним за все это время. Причем даже может не просто проанализировать, а в какой-то мере преподать урок самому себе. Но поняв это Антон почувствовал, что вновь запутывается. Ведь не могло так получиться,

что раньше он ошибался. Ведь если нащупал он обвинительную нить против Лисовского, то необходимо было довести расследование до конца. Предъявив убийце обвинения. Чтобы тем самым избавить мир от подобной заразы. Не дав ей распространиться дальше.

Антон подумал, что он совсем не знал, что в последнее время делал Лисовский. Максаков с недавних пор перестал появляться перед Антоном (до этого бывший следователь возникал когда его не ждали). Антон припомнил, что он сам разругался с Максаковым. Хотя ему тут же показалось, что чего-то подобного на самом деле не было.

--Плохо дело,-- усмехнулось Альтер-эго.-Ты...

--Перестань вмешиваться в мои дела!-

неожиданно перебил Антон.

--Вот те раз!-присвистнуло второе 'Я' Антона Гусарского, очень видимо удивившись поведению молодого человека. Впрочем, кому как не ему было знать об этом.

--Давай начистоту,-- попросил Антон.-Мне потребуется какое-то время чтобы во всем

разобраться. На этот срок я прошу меня не беспокоить и вообще оставить в покое. По рукам?

--По рукам,-- согласилось Альтер-эго, про себя подивившись доверчивости юноши.

А Антон, понимая, что иным способом мало кого обманет, решил на какое-то время перестать о чем-то думать. Отгоняя в никуда мысли, грозившие перерасти в навязчивые желания осуществления чего-то поистине загадочного и не хорошего.

И Антону удалось. Ему удалось если совсем не думать, то по крайней мере не думать слишком долго об одном и том же. И какая-либо рождавшаяся у него мысль, только появившись, тут же отправлялась дальше. Причем, отправляя ее, Антон не ждал возвращения; делая все так, как это понимал. Интуитивно.

И можно было сказать, что у него действительно получилось.

.....

.....

Лисовский страдал от несправедливости. Столько людей населяли страну, и большинство из них жили той жизнью, которой жить было нельзя. Нечестно. Нечестно погружаться в пороки, которые только мифически до сих пор остаются безнаказанными.

Но если знал о них он (в большинстве случаев догадывался), то можно было предположить, что когда-нибудь узнают и другие. Нет ничего тайного, что не стало бы явным,-- в последнее время часто вспоминал Валентин Евгеньевич слова из Библии. Эти слова положительно сказывались на его состоянии. Хотя и в иные разы его состояние перехлестывало через край. И хотелось непременно самым образом начать действовать. Чтобы потом...

Лисовский не знал, что будет потом. Он даже не знал, что будет завтра. Человек не волен знать об этом. И Валентин Евгеньевич, вспоминая о чем-то подобном, всегда приходил в смущение от того, что жизнь обращается с ним таким образом. Когда он становился участником событий, в которых высвечивался исключительно с отрицательной стороны. При том что хотел только справедливости.

Мечтал о ней. И мало кто понимал, что все его поступки в какой-то мере как раз и были направлены на то, чтобы добиться этой самой справедливости. Притом что окончательно достигнуть ее он бы не смог никогда. Просто потому, что через время после начала возмездия Валентин Евгеньевич чувствовал не удовлетворение от проделанной работы, а неизбежное продолжение, которому должен был следовать, чтобы завершить начатое.

Он не хотел продолжать. В иные разы он даже сознательно стремился оградить себя от мыслей, подобных той первой мысли, после которой ему пришлось начать акт мщения. Но не так-то было просто повернуть обратно. Желание продолжать возникало у него независимо ни от чего. И если он пытался прекратить безумие - удавалось только на время. Чтобы потом вспыхнуть вновь, вынудив Валентина Евгеньевича совершать те злодеяния, которые сам он совершать уже не хотел. Но не мог отказаться.

.....

.....

В один из дней Лисовский случайно столкнулся на улице с Антоном Гусарским. По всему было заметно, что встретились они случайно. Хотя у Валентина Евгеньевича и возникли кое-какие сомнения.

--Выслеживаешь?-спросил он, немигающим взглядом смотря в глаза Антону.

--С чего вы взяли?-не растерялся Антон.

---Наверное решил получить должок?- усмехнулся Лисовский, слегка развернувшись вправо, словно готовясь к отражению атаки Гусарского, и принимая для этого что-то наподобие боксерской стойки.

Антон заметил позицию Лисовского. В его случае надо было или бить сразу или попытаться разговорами усыпить бдительность бывшего боксера, а потом неожиданно ударить, набросившись на него.

Но Антон драться с Лисовским не собирался. По-крайней мере пока.

--Ты еще не нашел настоящего убийцу?- заинтересованно спросил Лисовский, с любопытством разглядывая Антона. У молодого человека были

длинные светлые волосы, спадающие на плечи. В последнее время он стал отпускать усы. Ростом Антон значительно выше среднего. Обычного телосложения. Выражение лица имел улыбающееся. Впрочем, иногда это лицо принимало задумчивый вид. Например, сейчас.

Казалось, это Лисовского несколько озадачило.

--Не держи на меня зла,-- попросил Лисовский, сделав попытку положить руку на плечо Антона.

Дернув плечом, Антон руку сбросил. Он с вызовом смотрел на Лисовского, ожидая дальнейших действий того.

--А знаешь что?-предложил Валентин Евгеньевич.-Пойдем, посидим в кафе. Обсудим наши дела. Поговорим...

Взгляд Антона принял удивленный вид. 'Ты серьезно'?-хотелось спросить ему. Но тут же молодой человек успокоился. Все это только в очередной раз говорило о том, что большинство людей населявших эту землю ведут себя иной раз весьма странно. Может даже подозрительно.

--Ну что, пошли?-предложил Лисовский.

--Пошли,-- кивнул Антон, решив, что ничего страшного не произойдет, если они побеседуют. Заодно все выяснят. Ну, хотя бы попытаются.

Через некоторое время мужчины зашли в ближайшее кафе. Встретились они на улице Рубинштейна. Ближайшим оказалось литературное кафе.

--Ты не находишь, что все слишком странно,-- начал первым разговор Лисовский.

Антон поднес зажигалку к сигарете, закуривая.

--Как я понял, ты в чем-то меня обвиняешь,-- продолжил Лисовский, посмотрев на Антона.

Антон курил, с показным отсутствующим видом обводя полузаполненное помещение.

--Могу тебе сказать, что в том, что ты думаешь, моей вины нет,-- произнес Лисовский.- Но совершенные преступления ужасны. И я готов...-- Лисовский как можно дружелюбнее посмотрел на Антона.-И я готов оказывать тебе всяческую помощь. Вместе мы найдем преступников,-- закончил он,

пристально посмотрев на Антона, и ожидая его реакции.

Слова Лисовского поставили Антона в двойственное положение. Можно было сказать, чего-то подобного Антон не ожидал. Предполагаемый убийца признается в дружбе и предлагает помощь в поиске настоящего убийцы. Это могло выбить из колеи кого угодно. Но только не Антона.

Антону было необходимо время, чтобы все обдумать. Несмотря на его показное безразличие, слова Лисовского вызвали некоторый переполох в душе молодого парня. Внешне он старался держаться спокойным, но вера в то что преступления были совершены Лисовским, поколебалась.

Тогда он ему ничего не ответил. Лисовский, понимая, что молодой человек должен обдумать его слова, ушел. Оставив номер телефона на случай, если Антон захочет встретиться. И это тоже выбивалось из привычного сценария. Ведь только недавно Антон собирался начать разыскивать Лисовского, жалея, что куда-то исчез следователь, помогавший в расследовании. Антон даже собирался специально для этого встречаться с Айзиком Тиминым и его отцом,

Сосо Кибитовичем, чтобы через них выйти на Максакова, и узнать, где скрывается Лисовский. Теперь оказывалось, что Лисовский не скрывался. А даже оставил координаты для связи. Попросив звонить в любой момент.

Это все рушило планы Антона. И заодно весьма смешивало многочисленные мысли его. Можно было даже сказать, что в любой момент он готов был окончательно запутаться. Если признать что Лисовский не виновен,-- рассуждал молодой человек.-А вся доказательная база строилась исключительно исходя из вины Лисовского, то в этом случае все летит в тартары. И как минимум срочно необходимо было начинать новое расследование, чтобы самым внимательнейшим образом проанализировать всю имеющуюся информацию, оставив то, что могло пригодиться, а остальное безжалостно отбросив. А уже из того что осталось, на новых так сказать фактах, начать новое расследование. Расследование, которое должно было завершиться нахождением настоящего убийцы или убийц (молодой человек допускал, что это могла быть

группа лиц), и вынесением окончательного приговора. Смерти.

Неожиданно Антон подумал, что вполне вероятно, что со стороны Лисовского недавний разговор был способом запутать следы. Желанием выиграть время. Чтобы потом нанести внезапный удар и покончить с ним. Ведь Лисовский знал,-- догадывался Антон,-- что официальное следствие не ведется. В первом случае вину списали на других людей, уже осужденных. В других убийствах наверняка тоже нашли на кого списать,-- подумал Гусарский. А может и вообще дело давно в архиве. Сколько подобных убийств остается нераскрытыми, и ничего не происходит. Страна продолжает жить своей жизнью. Судебно-правоохранительная система не рушится. В общем, ничего не происходит, чтобы начинать бить в тревогу. А значит...

Молодой человек тяжело вздохнул. Ему не хотелось думать о том, что значило это 'значит'.

.....

.....

Стоило говорить, что Антон давно уже запутался в жизни. Пусть он пока и не признавался что это так. Но вот внезапно накатывала тоска. А сердце начинало щемить каким-то до боли подозрительным беспокойством. И бывало даже проходило время, а тоска и боль не утихали. А то и наоборот, разрастались с новой силой. И в такие минуты хотелось ему, чтобы все побыстрее закончилось. Хотелось вздохнуть полной грудью. Хотелось, чтобы непременно что-нибудь изменилось. Изменилось к лучшему. Чтобы уже не думать о прошлом, которое (казалось ему в такие минуты) прожил он не так, как хотелось бы. Да и по всему не так, как было нужно. При этом молодой человек не знал, как было нужно. Ведь случается же так, что иногда неожиданно задумываемся мы о жизни, допуская, что сама жизнь могла бы проходить иначе. Но вот как определить когда наметился крен в сторону? Тогда было бы еще возможно изменить что-то к лучшему ситуацию. Но зачастую выходит, что не всегда удается распознать 'начало конца'. Тем более что первое время после этого как будто ничего плохого не происходит. А потом наваливается разом.

И уже никуда не хочется стремиться. А хочется, чтобы все быстрее закончилось. Понимая, что так быстро ничего закончиться не может, а жизнь на то и дана, чтобы наступило со временем переосмысление ее.

Антону Гусарскому почему-то казалось, что это было так. Но вот распознать наступления необходимости подобного переосмысления не удавалось. А может всякий раз он бессознательно отодвигал это. После забывая о том. И когда наступало оно вновь, было настолько неожиданным, что он желал чтобы все прекратилось. Но насколько это было возможно?..

.....
.....

В один из дней Антон решил встретиться с Лисовским. Не то чтобы его так интересовал этот человек. Можно даже сказать, что на какое-то время Антон сознательно решил отложить разрешение ситуации. Не думать о том, что должно произойти, если принять во внимание, что Валентин Евгеньевич

Лисовский не имеет отношения к приписываемым ему раннее убийствам. И даже не пытаться взглянуть на этого человека с другой стороны. А быть может и вовсе отпустить ситуацию. Искусственно обождать какое-то время. Чтобы потом приступить к поиску ответов на так и не разрешенные вопросы. А то и заново задать какие вопросы себе. Ответить на них. А может и не отвечать. В общем, дать ситуации (и времени) пройти своим чередом. Чтобы после подступить к выполнению чего-то поставленного раннее. И разом разрешить все. И успокоиться. Ну а может загнать себя в угол появлением чего-то нового. Что может и увидится уже по-другому. И после этого начнется новая жизнь.

Антон Гусарский понимал, что он, по сути, тешит себя иллюзиями. Вполне возможно, что ничего такого произойти не могло. Или могло, но только он не уследит когда это произойдет. И если случится, то как-то иначе. И совсем неинтересно.

--Но если предположить,-- подумал Антон.-
Что Лисовский действительно не совершал того, что приписывал ему Антон? Если предположить так, то в этом случае рушилась вся доказательная база. А

значит, попросту необходимо было все начинать заново. Но заново - это уже не значит что результативно. А значит...

Вот этого 'значит' Антон и опасался.

Выходило так, что сомнения, которые раньше только эпизодически возникали у него, теперь словно неотрывно преследовали его. И все, чего ему хотелось - оторваться от них. Убежать куда-нибудь в глушь, спрятаться, затеряться; чтобы после уже может быть и вообще никогда не возвращаться. Ну или возвратиться, но уже победителем. Что всегда считалось и сложным и проблематичным, но при этом необходимым. И возможным. Конечно же, возможным. Хотя Антон и допускал, что совсем не знал, что может еще выкинуть ему жизнь. Хотя и хотелось верить только в хорошее. Только в хорошее...

Глава 6

Лисовский получил извещение от Антона с предложением встречи. Однако желание встречаться

у него не было. Были подозрения, что Антон захочет воспользоваться теми же методами, которыми ранее уже пытался выбить из него показания. И если это повторится, придется делать над собой настоящее усилие, чтобы не убивать его. У Лисовского давно уже возникло желание свернуть шею Антону Гусарскому. Но ведь он не убийца, чтобы расправляться так с первым встречным. Настоящей вины за Гусарским-младшим не было. Все, в чем был повинен Гусарский-старший, тот уже получил. Младший тоже получил свою долю вины. Но не убивать же его? Или убивать?

Несмотря на периодически возникающие у Валентина Евгеньевича подобные вопросы, он как бы заранее знал ответ. И знал, что на самом деле просто не сможет тронуть Антона. И не потому, что по придуманным им самим правилам не уничтожал тех, кто не был в чем-то повинен перед ним в этой жизни. Хотя и не это было главным. Все, что происходило с Лисовским сейчас, все это было как бы не главным, не важным, не нужным для какого-то анализа. И в первую очередь Валентин Евгеньевич расправлялся с теми, кто когда-то, по его определению, сгубил его

жизнь. Те же, кто даже если и мешал ему в новой жизни, если это не касалось проблемы выживания Лисовского - были недостойны, чтобы расправляться с ними. Поэтому он и не думал о том, чтобы применять против них какие-то радикальные меры. Достаточно было просто перестать общаться.

Однако существовала на самом деле причина, по которой Лисовский не смог бы убить Антона ни при каких раскладах. И причину эту до поры до времени он намеревался держать в тайне. Совсем, быть может, и не собираясь рассказывать о ней потом. Ну, хотя бы до тех пор, пока он это не решит.

Это могло показаться странным, но выходило так, что Лисовский в какие-то моменты жизни сознательно старался не отдавать отчет реальности. Так ему было легче жить. Ведь если только предположить,-- рассуждал он,-- что пришлось бы все время думать о происходящем с ним и вокруг него - вполне вероятно, что совсем скоро пришлось бы

взвять, взывая к справедливости. Тогда как он давно уже понял, что справедливости или не существует, или же развитие ее подчиненно каким-то удивительным законам. В коих, собственно говоря, он пытался разобраться всю жизнь. С переменным, так сказать, успехом.

Еще маленьким Валя Лисовский понял, что справедливости не существует.

Так ли это было на самом деле, он не знал. Ему хотелось верить, что он искреннее заблуждается в собственных детских страданиях. И что на самом деле существует нечто, что продвигает его жизнь вперед, не считаясь с его мыслями относительно этой самой жизни. И попросту подводит его к черте, заставляя преодолевать и ее, и те этапы, которых много встречается (как и еще встретится) в жизни любого человека. Поэтому горевать и страдать - это необходимо только в качестве желания лучше почувствовать жизнь. Подобное он понял, когда стал старше. Как и понял, что все душевные страдания, муки и терзания, необходимы ему исключительно в целях постижения хрупкости бытия. И для роста себя как личности. Потому как, если страдания

существуют, то необходимы они для того чтобы лучше почувствовать жизнь. И для последующего (и связанного с этим) внутреннего роста. Опять же -- роста личности. Ну, а зачем еще?-вопросал он себя, себе же отвечая на вопрос уже сказанным, и еще более преисполняясь решимости достигнуть совершенства, к которому стремился всегда. Если бы он спросил себя, удалось ли ему достигнуть к своим нынешним годам совершенства, Владимир Евгеньевич не ответил бы. Годы жизни научили его тому, что жизнь достаточно сложна, чтобы понять какие-то ее законы, которые, можно было допустить, открываются лишь под конец жизни. Но это не разгадка бытия. А скорее следует говорить о некой избирательной приспособляемости к существующим композициям бытия. И появлению уверенности, вслед за этим, что жизнь в какой-то мере удалась и получилась. Тогда как на самом деле...

На самом деле это был весьма запутанный вопрос. И ни о чем таком говорить не приходилось. Лишь хотелось верить, что все это так. Что все возможно. Что все будет хорошо...

Глава 7

Максим Израилевич Вайнштейн страдал от необходимости делать постоянную оценку окружающим. Так выходило, что все, что его окружало, с недавних пор вызывало в нем все нарастающую неприязнь. И у него как будто исчезли способы борьбы с этим.

Притом что и смириться с подобным он не мог. А значит, требовалось найти какие-то возможные способы существования. Чтобы после того как он их найдет ('а он их найдет',-- заверил себя Вайнштейн) ему уже не было так мучительно больно за собственную жизнь. Жизнь, в которой он давно, по большому счету, запутался. И не желая искать компромиссы с судьбой - страдал.

Детство Максима Вайнштейна было безоблачным. Семья врачей, в которой росли два брата, Максим и Марат, видимо внушала окружающим какое-то по-особенному трепетное уважение к этой семье. У них было много знакомых.

У них были друзья. У них был достаток в доме, и желание продолжать жизнь.

Все перечеркнула гибель родителей Вайнштейна. Тогда же вместе с родителями погиб и его брат, Марат. Впрочем, позже оказалось, что брат жив. Во время крушения поезда мальчик находился в другом, менее пострадавшем вагоне. Сам Максим в это время был на музыкальном конкурсе в Братиславе.

Мальчики невероятным образом сблизились после гибели родителей. И с трудом дождавшись своего совершеннолетия - эмигрировали. Максим в Испанию, Марат в Грецию. Почему они выбрали разные страны? Объяснялось все просто. Молодые люди женились на поданных тех стран, куда и уехали. Причем встречались друг с другом довольно часто; поначалу чуть ли не каждые выходные; потом, правда, чуть реже; но все равно, раз в месяц виделись обязательно. И жили каждый своей жизнью, но словно бы жизнью совместной.

А дело в том, что были братья близнецы. И обоим достались сварливые жены. Впрочем, молодые люди не скрывали, что женились только из-за того, чтобы выехать за рубеж. Причем женились на сестрах.

И тоже близняшках. А через время сестры умудрились перессориться между собой. Но братья не ссорились. И чтобы найти компромисс - стали женами меняться. Не предупреждая тех.

На удивление, это помогло наладить обстановку в семье. И даже одна из сестер со временем уже не испытывала такую агрессию к жене брата мужа. Совсем, впрочем, не подозревая, что иногда живет с ним как с мужем. Спит, и почти не ругается.

Зачем это было надо самим братьям? Ну, сначала это было ради эксперимента: смогут ли? (Что-то по типу игры в разведчиков и законспирированных шпионов.) После - братья посчитали, что таким образом смогут уберечь свои семьи от распада. Что, впрочем, не помешало им через время развестись с женами. Разведясь, они остались каждый в своей новой стране проживания.

.....

.....

Максим Вайнштейн давно не приступал к собственным записям. Несмотря на то, что пытался. И

когда это все-таки состоялось, на одном дыхании написал небольшую рукопись, которую позже и послал главному редактору одного из сетевых журналов, адрес которого нашел в интернете.

Что Максим хотел сказать своей рукописью? Было ли то, что там написано, правдой? Было. Было великой фантазией одного человека. С целью, чтобы эту фантазию прочитал другой человек. И быть может -- напечатал. Уже для того, чтобы количество читателей расширилось.

Максим Вайнштейн, видимо, удивился бы, узнав, что главный редактор журнала, Антон Макарович Гусарский, воспринял всерьез написанное. И даже предпринял поиски убийцы, преступления которого были описаны в рукописи.

Но еще более удивительным было то, что преступления, описанные им, неким таинственным образом совпадают с реально совершенными кем-то. Причем с предполагаемым убийцей Максим оказался знаком. Фамилия того походила на хитрого зверя. Но вот на самом ли деле убийцей был этот человек? У Максима на этот счет были серьезные сомнения.

--Скорей всего не был,-- рассуждал мужчина (Максиму, как и его брату, было сорок четыре года).-- Можно даже предположить, что все якобы совершенное было выдуманно. Так же как и некогда написанное Вайнштейном.

Вообще же Максиму показалось, что кто-то не только намеренно вводит в заблуждение Антона Гусарского, но и в случае с этим человеком наблюдается достаточно любопытная игра, в которой все направленно на то, чтобы невероятнейшим образом запутать своего оппонента. И даже не сбить со следа, -- как Максим догадался, иногда считал Гусарский,-- а скорей всего и следа не было. А был некий обман. Ну может просто игра. Но вот кому эта игра была необходима?- при мыслях об этом Вайнштейн разводил руками. Ему почему-то до конца не верилось, что возможно нечто подобное. Возможно, чтобы взрослые люди столь наивно верили в сказки. Верили в то, что если и существовало, то только (и почти исключительно) на бумаге. Притом что сейчас Максим уже сомневался, что существовало оно и на бумаге. Ведь, как оказалось, рукопись сохранилась только в одном экземпляре. И экземпляр

этот находился сейчас у Гусарского. Причем Максим написал Антону Гусарскому уже несколько писем, где признавался, что рукопись написал он (предполагая, что у адресата могут появиться некоторые сомнения), и просил выслать ему копию.

Копию Максим не дождался до сих пор. Хотя прошло уже достаточно времени, чтобы пришло обратно все что угодно. Если бы отсылали, конечно. В чем Вайнштейн сомневался. А потому запланировал обязательно встретиться с Антоном Гусарским. Встретиться, прежде всего, с целью знакомства с этим человеком. Ну а уже после он потребуется или копию или оригинал обратно. Пригрозив чем-нибудь, в крайнем случае...

Глава 8

Антон Макарович Гусарский вошел в парадную дома покойного отца. С недавних пор он не мог находиться в квартире отца. И не потому, что все там напоминало о нем, а...

Антон пока не мог объяснить свои предчувствия. У него возникло подозрение, что все на самом деле не так, как казалось раньше. И был вопрос, хочет ли кто-то его уверить, что он, Антон Гусарский, должен воспринимать информацию именно так, как он видел ее еще недавно. Или уже не искать Антону виновника, а попытаться разобраться в собственных видениях ситуации.

Ему вдруг показалось, что отец его не погиб. И что он не только жив, но зачем-то сам скрывается от него.

--Или его кто-то скрывает?-подумал Антон.

Антон был готов не поверить в собственные мысли, но по всему выходило, что это походило на правду. Ну, или вернее, могло бы походить.

Антон в который уж раз задумался. Можно было, конечно, не поверить в собственные предположения о смерти, но ведь...

--Какие у тебя доводы, чтобы верить новым предположениям?-спросил у Антона его старый приятель, Глеб Заречный, с которым они когда-то учился в институте.

--Ну как же? - не понял Антон.-Ведь по всему...

--Стоп,-- перебил его Глеб.-Давай поставим вопрос иначе. На основании каких предположений ты поверил в смерть отца? Ведь, как я помню, ты сокрушался что опоздал на похороны.

--Ну подожди,-- махнул рукой Антон, горько улыбнувшись.-У меня ведь есть заключения о смерти. Смерть подтвердили в милиции. Причем насильственную смерть. Да и вообще...

--Прошу тебя,-- насупился Глеб Заречный. Вид был у Глеба такой, словно находился он на пороге открытия тайны тысячелетия. И все что ему требовалось - чтобы его просто выслушали.

Антон кивнул, показывая, что готов слушать, не перебивая.

--Ситуация в следующем,-- сказал Глеб.-Ты должен предположить что пребываешь сейчас не совсем в той реальности, в какой себя представляешь. При том что и представления наши могут быть, как известно, ложны. А наше восприятие в первую очередь базируется на чем-то, что близко и понятно нам. На прошлом опыте, большей частью, да на

знаниях. Но при этом такое восприятие совсем не обязано походить на действительность. То есть необязательно может существовать. Понимаешь?

Антон неопределенно кивнул, не решаясь пока давать комментарии услышанному.

--Ну вот я и говорю,-- продолжил Глеб.-
Многое на самом деле может быть совсем не таким, как мы его видим. И при этом другой человек зачастую это видит совсем иначе.

--Что-то ты меня совсем запутал,--признался Антон.-По-твоему получается, что я просто живу в несколько ином измерении?

--Ты сам это сказал,-- у Глеба улыбались не только глаза и губы, но и он сам светился от счастья.

--Бред какой-то,--покачал головой Антон.-
Что-то, а уж реальность от ирреальности я способен отличить.

--Да нет, я же не говорю что все на самом деле так,--поспешил добавить Глеб.-Просто, это одно из предположений.

--Предположение что все не так, как я до этого представлял,-- съехидничал Антон. Ему вдруг захотелось развернуться и уйти. Он сдержался. Он

вообще был вежливым молодым человеком. К тому же достаточно любопытным, чтобы послушать, о чем ему еще расскажут.

--Не совсем,-- сказал Глеб.-Хотя, в какой-то мере, старик, я иной раз и сам запутываюсь, как все выглядит на самом деле.

--К врачу обращаться не пробовал?-участливо поинтересовался Антон.-Ты знаешь, сейчас появились очень хорошие специалисты. И твой случай достаточно легко бы вылечили.

--Ты считаешь я сумасшедший?-не понял Глеб.

--Ну, что-то на вроде того,--улыбнулся Антон.

--Да ты сам ненормальный!-вспылил Глеб.-Я же тебе говорю о прописных истинах! И стремлюсь только помочь.

--В том то и дело,--улыбнулся Антон.-А на самом деле ты меня еще больше запутываешь. Ишь чего хватил: поверить, что все вокруг нормально, а я этого не вижу! Да и если так - где сейчас мой отец?

--Ну, предположим, он мог куда-то уехать,-- как ни в чем не бывало произнес Глеб.

--Ты с ума сошел!-искренне заметил Антон.-
Да и вообще... Ну в общем, не хорошо с этим шутить.

--А я и не шучу,-- улыбнувшись, ответил
Глеб.-У меня даже есть информация, что существуют
люди, которые могут знать где в данное время
находится твой отец.

--Какие люди?-не понял Антон.-Экстрасенсы?

--Ну зачем сразу экстрасенсы,--чуть не
обиделся Глеб.--Вполне реальные люди.

--И где же они?-не понял Антон.

--Как где?-удивился Глеб.-Что тебе сказали в
милиции?

--В милиция сказали, чтобы я не мешал вести
расследование,-- ответил Антон.

--Нет,-- быстро сказал Глеб.-В милиции тебе
ответили, чтобы ты не лез к ним с ерундой. А когда
ты стал беспокоить еще и прокуратуру - тебе
посоветовали почаще общаться со своими близкими
родственниками.

--Откуда ты это знаешь?-удивился Антон.

--Ну что ты?-улыбнулся Глеб.-Я же по
профессии журналист. Пришел в прокуратуру, сказал,
что интересуюсь делом убийства Макара Игоревича

Гусарского. Собираюсь писать статью. Там подняли архивы и сказали, что никакого убийства не было. Ну и припомнили, что ты приходил, мучил их какими-то непонятными предположениями, и...

--Так может ты знаешь где находится мой отец?-перебил его Антон.

--Знаю,--неожиданно признался Глеб.-Знаю. Но тебе не скажу.

Антон схватил приятеля за грудки.

--Ладно, скажу,-- неожиданно быстро согласился он, улыбнувшись.-Твой отец проживает ныне... Он назвал адрес. И город. По предположениям Глеба (а у Антона пока были все основания считать услышанные сведения только предположениями) отец Антона Гусарского проживал в пригороде города Майкопа, в станице Кужорской.

--Что он там делает?-не понял Антон.

--Живет!-усмехнулся Глеб, в душе радуясь произведенному эффекту.-Живет,--повторил он.

--Один?-поинтересовался Антон.

--Один,--кивнул Глеб.

--И что же, у него там дом?-еще не мог до конца поверить услышанному Антон.

--Ну, брат, это уже я не знаю,--развел руками Глеб.-Да ты съезди в станицу. Она не такая большая, чтобы человек там способен был затеряться. Поспрашивай людей. Всяк встретишь того, кто слышал о новом жителе.

--И давно он там живет?-поинтересовался Антон.

Глеб пристально посмотрел в глаза Антона, улыбаясь.

--Ну да, конечно,--кивнул Антон.-Завтра и поеду.

--Зачем завтра,-- продолжал улыбаться Глеб.- Машина у меня под рукой. Поехали сейчас.

--Сейчас?-не понял Антон.

--Да, прямо сейчас,-- искренне ответил Глеб.- Выедем на федеральную трассу. И через сутки будем в Кужорской.

--Поехали,--согласился Антон.

Часть 5

Глава 1

Лениво скрипнули ставни. Старик, было, потянулся, полуразвернувшись, к окну, да вспомнил, что только недавно завел большую собаку, и если не был слышен ее лай, значит, около дома посторонних не было.

Он улыбнулся от подобной догадки. Ему нравилось, что с возрастом мозг не утратил былой легкости в оценке событий. Когда-то Лев Мигранович Боравиа жил в Москве и работал архитектором. А родился он в Абхазии, в Цхинвале. На родине закончил школу и институт. Первый институт, где получил профессию звукорежиссера. После чего, проработав год по профессии, решил снова учиться, и поступил в Ленинградский технологический институт. На третьем курсе перевелся в Москву и стал дипломированным архитектором уже в столице, в которой и проработал без малого тридцать лет. После чего неожиданно уехал в деревню. Как он считал, в глухую деревню. Где чужакам были не то что рады, а их просто не замечали. До ближайшего райцентра 70 км. Продуктовая лавка - раз в неделю, в субботу приезжала машина, и, отторговав - уезжала. Хозяйства у людей, большей частью, бедные. Избенки

покосившиеся. Милиционер один на весь район. Да и то обычно пьяненький. Телевизоры есть не в каждом доме. Антенны ловили только первый канал. Вот как раз по первому каналу, зайдя к соседу за какой-то надобностью, Лев Мигранович и увидел сюжет про банду преступников, рыскающих по заброшенным селам в поисках икон и разной старинной церковной утвари и убивающих стариков. Сразу после сюжета Лев Мигранович завел кавказскую овчарку. Кроме того, подбил покосившийся забор и справил новые ставни. В сенях у него теперь всегда стоял топор и кол. А в разных местах по хозяйству были припрятаны другие средство отражения атак возможных преступников: ножи, маленькие топорики, даже кастет и серп. А еще кусок арматуры, ну и всякие необходимые в борьбе вещи, как-то: веревки, вилы, лопаты, грабли... Когда понадобится - все может пойти в ход,--рассуждал Лев Мигранович. Понимая, что совсем не знает, где его может настигнуть нападение преступников. Но находясь в любой части своего большого хозяйства (большого по площади, а не по населявшего хозяйство живности) старик теперь был спокоен: где-нибудь поблизости

был обязательно прикопан и припрятан надежный инвентарь. Так что, так просто он не сдастся.

Тяжелее всего приходилось по ночам. Но, поставив дополнительную дубовую дверь с железным засовом и заведя большую собаку, Лев Мигранович теперь засыпал сном младенца. Что в его шестьдесят девять лет свидетельствовало как минимум о душевном здоровье, да и вообще о спокойствии, к которому он всегда стремился. Но в городе какое спокойствие? Для того и уехал в деревню. И не хватало, чтобы еще здесь переживать,-- думал, было, иной раз Лев Мигранович.

Это был высокий старик, под метр девяносто ростом, весивший когда-то с центнер весом. Теперь, видимо, килограмм на пятнадцать - двадцать меньше. Каждое утро Лев Мигранович делал получасовую зарядку. После чего шел на речку, и в любую погоду окунался в воду. Здоровье имел отменное. И если бы не загадочные мысли, которые нет-нет да и посещали его, можно было бы сказать что и вовсе все было безоблачно и замечательно.

А все дело в том, что Лев Мигранович неожиданно вспомнил слова своей бабки, сказанные

ему перед ее смертью. Тогда маленькому Леве было десять лет. И информация лишь на какое-то время задержалась в его голове, а потом, как он считал, была безвозвратно потеряна. Оказалось, нет. Он вспомнил о ней сейчас. И выходило по этой информации, что была когда-то бабка необычайно богата. А когда пришла советская власть - закопала клад в землю. Прямо под их домом. А сверху положила плиту, на которой сделала надпись, на случай если кто случайно бы натолкнулся, подумал что это чье-то надгробие, и не стал бы рыть дальше.

--Бабка была большая оригиналка,--подумал Лев Мигранович. Так вышло, что у него все сошлось. Поначалу, когда он приехал и поселился в этом доме, то как бы и не знал толком зачем. Только почувствовал, что какая-то сила подняла его и унесла из Москвы. И стал он жить в глухой деревне. А потом, во сне, открылась ему тайна. И по ней выходило, что находится он как раз в той деревне, где жила когда-то его бабка. И оказался он сейчас именно в ее доме. И что вообще, рыть он может начинать прямо сейчас. Чтобы стать обладателем состояния...

Уже прошла неделя после открытия Льву Миграновичу столь ценной информации. Причем все действительно произошло во сне. Во сне ему неожиданно приснилась его бабка, которой тогда было почти столько же лет, сколько и ему сейчас. Ну и, собственно говоря, бабка все рассказала. И теперь можно было действительно стать богатым. Быть может - очень богатым.

Мучился старик. Так и этак размышлял он над открывшейся тайной. Разные мысли приходили. По одним из них, он должен был тут же рыть, забирать клад, обменивать золото на американские рубли, и уезжать за границу, где кутить пока не подступит к нему смерть. По другим...

По другим мыслям он не должен был ничего делать. Мог даже забыть о кладе. Детей у него не было, хотя и был дважды женат. Но помимо того, что жены его были бездетные, так были еще истерички, каких свет не видывал. А иметь детей от таких женщин Лев Мигранович не хотел. Хотя теперь, в одиночестве встречая старость, может и пожалел об этом. По крайней мере, --совсем некстати подумал он,--

было бы кому завещать семейные драгоценности,
клад.

.....

.....

Проходило время. Старик уже свыкся с мыслью, что все останется без изменений. Он будет жить в этом доме. Клад будет лежать в земле, под домом. И все, по сути, останется так, как есть. Но... Но вот только мысли о грабителях, нападавших на дома одиноких стариков не оставляли Льва Миграновича в покое. Иногда эти мысли способны были превратить некогда здорового старика в развалину. Потому что и сон становился прерывистым, и в голове вертелась всякая ерунда; так что хотелось иногда выбежать на улицу, и бежать сломя голову. Чтобы потом, впрочем, возвратиться обратно, и как ни в чем не бывало уснуть.

Тяжелое время наступило для Льва Миграновича. Так и этак размышлял он, а ни к чему путевому придти не мог. Иной раз и вовсе подступало желание бросить все и возвратиться в Москву. Или

начать обходить других стариков, и готовиться к обороне.

--Но ведь подумают что спятил,-- рассуждал старик.-Еще чего и в желтый дом отправят.

Мучившая Льва Миграновича навязчивость исчезла совершенно случайно. Он зашел к тому же соседу, где некогда увидел сюжет про разбойников. И застал момент, как радостный диктор сообщал о поимке преступников. Причем, оказывалось, что к этому времени банду не только поймали, но и судили. А судя по срокам, в ближайшие десять-двадцать лет можно было жить в абсолютном спокойствии. Ну, или в относительном спокойствии,-- тут же подумал старик, понимая, что всегда могут появиться новые бандиты.

Но вскоре эта проблема совсем неожиданно перестала волновать старика. Он влюбился. Влюбился во внучку соседа. Внучке было двадцать семь. Высокая, стройная, загорелая, с высокой грудью, широким тазом, большими бедрами. Но сама при этом толстой не казалась. Да еще и всегда приветливо улыбалась старику. Совсем,-- подумал Лев Мигранович,-- его стариком не считая.

Сам Боравиа себя стариком тоже не считал. А потому стал обдумывать как бы ему приударить за девушкой. А лучше сразу влюбить в себя.

И вот тут как раз и всплыли в памяти Льва Боравиа старинные драгоценности. И он подумал, что хоть на старости лет может быть счастлив. Уехав с Анютой (имя девушки) за границу. И зажив там в любви да согласии.

Глава 2

Эльдар Сергеевич Михайлов отворил дверь парадной. В лицо ему ударил затхлый воздух. Могло создаться впечатление, что в доме никто не жил. Но Михайлов знал, что это не так. Несмотря на то, что дом давно был обречен и списан под снос, там еще продолжали жить люди, которых не успели расселить. Ну, или скорее, те не собирались пока переезжать в новое жилье. Их оно по каким-то причинам не устраивало.

Михайлову нравился этот дом. Нравилось его месторасположение. Нравилось что хватит средств,

как он посчитал, дом отремонтировать. И оставить себе. А всем жильцам купить отдельные квартиры.

Однако некоторые жильцы хотели квартиры больше предложенных (и значительно больше тех, что были у них доселе). А потому какая-то часть дома до сих пор оставалось не расселенной.

Михайлов в который раз обошел дом. Он ему действительно нравился. А проблему с жильцами пообещал решить друг детства, который сейчас был большим начальником в Главке МВД. Поэтому Эльдар Сергеевич не волновался. Он вообще старался никогда не волноваться. Много в его жизни иной раз происходило самым неожиданным образом. Так, что наступление чего-то как будто проходит незаметным. А потом ты уже словно оказываешься перед фактом. Причем не самым плохим для тебя фактом. Ну и принимаешь его. И лишь только где-то в отдалении твоего мозга предательски вертится мыслишка: а тебя ведь никто и не спрашивал...

Подобные мысли Эльдар Сергеевич от себя гнал. Он вообще стремился жизнь видеть в более-менее розовых тонах. Не замечая (искусственно не замечая) скверны, разливающейся великим горем

вокруг. В детстве родители ограждали маленького Эльдара от чего-то негативного, что могло травмировать его юную психику. Когда он вырос - сам научился не замечать чего-то, из-за чего могут наступить душевные муки и терзания. Поэтому душевный мир Эльдара Михайлова находился, в какой-то мере, в полном порядке. И казалось, что не найдется ничего, что могло бы разрушить душевное здоровье этого человека. Вывести его из душевного равновесия. Да и вообще - причинить вред.

.....

.....

Михайлов вспомнил об Антоне Гусарском. Чем-то ему был симпатичен этот человек. Человек, добивавшийся в жизни всего сам. Идущий по жизни без подсказок, а если и совершавшем какие-то ошибки, то после обнаружения их - стремившийся эти ошибки исправить. И не важно было для Эльдара Михайлова, что о нем думал Гусарский. Он давно уже определил этого человека в свои заочные друзья. Почему-то именно в заочные. Михайлову достаточно

было знать, что этот человек существует. И он не прикладывал усилий, чтобы с ним общаться. Зачем? спрашивал он, иной раз, себя. Все было нормально и так. Без каких-то дополнительных трудностей, возникающих обычно при общении Михайлова с кем-либо. Да и вообще у Михайлова не было особого желания с кем-то общаться. И большинство его знакомств носили заочно-виртуальный характер. Когда можно было общаться, а можно не общаться. Главным был сам факт существования этих людей.

Покажется занятым, но Эльдар Сергеевич действительно не стремился к общению. Большинство его знакомств были деловыми. И из рамок подобного Эльдар старался не выходить. Ему это не требовалось. Для него это было чем-то не обязательным, да и, по сути, не нужным. Не...

В общем, его это устраивало. И это было самое главное.

Глава 3

Лисовский в который уже раз признался себе, что не может остановиться. Ему обязательно требовалось мстить. Вымещать на ком-нибудь свою злость, возникающую всякий раз когда он вспоминал о детстве. О разрушенном детстве. О детстве, которое могло вывести его в совсем другую и молодость и зрелую жизнь. Но которое было так безжалостно к нему, что непременно хотелось кого-нибудь наказать. Сделать так, чтобы хоть какую-то ответственность понес другой человек. Переложить, другими словами, на него эту ответственность. Хотя и, если разобраться, так ли было необходимо, чтобы все было именно так? Может, намного и лучше и справедливее было, не замечать чего-то такого. Не обращать на это внимания. Смириться с происходящим.

Но смириться Лисовский не мог. Пусть он и старался не реагировать на произошедшее в юности, все равно, вспоминая об этом, в его голове рождались все новые и новые механизмы мщения. И он мстил. Физически уничтожая тех, кто, по его мнению, был в этом повинен.

.....

.....

Антон Гусарский решил отловить Лисовского. Найти и уничтожить. Физически уничтожить. Так же как тот уничтожал других людей.

И поставив перед собой подобную задачу, Антон принялся за ее осуществление. Но вот в голове его вертелась мысль, что Лисовский ни в чем не виноват. Именно об этом ему намекал институтский приятель, Глеб Заречный. Да и, по сути, у самого Антона не раз уже возникали подобные мысли. Но чтобы так вот взять и оставить Лисовского в покое?.. Антон содрогался от этой мысли. Он не привык что-то откладывать в долгий ящик. И если решил наказать, то накажет,--уверял он себя. Хотя и сомнения уже волей-неволей как бы отодвигали акт мщения. Так что иногда возникало желание все бросить. И что уж точно, оставить Лисовского в покое.

Но вот мог ли Антон оставить того в покое? Нет, не мог. Сам себе он не раз отвечал на этот вопрос, отрицательно мотая головой, и прилагая

серьезные усилия, чтобы похожие мысли у него больше не возникали.

--Черт те что,--выругался Антон Гусарский, в который уж раз задумываясь над происходящим. Он понимал, что ему во чтобы то ни стало необходимо действовать. Начать отлавливать врага. Поместить его в клетку. Подвергнуть его пыткам (сцены из пыток средневековья роились в голове Гусарского). Ну а потом убить того. Убить, как тот убивал беззащитных людей.

--Или не убивал?-пришла в голову Антона очередная негативная, как он про себя ее называл, мысль. Верить в то, о чем рассказал ему Глеб, Антону не хотелось. По рассказу Глеба никаких убийств не было. Отец Антона, Макар Игоревич Гусарский, жил в какой-то далекой станице. Все другие одноклассники отца были тоже живы. Просто разъехались в разные города и села необъятной страны. А те, кто остался в Армавире, жили мирно. И совсем не знали (Антон вспомнил предательский смех Глеба), что кто-то их уже убил.

Антону тогда очень захотелось прервать этот смех ударом Глебу по зубам. Но он сдержался,

вспомнив, что когда-то Глеб достаточно серьезно занимался спортом. И при встречах их на ринге (нечастых встречах, в основном в учебно-тренировочных боях) Глеб всегда выигрывал у Антона. Правда, по очкам. Но ведь никто из них не бил в полную силу. А когда били (на соревнованиях), то результаты Глеба были значительно весомее Антона. Хотя и оба были мастерами спорта по боксу. Правда Глеб успел выполнить еще и норматив мастера спорта международного класса по кикбоксингу. Так что, быть может, и тягаться с ним не стоило. Разве только если быть психологически уверенным в своей победе. И прежде всего в правоте. Да,--повторил Антон про себя.-В правоте.

И признался, что как раз в своей правоте он уверен не был.

.....

.....

И все-таки Гусарский решил не останавливаться и идти до конца. Да он уже и не мог остановиться. В его представлении Валентин

Евгеньевич Лисовский был убийцей. И Антон должен был за это его наказать.

--А дальше уже, как вынесет кривая судьбы,-- подумал он, выпивая традиционную рюмку коньяка перед сном, закуривая сигару, и погружаясь в легкую дремоту...

Глава 4

Максим Вайнштейн с большим непониманием относился к жизни. И ведь не сказать, что жизнь ему не нравилась, или еще какие негативные моменты встречались в его сознании. Совсем нет. И жизнь ему нравилась, и наслаждаться ей он умел. Правда, ровно настолько, насколько позволяли финансы. Которые, иной раз, так неожиданно заканчивались, что Максим сидел, обхватив голову, и пребывая в абсолютной прострации относительно случившегося. Хотя обычно тут же ориентировался что и как; и проходило совсем незначительно время, прежде чем он уже находился в каком-нибудь ресторане, в окружении девиц, которых поил шампанским и обнимал за всякие места.

Брат Максима, Марат, был несколько другим. По природе своей это был весьма рачительный хозяин. А если он и тратил деньги, то исключительно на себя.

Случилось так, что Марат познакомил брата с некими Бинго-Бонго и Читалунга. Это были два славных парня, специалисты по рукопашному бою, прошедшие горячие точки и с трудом уживавшиеся в мирной жизни. Вообще, глядя на них, создавалось впечатление, что нужна была этим ребятам только война. К ней они стремились. Да и больше всего были подготовлены (уже позже Максим узнал, что за спиной каждого законченная с отличием школа КГБ). Притом что, как понял он, проработали друзья всю жизнь во внешней разведке. Хотя, по сути, разведка она и есть разведка. Кстати отсюда и прозвища, которыми они представлялись. На самом деле ребят звали Андрей и Сергей. Но они предпочитали, чтобы их называли Бинго-Бонго и Читалунга.

Два мазка о внешности. Андрей (Читалунга) был среднего роста, с хорошо развитой мускулатурой, пронизательным взглядом и небольшими усиками,

наподобие тех которые носили в гражданскую войну белые офицеры.

Сергей (Бинго-Бонго) был среднего телосложения, тоже небольшого роста, и обладал поразительным умением оказываться в самых неподходящих местах. Откуда всегда мог нанести неожиданный удар. И точно также незаметно уйти. За это он даже получил какое-то прозвище у моджахедов. Но какое - Максим не помнил. Да и, если честно, предрасположен он был к весьма незначительным контактам с окружающими. А уж с такими окружающими тем более. Хотя, надо заметить, его мнение изменилось за один день, когда Максим Вайнштейн гулял с товарищами в каком-то ресторане, с кем-то поссорились, и те уже было начали их бить, когда откуда-то появились Бинго-Бонго и Читалунга, и вмиг расшвыряли неприятелей. Для них враги их друзей были неприятелями. Которых они уничтожали, если те оказывали сопротивление.

Эти оказали. Бинго-Бонго и Читалунга с легкостью расправились с превосходящими силами противника, успев уйти так же неожиданно, как и появились.

А вот Максиму Вайнштейну уйти не удалось. И он в буквальном смысле разводил в милиции руками, когда его спрашивали, как же ему удалось справиться со здоровенными мужиками (оказалось, что конфликт у Максима и его друзей произошел с городской сборной командой по американскому футболу; из-за травм, полученных игроками при драке, тем пришлось отложить все игры в сезоне). Максим действительно не знал. И хотя он не настолько был пьян, чтобы не узнать Бинго-Бонго и Читалунга, но настоящие их имена напрочь вылетели из головы Вайнштейна. А называть ребят кличками? Так милиционеры и так были злыми, что факты явно не стыковались. Но... фактам приходилось верить.

Это был всего лишь один из немногих эпизодов жизни Вайнштейна. Из категории тех, о которых он не любил вспоминать. И даже когда воспоминания нет-нет да и закрадывались в его курчавую голову, ему сознательно приходилось прилагать определенные усилия, чтобы ни о чем таком больше не думать. Он вообще с недавних пор предпочитал меньше думать об окружающей жизни. Словно предполагая, что могла эта жизнь

преподнести ему неожиданный сюрприз. В виде каких-нибудь обалденных дивидендов из прошлого.

В общем, подстраховывался Максим Вайнштейн. Брат же его, наоборот, стремился как можно быстрее постичь суть вещей. А потому и книги проглатывал залпами. И с большим количеством людей встречался. И в голове его вертелись те многочисленные истории, которые - по совету брата - надиктовывал он на диктофон. Чтобы потом отдать брату Максиму. Который и компоновал их в рукописи. Куда заносил и собственные измышления о жизни.

Одну из таких рукописей чуть позже братья пошлют журналисту Антону Гусарскому. Выдав это за труд некоего человека. И оставив в качестве главного персонажа Максима Вайнштейна.

Сложно было сказать, понял ли Антон Гусарский, что перед ним чистой воды вымысел. Или решил воспринять это как руководство к действию со стороны некоего преступника. Которого, как знали братья, тот искал в последнее время. И ведь нет, чтобы помочь Антону разобраться. Так братья решили, видимо, запутать его окончательно. И через

какое-то время послали ему еще одну рукопись. При этом даже не догадываясь, что описанные в рукописи убийства таинственным образом походили на совершенные в реальности, совершенные одним человеком, которого они вроде как тоже знали, но знали под странными именами, из чего заключили что это псевдонимы. А имена были такие: Буквин, Гаробян, Субботин, и некто Гандыбин. Причем братья знали одного Гандыбина, сотрудника МВД, но тот искренне уверил растерявшихся братьев что это не он. Хотя, помнится, братья ему не поверили. Ну, или точнее, поверили не сразу. Они вообще предпочитали сразу никому не верить. Такие люди.

.....

.....

Случилось так, что Максиму Вайнштейну пришлось встретиться с Лисовским. Валентина Евгеньевича Лисовского он знал по некоторым эпизодам из юности. Его, Максима Вайнштейна, юности.

Эпизоды эти он предпочитал не вспоминать. И со временем даже решил что никаких эпизодов не было. А может и правда не было. Не о них речь. Хотя, помнится, именно они в какой-то мере были основными в нежелании Вайнштейна встречаться с Лисовским. Ну да ладно. Максим давно уже решил начать жить с чистого листа. И по крайней мере до сих пор это ему удавалось. С переменным, правда, успехом, но удавалось. Тогда как...

Ну, в общем, все дело в том, что Максим Вайнштейн знал о Валентине Евгеньевиче Лисовском некоторую тайну. И по всему выходило, что сам Лисовский не был заинтересован, чтобы о тайне узнал кто-то еще. А тем более Антон Гусарский. Поэтому когда Лисовский получил информацию что у Гусарского находятся бумаги Вайнштейна, Валентин Евгеньевич приложил определенное усилие чтобы узнать, что было написано в рукописях. И хотя Вайнштейн уверял, что рукописи для Лисовского не могут представлять никакого интереса, тот не поверил. И даже рассвирепел и был готов чуть ли не с кулаками наброситься на Максима. Максим был вынужден придумать дополнительную копию,

которая якобы находилась в квартире Вайнштейна, и которую он готов был со всей любезностью показать Валентину Лисовскому. Правда, для этого пришлось бы ехать в Испанию, где тот жил. Ну или дождаться когда Максим, приехавший на время в Россию, вновь уедет в Испанию, а потом вернется оттуда. Уже с копией рукописи.

Лисовский столько ждать не хотел. Он предложил Максиму написать письмо на новую Родину и попросить кого-нибудь из близких или друзей прислать злополучную копию. Максим протестующе поднял вверх обе руки. Лисовский ударил ему под дых. А когда соперник сложился, словно карточный домик, с силой опустил обе руки сложенные в замок между лопаток противника.

Этого оказалось достаточно. Максим заверил Лисовского, что сразу как отойдет от побоев напишет письмо в Испанию, и копия рукописи окажется у Лисовского.

--Постарайся не затягивать,--попросил Валентин Евгеньевич на прощание, пожелав Максиму скорейшего выздоровления.

Однако на деле все оказалось не просто. Более того, Максим вдруг понял, что никакой копии у него не было. И той, быть может, и вовсе не существовало.

Оставалось попросить рукопись у Гусарского. Но оказалось, что газета, в которой Гусарский работал главным редактором, сменила адрес. И не только сменила, но и словно вообще лишилась его. И теперь выпускалась исключительно в сети интернет. А оттуда достать Гусарского пока не представлялось возможности. На письма он не отвечал. Да, судя по всему, и вообще достаточно скептически относился к любой корреспонденции. Которую мог прочитать разве что случайно. Но случайно Гусарский почту тоже не читал. Он ее вообще не читал, полагаясь на какие-то иные источники получения информации. Как помнил Максим, рукопись он отослал по обычной почте, не сетевой. Но тот адрес не существовал. Говорить о чем-то Лисовскому не представлялось возможным. По всему тот бы не понял. Списав откровения Максима на очередные еврейские ухищрения (несколько раз, как помнил Максиму Вайнштейн, Лисовский упрекнул его что он еврей). Поэтому...

Что было 'поэтому' -- Максим пока не знал. Но решил положиться на случай. Всю жизнь находилось нечто, что помогало Максиму избегать чего-то страшного и опасного. Рассчитывал он на нечто подобное и на этот раз. А если так, то, собственно, и горевать пока было не о чем. А лучше и вовсе забыть о безобразиях, способных разбередить какую-нибудь душевную рану. И привести к чему-то непоправимому. К чему - Максим не знал. Но он был научен опытом, и предпочитал лучше не знать лишнего. И потому достаточно быстро успокоился. Решив что со временем найдет выход из положения. Причем, как и раньше, тот явится к нему сам. В виде неожиданного откровения. А сейчас надо было только ждать. Что и решил делать Максим Израилевич Вайнштейн.

Глава 5

Лев Мигранович Боравиа ходил по своему большому хозяйству, размышляя о любви, которая так внезапно свалилась на его голову. И ведь нельзя было

сказать, что он так уж взял да влюбился. Хотя, говорить, что не влюбился, тоже было нельзя. Боравиа задумался. Не было той золотой середины, которую бы он радостно принял.

Неожиданно в его воображении разыгрался сценарий, где он, обхватив молодую спутницу, прыгает с ней в бассейн. Потом они сидят в дорогом ресторане. Где-нибудь в Монте-Карло. После чего садятся в белый лимузин, который отвозит 'молодых' в гостиницу. Нет, в шикарный отель. И все непременно происходит за границей.

--Откуда во мне неожиданная страсть к загранице?-задумался Боравиа.-Ведь если посудить, всю жизнь прожил на территории Советского Союза. А теперь вдруг потянуло на Запад... Или я всегда мечтал о Западе? Скорей всего нет. Хотя, если разобраться, откуда тогда в моей голове все эти мысли о счастливом будущем? Разве сейчас я не имею того, чего мне хотелось? Что мне нравится. И зачем тогда эта любовь?

При этих словах Лев Мигранович начал ругать себя. Представить, что он вот так просто может взять и отказаться от своей любви, ему не хотелось.

Да и неловко было считать, что он на такое был способен. Оставалось... А что ему, собственно, оставалось, как не идти да не признаваться в любви внучке соседа, такого же старика как и он, которому он вдруг должен объяснить, что его потянуло на молодуху...

Лев Мигранович сморщился. Он только представил этого 'валенка', которого до сих пор, несмотря на его шестидесятилетие, кличут Колька-бесшабашник, и Льву Миграновичу стало не по себе. Было ясно, что разговор необходимо было начинать не с соседа. Ну тогда, быть может, сразу подойти к Аняте?

Подобная перспектива старика тоже не радовала. Получить отказ от молодой женщины, в которую был влюблен? Нет, это в его возрасте перенести было бы не легко. Тем более, вообразил вдруг Лев Мигранович, что Анята не просто откажет, а еще и пошлет его. А то и обзовет в придачу каким нехорошим словом. Молодые это любят.

Лев Мигранович задумался. Он поймал себя на мысли, что совсем не помнит, кто и когда его пытался оскорбить в последний раз. Ну ясно, что это было так

давно. И в зрелом возрасте, по сути, Бог миловал Льва Миграновича. Или...

--Или я сознательно старался не замечать унижений...--неожиданно подумал Боравиа. Его лицо стало грустным. Сколько раз он старался не копаться в себе, в своем прошлом. Все не так было безоблачно в жизни этого человека. Теперь уже старика. А когда-то...

Когда-то Боравиа был красавцем, имевшим деньги, машину, посещавшим дорогие рестораны, и влюблявший в себя красивых девушек, любивших скорее не его, а его деньги, рестораны, да дорогие подарки, которые всегда щедро раздаривал молодой Боравиа. Абхазец Боравиа, выдававший себя за грузина, потому что для русских так легче было его запомнить. И ненавидевший себя за это. Он вообще в молодости себя за многое ненавидел. А потом научился бороться с этим. Учиться тому, чтобы не замечать ничего обидного. И научился.

...Однако, надо было решать вопрос с Анютой. Боравиа решил поговорить с девушкой на прямоту. При этом сначала ничего не говорить ей про золото (что там было на самом деле, золото или бриллианты,

Боравиа еще не знал.) Собираясь посмотреть на ее реакцию. А в случае, если заметит какие-то сомнения, то выбросить в качестве козыря информацию о кладе. И попытаться уже хотя бы купить себе любовь.

На удивление девушка согласилась сразу. Оказалось, она давно положила глаз на старика. Да и к тому же о кладе был, по сути, секрет полишинеля. Об этом давно ходили слухи в станице, а потому, когда Боравиа приехал в родовое имение, все сразу поняли, что приехал он за кладом. О чем и был поставлен в известность (анонимным письмом) местный участковый. А жители станицы хоть и продолжали заниматься своими делами, да нет-нет и поглядывали в сторону дома старика. Стараясь понять, когда же он начнет рушить этот дом, чтобы добыть клад.

При этом самое удивительное, но односельчане хранили дружное молчание. Поэтому Боравиа (проводивший жизнь в станице отшельником) не знал, что его тайна известна. А хитрый сосед его, по прозвищу Колька-безшабашник, смекнув что к чему, вызвал из райцентра внуку, введя ее в курс дела, и строго-настрого наказав соблазнить старика Боравиа. Чтобы потом,

вторгнувшись к нему в доверие, получить свою часть клада.

Одинокая женщина, промышлявшая в городе проституцией, быстро смекнула что к чему. Такой куш, по ее словам, мог обломиться раз в жизни. Поэтому она, нисколько не сомневаясь, приняла предложение деда по материнской линии, приехав к нему в станицу, и принявшись методично соблазнять старика-соседа, словно бы случайно проходя полураздетой по огороду. И так по несколько раз на день. С некоторыми паузами, конечно. После чего все продолжалось вновь.

В общем, Анюта, выслушала предложение Боравиа и согласилась. Лев Мигранович, сам не свой от радости, тут же поведал ей о семейных драгоценностях. И о предложении покататься по курортам мира, всласть покутить и понаслаждаться жизнью. После чего...

И вот тут женщина допустила, по мнению Льва Миграновича, ошибку. По которой он понял все о ложной, лживой сущности этой девицы. Что она сделала? Все просто. Не успел Лев Мигранович закончить свою фразу, как по привычке, когда ей

обещали щедро заплатить за любовь, Аня скользнула вниз, принявшись расстегивать брюки любимого мужчины. Боравиа еще не успел толком сообразить что произошло, как его член уже оказался глубоко погруженным в рот Анюты, которая принялась сосать его с таким остервенением, что Боравиа предпочел кончить, и только потом признаться девушке, что он пошутил. Никакого клада не существует. Но даже если бы и существовал, то он совсем не хочет спускать деньги неизвестно на что. А предпочитает лучше открыть в селе вечернюю школу. Или, например, больницу.

У девушки от удивления вылезли глаза из орбит. Она просто не могла поверить, что кто-то может ее вот так откровенно обмануть. И откуда ей знать, что это была давнишняя привычка Льва Миграновича, после того как он получал оргазм, нести всякую околесицу. Которая вскоре прекращалась и заканчивалась непродолжительным сном. Уснул он и на этот раз. А Анюта, посчитав, что старик спятил от того, что давно не имел контакта с женщиной, пошла жаловаться дедушке.

Однако дедушку Колю так просто было не провести. Внимательно выслушав внучку, и поняв, что его сосед долбоеб еще похлеще его, старик направил Анюту к Боровиа. Строго настроено наказав без клада не возвращаться. Пусть для этого даже придется разломать весь дом. Если что - кликни меня, помогу,-- сказал напутственные слова дедушка-разбойник, выпроваживая двадцатисемилетнюю внучку-проститутку.

Анюта, оказавшаяся в доме старика Боровиа (благо, что дверь оказалась открыта, а забор между соседскими домами был столь низок, что она спокойно перемахнула через него), того в доме не застала.

--Пошел перепрятывать клад,--промелькнула у девушки мысль. Однако она тут же вспомнила, что клад должен находиться в земле. Да еще и под домом. И достать его так просто невозможно. А может и невозможно вообще, если предположить, что никакого клада на самом деле не существовало, и это все выдумки завистливых односельчан.

--Но зачем тогда она делал старику минет?- совсем некстати подумала Анюта, и ей стало грустно,

что в жизни она сначала совершала поступки, а потом задумывалась о целесообразности их.

--Ладно, разберусь,-- бодро сказала она, и пустилась на поиски старика.

Нашла Боравиа Анята в погребке. Причем Лев Мигранович уже оказался в стельку пьян, успев опустошить небольшую бутылку самогона. Самогон он закусывал квашеной капустой, хранившейся тут же.

--Чертов старик,-- про себя выругалась девушка, с трудом дотащив Боравиа до кровати.

--По всему выходило, что дед был еще тот кадр,-- подумала Анята. Собственно говоря, ей уже не хотелось ни золота, ни бриллиантов. Тем более неизвестно какую долю потребует ее дед. Да и остальные сельчане, узнав, что золото реально существует - продадут ее, из зависти, участковому. А тот заставит приходить к нему для секса по субботам (по субботам, как знала Анята, жена участкового ходила в клуб, в кружок хорового пения), да и вообще заберет все золото. А Аняту сдаст в аренду областными милиционерам, которые с ней будут

делать, в общем-то, тоже самое, что и все, но только бесплатно.

И по всему выходило, что никакого золота Аняте было и не надо. Она вообще уже начала проклинать себя, что поддалась на уговоры деда Коли, и приехала в станицу. Тогда как продолжала бы заниматься своим нехитрым промыслом, работая на трассе. Больших денег не было, но на жизнь хватало. А тут сидит в захолустье, да выслушивает упреки деда Коли за то, что она 'не форсирует события'. А как их форсировать, если старик Боравиа пьет который день? Словно совсем забыв и про молодую невесту, и про клад, и про ответственность перед обществом. Хотя какая у него должна быть ответственность? Жизнь он прожил. Пенсии и накопленных средств хватало на относительно безбедное существование. Да вот еще и бриллианты были. Или их все же никогда не существовало? А хитрый Боравиа сам выдумал эту историю, чтобы жили с ним периодически молоденькие девицы, падкие на большие деньги, якобы ожидавшие их. Причем выходило так, что Анята была не первой в списке девиц, охмуренных стариком. Сказала же бабка соседка, что жили у

Боравиа и до нее девушки. Да только через время ни с чем уезжали по домам. А старик оставался при своих интересах. И вроде как успокаивался. Чтобы через время ему вновь попадала вожжа под хвост. И он не пускался в собственные мечты. Уносившие его в далекие южные страны. Где было много моря, солнца и вина. Боравиа хотел вновь пить вино. Он всегда его любил больше чем самогон.

И тогда он проклинал действительность, по которой должен был жить в глухой деревне и пить самогон, закусывая его квашенной капустой. Тогда как мог пить сладкое вино, заедая персиками.

Девушка уже сделала выбор. И сбежала в райцентр, сказав напоследок деду Коле все гадости, что слышала о нем от сельчан. А дед Коля не обиделся. Он знал, что был человеком со странностями. Но и что с того,--вопрошал он себя. Понимая, что в глухой станице такой он не один. Да и в городе дундуков хватало. А то и было даже с избытком.

Дед же Боравиа, переставший пить сразу после отъезда внучки соседа, подумал, что жизнь

продолжается. И он будет жить этой жизнью. До следующего, как говорится, заскока.

Глава 6

В который раз жизнь била по Валентину Евгеньевичу новыми испытаниями. Причем делала это настолько избирательно, что поначалу вроде как и нельзя было подкопаться. Как будто шла эта жизнь своим чередом. Не вдаваясь в какие-то замысловатые сюжеты. Ну, разве что, периодически выдвигая преграды, которые, предусматривалось, Валентин Евгеньевич преодолеет сам. Вполне спокойно. Или не совсем спокойно. С некоторыми трудностями. Но все равно преодолеет. И это закалит его характер.

Всю жизнь Лисовский ненавидел женщин. Хотя сначала он их любил. Любил искренне, до полной самоотдачи. Стремясь поглотить в себе любимого человека, и раствориться в нем. Отдать все, что было у него во благо любви.

В ответ Валентин Евгеньевич получал упреки и стремления унижить его. Растоптать. Превратить в

ничтожество. Женщины не могли смириться с его сильным характером. И всеми путями стремились подчинить его. На подсознательном уровне понимая, что если не сделают это они - то это сделает он.

Но у Лисовского никогда не возникало подобного желания. Он был лидер по природе. Ему достаточно было жить своей жизнью. И правда и справедливость, за которые он готов был положить жизнь, проявлялись в чертах его внешности. Выкристаллизовывая их. И доставляя поистине удовольствие ценителям настоящей мужской красоты.

С момента событий, описанных вначале повествования, прошел год. Валентину Евгеньевичу Лисовскому исполнилось сорок восемь лет. Антону Гусарскому двадцать четыре.

Антон Гусарский казался значительно старше своих лет. Слишком много ему досталось в жизни, чтобы внешне он выглядел беспечным. Нет, беспечным Антон никогда не был. Только мог признать, что окончательно запутался в том, кто же совершал преступления. Да уже и слишком часто возникал вопрос - совершал ли?

По всему выходило, молодой человек ошибся. Все чаще он склонялся к такому мнению. Причем, конечно же, побывал в станице, о которой рассказал Глеб. Но отца там не застал. Или это был хорошо срежиссированный спектакль (но тогда возникал вопрос: кому это было нужно?), или же действительно, как ответили местные жители, Макар Гусарский жил среди них. И даже согласно кивали, улыбаясь, видя демонстрируемое Антоном фото. Да, это он, Макар Гусарский. Макар Игоревич,-- кивали молодые, рассказывая, как тот помог им наладить новое оборудования на электроцентrale. Это он, он, Макар,-- кивали старики, вспоминая многочисленные истории, рассказанные Макаром Игоревичем Гусарским. Им сразу понравился этот мужчина. Спокойный, рассудительный, Макар Гусарский подкупал прямоотой и честностью. Казалось, он совсем не понимал что должен от кого-то что-то скрывать. Что существуют, или теоретически могут существовать какие-то тайны, которые он должен скрывать. Нет, что до всего этого - то Макар всегда был значительно выше. Он не строил каких-то иллюзорных замков, предпочитая понимать жизнь

такой как она есть. Без каких-либо дополнительных эмоциональных радостей и излишнего словоблудия. Все у него было четко, конкретно, и расставлено по полочкам. Если возникал какой-то вопрос - Макар стремился его тут же разрешить. Не откладывая, как говорится, в дальний ящик. Если же жизнь текла размеренным чередом (а Макар стремился, чтобы это было так), то Макар Гусарский на какое-то время мог быть спокоен. Зная, конечно, что все это надолго. И через время может вновь наступить что-то такое, где потребуется оперативное вмешательство Макара. И с которым он, конечно же, справится. Положительно решив вопрос, и думая, по сути, только о хорошем.

Было ли так всегда? Нет. Всегда так не было. А все дело в том, что Макар Гусарский вполне сознательно избрал для себя подобную тактику поведения. И следовал ей, не обращая внимания на возникающие трудности. Ну, или на теоретически возникающие. Если предположить что когда-нибудь, после разрешения конфликта, они могли действительно возникнуть.

А пока все было относительно спокойно.

Антон недоумевал. Зачем было его родному отцу скрываться от него? И кто тогда был обнаружен в квартире?

Мозги Антона включились на полную мощность. Первым делом он позвонил Максакову, сообщив всплывшие подробности, а заодно попросив проверить те по своим каналам. Звонок Максакову Антон продублировал разговором с Сосо Кибитовичем Тиминым. Попросив пока не предпринимать против Лисовского карательных действий. Мол, вопрос теперь получается запутанный.

Сосо Кибитович воспринял новость весьма импульсивно, сказав, чтобы его сын, Айзик, всецело поступает в распоряжение Антона. До полного расследования данного вопроса. Антон сказал, что он уже звонил Максакову. Тимин ответил, что Максаков теперь с ним не работает. Он, мол, снова вернулся в прокуратуру. Антон, было, подумал, что прокуратура не частная лавочка, из которой можно уходить и возвращаться; но не стал говорить о своих мыслях Сосо Кибитовичу, поблагодарив того, и попросив, если понадобится, финансовой поддержки. Сосо Кибитович ответил, что для расследования этого дела

Антон может распоряжаться любыми суммами. Десять тысяч евро он сейчас же (уже отдает приказ) переводит на его счет. Первым траншем. На первоначальные расходы. К тому же вместе с Антоном будет Айзик. Ему он только вчера на счет перечислил сто тысяч евро. Мол, ты можешь их смело использовать. Все, как говорится, для дела. Все для победы.

Антон искренне поблагодарил Сосо Кибитовича. И стал вызванивать Глеба, которого намеревался пригласить в расследование, а заодно передать ему несколько тысяч евро в качестве благодарности за полученную ранее информацию.

Однако Глеба он не нашел. Более того, уже на следующий день до Антона Гусарского дошли слухи, что Глеб погиб в автокатастрофе. Причем о преднамеренном характере ее говорили те факты, что 'Фольксваген' Глеба Заречного протаранил 'КАМАЗ', после чего водитель 'КАМАЗа' попытался скрыться с места происшествия и был убит в результате начавшейся погони и перестрелки. Хотя стреляли все-таки сотрудники ДПС. Причем, получалось, не по колесам, а по живой мишени.

Ну, как бы то ни было, Антон понял, что дело принимает еще более запутанный оборот. Хотя он просто обязан был принять сейчас официальную точку зрения, иначе совсем запутается.

Антон действительно мог запутаться. Он понимал, что все эти вновь всплывшие обстоятельства только увеличивали шанс запутаться. Причем запутаться окончательно. Ведь если только предположить, что сам он находится сейчас в какой-то большой игре. И его попросту кто-то ведет, как ведет фигуру в шахматной партии. Особенно если вспомнить слова отца, который частенько говаривал, что жизнь - это шахматная партия. И возможность победить зависит почти исключительно от того, кто лучше просчитает ходы соперника. Тем более что в реальной жизни таким соперником является сама жизнь. Выдвигавшая новые преграды на пути какого-нибудь пытливого ума. И если существует желание победить (а оно всегда должно существовать), то значит необходимо стремиться к этой победе. А значит делать для этого усилия. После чего можно будет и говорить о каком-то результате.

.....

.....

Лисовский подумал, что, быть может, сейчас наступает момент, когда он должен встретиться с Антоном, и все ему объяснить? Хотя, по сути, он чувствовал, что еще рано. Быть может даже слишком рано. Должны наступить для осуществления этого еще ряд причин; и он должен почувствовать наступления их. А уже потом... А уже потом во всем признается Антону Гусарскому. Человеку, к которому относился намного лучше, чем в этом мог признаться даже себе.

Глава 7

Антон недоумевал. Все у него вроде как изменилось в одночасье.

С противоречивыми чувствами он относился теперь к Лисовскому. По одному из своих представлений выходило, что Лисовский заслуживает наказания, уготованного для него. По другому - этот

человек не только оказывался невиновен, но и Антону необходимо было в срочном порядке извиниться перед ним. И смириться с тем, что тот его может не простить.

Действительно противоречие.

Противоречие выражалось еще и в том, что Антон Гусарский вдруг разом растерялся в собственных предпочтениях относительно друзей и врагов. Подобное с ним встречалось раньше. Но раньше ему как-то удавалось вырваться из необходимости делать оправданно-необходимый выбор. Ну, то есть, выбор он вроде как делал. Но вот считал необходимым судить о нем. Да и вообще относился к подобным занятиям с большой неохотой. Предпочитая жить обычной жизнью. Которая, в случае с ним, впрочем, не всегда оказывалась и обычной.

Но уже с этим Антон смирился. Он вообще предпочитал до поры до времени не делать суждений, способных повлиять на его жизнь и как-то изменить ее.

.....

.....

В последнее время Антону было трудно. Выходило так, что он фактически запутался во всем, что его окружало. То есть, по всему он видел, что необходимо было делать какой-то выбор. И этого даже уже невозможно было избежать. Но вот в чем должен был выражаться этот выбор - Антон не знал. И признавался себе, что иной раз совсем не понимал, что от него хочет судьба.

--Судьба, вероятно, насмеялась над ним,-- думал в такие минуты Антон Гусарский, понимая, что если протянет еще немного, то может окончательно запутаться во всем. А если даст поблажку самолюбию (проявляющемуся иной раз в том, чтобы не заставлять себя делать какой-то выбор), то в таком случае может и вовсе получится черт-те что. В том плане, что совсем может стать худо ему. С соответствующим нежеланием (следующим по счету) продолжать жизнь.

Речь шла не о самоубийстве (подобного Антон пока не мыслил), а о элементарной

запутанности. Ему казалось, что становился он никому не нужен. А тем, кому был все-таки необходим - оказывались не нужны ему. Совсем не нужны. Настолько, что хотелось Антону скрыться от этих людей.

Но бегству он всегда предпочитал оставаться на месте, принимая ненастья, которые должны были прийти. Хотя почти тут же он понимал, что подобного, вероятно, не допустит кто-то свыше, кто управляет поступками Антона (так полагал Антон), и кто фактически ведет его жизнь. Куда? Об этом Антону было интересно узнать и самому. Потому как любые расчеты в данном случае были бессильны. И надо было или смириться с происходящим, или постараться просто не замечать ничего. Продолжая жить дальше.

До сего момента Антон выбирал второе. Сейчас ему вдруг захотелось чего-то нового. Чего? Ну, Антон пока это не мог сформулировать. Понимая, что действительно живет в ожидании каких-нибудь изменений, и готовый к тому, что они могут сразу ему не понравиться. И только позже он оценит их сладостный стиль.

Такое случалось у Антона при прочтении книг. Иной раз какая-нибудь ранее не прочитанная им книга (автор) вызывала вдруг у Антона резкую неприязнь. Он даже откладывал ее, говоря себе, что, мол, не мое.

Но потом по каким-то причинам возвращался к этой книге. А когда входил во вкус - скупал после этого все книги данного автора. Считая его по настоящему 'своим'. И успокаиваясь только тогда, когда прочитывал его полностью (из того, что смог достать).

.....

.....

Противоречие, казалось, наслаивалось в Антоне друг на друга. То ему непременно хотелось каких-нибудь решительных действий, то наоборот, мечтал он почти исключительно о тишине и покое. А о том чтобы куда-то срываться и что-то делать,-- не могло быть и речи. В такие минуты Антону требовался покой. И он обычно получал его. Наслаждаясь, и умиротворенно отдыхая от всех...

.....

.....

Валентин Евгеньевич Лисовский знал о периодически случающихся у Антона странных состояниях. Но что-либо поделать с этим оказывался бессилён. Понимая, что причина здесь, скорей всего, в элементарной усталости. Как от жизни, так и от тех людей, которые окружали его. А лучшее средство от усталости - смена обстановки. Желание заняться чем-то новым, другим, оставив на время старое. Ну, в общем - получить новую эмоциональную подпитку. Сменить психологическую нагрузку. И к этому Антон был готов. Даже занятия так называемым 'делом Лисовского' явно благотворно сказывалось на Антоне, внося какой-то особенный колорит, и в конечном итоге благотворно влияя на стабилизацию самочувствия Антона Гусарского. И это удалось просчитать Лисовскому. Ну, быть может, возникла небольшая заминка с предполагаемым убийством Макара Гусарского. Все вроде как было задумано нормально. Да только не учёл Лисовский, что у

Антон не только окажутся помощники в этом деле, но и эти помощники сумеют получить информацию, которая теоретически (если все до конца сойдется, и Антону удастся правильно все сопоставить) была способна повлиять на задуманную Валентином Евгеньевичем партию. А этого он пока допустить не мог.

Глава 8

Лев Мигранович Боравиа подумал, что не мешало бы ему развеяться. Засиделся он в станице. Вроде как и намеренно спрятался ото всех, да вот стало приходить к нему внезапная тоска. Тоска и желание все неременнейшим образом изменить. Хотя, быть может, пока и поостеречься от каких-то судьбоносных решений.

Старик Боравиа решил пока съездить в райцентр.

Поехал.

В райцентре Борава не понравилось. Видимо его душе сейчас хотелось какого-то полета, размаха. И небольшой уездный городок его просто не устраивал.

Не высидев в городе и дня - Борава уехал обратно. Если уж решил жить в станице - такова, наверное, судьба,--подумал он, признавшись себе что здорово умаялся в дороге. Видимо сказалось домоседство.

По большому счету, делать каких-либо судьбоносных решений Лев Мигранович и не решился бы. Но вот стал он подозревать, что хотела его душа какого-то праздника. Иной раз очень даже стремилась к нему. И при этом было необычайно трудно догадаться, чего же на самом деле хотел старик Борава. Уж очень все было как-то сумбурно в его мыслях. А любые неожиданные просветы заканчивались употреблением алкоголя. В больших количествах и исключительно, по заверениям Борава, в качестве сдерживающего фактора. Чтобы мозги, значит, окончательно не съехали набекрень.

Такой жизненный подход нравился самому Льву Миграновичу. Но только иногда у него вдруг появлялись сомнения, почему это так часто в

последнее время стали накатывать на него проблемные мысли всякого противоречивого характера. Ведь достаточно трудно было разобраться, что необходимо во всем этом предпринимать Боравиа. Или стремиться всячески развивать эти мысли, желая посмотреть, чем все закончится, или же попросту не обращать на них внимания. Словно бы ничего серьезного не происходило. А какие-либо проблемы если и возможны, то не нужны, потому что уже самим своим существованием принижают статус Боравиа. Хотя по факту существования и не могли такие мысли привести к какой беде. Это было невозможно. Ситуация была под полным контролем. Мозг старика Боравиа контролировал любую ситуацию. И самым разумным было попросту успокоиться. Продолжая жить той жизнью, которой он и жил до сих пор. Ну, то есть, уже в новом измерении этой жизни. Уединенности. Которая, по сути, нравилась Боравиа. Да он и сам не раз говорил, что всегда к одиночеству стремился.

Как бы то ни было, Лев Мигранович решил еще какое-то время пожить в деревне. Так выходило, что он только здесь чувствовал ту гармонию, которой

был лишен в городской жизни. И даже как-то подумал Лев Мигранович, что вообще всю жизнь искренне заблуждался в собственных предпочтениях. А все что на самом деле ему было необходимо - покой и тишина. Деревенский покой и станичная тишина. И больше ничего.

Он искал уединенности. Искал возможности каждую минуту своего бодрствования находиться наедине со своими мыслями. И такую возможность получил. А потому было глупо от подобного отказываться...

.....

...

Антону дали адрес старика Боравиа. Встретиться с ним он не спешил. Хотя, как сказали Антону, старик мог пролить свет на интересующее Антона дело. Более того, могло так получиться, что только старик Боравиа мог разрешить противоречия Антона. Помочь избавиться ему от того навязчивого состояния, в которое, замечал Антон, погружается он все больше и больше.

Но Антон ни с кем не мог встречаться. Вроде как и должен был, и понимал что должен, но не мог.

--Зачем?- размышлял он.-Зачем? Чтобы насиловать собственную душу? Чтобы заставлять себя заниматься тем, чем он, по сути, заниматься не хотел? Не должен. Или Должен?-задумался Антон.-- Наверное все-таки должен. Но не мог. Не хотел. Не стремился приблизиться к разрешению. Не стремился...

Антон сам не понимал, что с ним происходит. Вернее, он понимал. Он более чем ясно понимал сейчас, что все проблемы, происходящие с ним, происходят исключительно по причине состояния его души. Состояния, при котором он просто физически не в силах был разрешить давно уже наметившееся в его душе противоречия. И вырваться. Постараться вырваться из плена окутывавшего его безумия. Того безумия, с которым все с большим трудом приходилось совладать Антону. Безумие было тем, с чем невозможно было смириться. Но пока приходилось считаться. И Антон очень верил что пока. Что

Все же наступить миг, когда он сможет разом прекратить собственные внутренние страдания; а на поверхность его бытия выйдет счастье.

Оно выйдет как солнышко, и осветит все вокруг. Солнышко-счастье не даст затуманить надежды. Солнышко-счастье избавит и страданий и внутренних тревог. Избавит от треволнений. Все лишнее, что, как Антон замечал, было ему не нужно - отступит в сторону, или совсем исчезнет. И на земле воцарится покой и счастье. Исчезнут плохие и злые люди. Миром станет править доброта. Правда для этого, как полагал Антон, необходимо было изменить природу человека. Человека, имеющего слишком деструктивные позывы в психике, чтобы навсегда отказаться от зла. Ведь зло это интерпретация проигравшего. А победителю хороши любые средства. Которые он использует ради победы. Ради своей собственной победы. К которой стремиться, независимо от мнения окружающих. Да и уверенный в себе человек не должен обращать внимание на это мнение. Человек должен делать в первую очередь то, что велит ему его мозг. Именно мозг, а потом уже совесть и прочее. Антон помнил эти слова, которые

услышал от одного профессора, с которым как-то случайно ехал в одном купе во время своих поездок на юг. И тогда Антон, как ему казалось, выслушал слова профессора из вежливости, а теперь вдруг эти слова всплыли из его подсознания, стали осознанными, и привели к тому, что Антон вдруг явно убедился в правоте профессора. Он убедился что профессор не только прав, но и не сказал ему половины того что мог бы. Разговоры в поезде всегда носят эпизодический характер. Начало и окончание разговоров ни от кого не зависит. У собеседников нет друг к другу обязательств. Эти беседы можно сравнить с перепиской в виртуальной реальности. Когда вы можете ответить собеседнику тут же и сразу, а можете ответить позже. Никто на это не обидится. Сами собой формируются правила интернет-общения. И архетипически вытекают такие правила из практики общения со случайными попутчиками, когда можно поддержать разговор, а можно сослаться на любую причину и разговор перенести или завершить окончательно. Никто не обидится. Глупо обижаться. Так заведено...

.....

.....

Странное время наступало для Антона. Он все больше замечал, что катится вниз. Быть может, даже срывается в пропасть. В пропасть, из которой может так случиться, не будет возможности выбраться.

И это было самое печальное. Самое, быть может, ужасное, что могло произойти с человеком, до этого жившим спокойной, размеренной, даже может быть -- слишком спокойной да размеренной жизнью. И теперь... Теперь все оказывалось, что не так. Что на самом деле он жил иллюзорной жизнью. Жизнью ожидания каких-то необычных свершений. Которых, оказывалось (и это уже явно понимал Антон) не могло произойти. И все что ему оставалось - ждать, что произойдет с ним дальше. Когда душевная болезнь его или отступит или пустится в новый виток спирали. А сам он будет с новой силой падать в небытие. Откуда уже не будет ни выхода, ни спасения. И все что остается, это может и действительно только ждать. Ждать, что когда-нибудь

произойдет что-то положительное и важное. Что вытеснит печаль и тревогу.

И не будут возникать эти ужасные сомнения. Сомнения в неизбежности какого-то ужасного конца. И все, по сути, станет хорошо, положительно и правильно. И мир изменится к лучшему. Вернее, не сам мир, а восприятие мира Антоном Макаровичем Гусарским. И Антон искренне желал, чтобы это произошло. И верил, что так и будет. Верил, что произойдет обязательно.

Глава 9

Эльдар Сергеевич Михайлов неожиданно открыл для себя одну истину. Оказывалось так, что его стремления к материальному благополучию на самом деле было и не так оправданно. Ну, то есть, оно давало ощущение уверенности. Даже может величия. Но это было ничто перед тем, что давно ощущал Михайлов в душе. А в душе ему вдруг расхотелось к чему стремиться. И говорила душа, что он вполне может довольствоваться тем, что у него уже было.

Хотя Михайлов и знал, что так не получится. В дело, которым он занимался, были вовлечены значительные людские и финансовые ресурсы. И просто так выйти из игры он не мог. Даже если уже и тяготился тем, что имел.

Хотелось Михайлову подумать о душе.

Призывала его к этому сама душа. И он может даже и сам был готов к этому, но не знал как. Да и в душе Михайлова царил кавардак. И чтобы Эльдар Сергеевич ни говорил себе, о чем бы не думал, судьба продолжала вести его к намеченной цели. Даже несмотря на то, что цель эту он уже забыл. Даже несмотря на то, что результаты как таковые оказывались Михайлову безразличны. Это ничего не меняло. Жизнь сама сначала расставляла невидимые преграды, которых достигал Михайлов, а после помогала ему их преодолевать. А он... Он порой удивлялся, как же это все так хорошо у него получается. Но ведь и получалось не просто так. Внутренне (бессознательно) он давно был детерминирован на достижение результата. На ту же победу. А потому и то, что случилось позже (то что он забыл об этом подтверждало бессознательный

характер происходящего), было лишь неким запрограммированным следствием того что должно было произойти и так. И в иное верить не хотелось. А может было и не правильно.

Да и можно было сказать, что Эльдар Михайлов всегда был ориентирован на какой-то результат. Пусть этот результат выходил иной раз неожиданным для него. Но с другой стороны, как мы уже заметили, подобное и возможно и объяснимо. Особенно если человек раньше сознательно думал (и желал) чего-то подобного. Задумывался над этим. И ставил задачи, которые достижения обозначенного результата.

И он достигал этот результат. Всей своей жизнью подтверждая истину, что если серьезно стремиться к чему-то -- все получится.

У него получилось. А он, в который раз убеждаясь в этом, сознательно и бессознательно ставил перед собой новые задачи. По мере разрешения которых продвигаясь далее по схожему сценарию. И выходя к новым горизонтам собственного величия. Пока, правда, без должного восприятия этого величия.

Но подобное, можно предположить, было временно. Быть может сказывалась усталость. Быть может какие еще причины. Но, занимаясь банковской деятельностью, Михайлову со временем удалось стать управляющим крупного банка. Ну, или точнее, относительно крупного (по меркам региона, в котором находился этот банк). Но и при этом Эльдар Сергеевич подспудно стремился к достижению еще больших результатов. И результаты эти приходили уже как бы сами. По крайней мере, сам Михайлов - в сознательной жизни - совсем даже не думал о чем-то таком. Он думал о душе. И вот тут бы ему обнаружить то, к чему он стремился. Но, наверное, пока это было еще рано. Слишком рано в каком-то природном летоисчислении. И Михайлов продолжал работу. Продолжал бизнес. Продолжал жизнь.

И все быть может было бы хорошо, если бы в какой-то момент Михайлов не попал в оперативную разработку Максакова. Который открыл, что занимается Эльдар Михайлов противозаконной деятельностью. Вверенный ему банк обналичивал крупные суммы. Достаточно крупные, чтобы Михайловым могли заинтересоваться

соответствующие органы. И посадить его. А кое-кто мог и убить. Конкуренты. Ведь всегда находились или недовольные или завистники.

Поэтому когда Максаков добился встречи с Михайловым и намекнул на имеющуюся у него информацию, Михайлов все понял достаточно быстро. И предложил Максакову приличную сумму за молчание.

Тот согласился. Периодически подобным образом он зарабатывал на жизнь после того, как ушел от Сосо Кибитовича Тимина. А уже для души - Роберт Георгиевич Максаков продолжал исполнять песни в ресторане. По выходным. В рабочие дни он занимался различными расследованиями. Некоторые из которых (например, дело Гусарского-Лисовского) и не думали заканчиваться. Все время всплывали новые факты. Проверяя которые Максаков признавался себе, что это дело ему действительно более чем интересно. Интересно было узнать, чем все закончится.

.....

.....

Лисовский стал подозревать, что ему определенно мешает один человек.

Этим человеком был Максаков. Валентин Евгеньевич даже пытался встречаться с Максаковым, убеждая его не лезть в это дело. Не убедил. Наоборот, Максаков, по мнению Лисовского, был преисполнен решимости подойти к выполнению своих обязанностей с новым усилием. При этом Лисовский понимал, что занимается им Максаков из каких-то своих побуждений. Он знал, что некто Тимин, бывший работодатель Максакова, перестал оплачивать его услуги. Причем, с чьей стороны произошел конфликт, Лисовскому было не так важно. Он уже понимал, что все равно не остановит Максакова.

А со временем Лисовскому уже стало любопытно узнать, чем все это закончится...

Глава 10

Максакова решил остановить Тимин. Причем, зная возможности Максакова, сделать он это решил

вполне тривиальным способом. Вывезти того в лес и пристрелить. Сосо Кибитович не любил, когда кто-то делает не так, как того хочет он.

.....

.....

Так вышло, что об ожидавшей Максакова участи ему рассказал сын Тимина, Айзик. Сделал это Айзик по наставлению Антона Гусарского, который узнал об ожидавшей Максакова участи от самого Айзика. Сосо Кибитович сделал ошибку, доверив подготовку казни сыну. Сын давно находился под влиянием Антона. А потому, как только ему стало известно о предполагаемой участи Максакова, тут же сообщил об этом Антону. Антон поблагодарил юношу, и попросил его рассказать обо всем Максакову.

Антону Максаков был пока нужен. А Сосо Кибитович Тимин платил ему деньги, финансируя и газету Антона Гусарского и его расследования. Поэтому допустить, чтобы Максаков разобрался с Тиминим Антон не мог. А потому Айзик должен был

сообщить Максакову, что заказал его Лисовский. И уже не сомневаясь в шагах, которые предпримет Максаков, Антон установил за ним слежку. Ожидая, что тот сам выведет его на Лисовского. Ну а уже после Антон решит, как спасти Лисовского от рук Максакова. По большому счету Максаков Антону тогда уже будет не нужен. Заполучив с его помощью Лисовского, Максакова можно вывести из игры. Не убивать, а... Ну, в общем, это Антон намеревался решить после. Сейчас ему был нужен Валентин Евгеньевич Лисовский. И он его намеревался отыскать просто наблюдая за поисками Максакова, который, по мнению Антона, решит сработать на опережение, и убить Лисовского раньше чем тот убьет его.

.....

.....

Помочь Максакову выжить Антон не успел. Труп Роберта Георгиевича Максакова с простреленной головой был найден неподалеку от лесополосы, примыкавшей к городу. На границе с

Ленобластью. Причем, в том, кто убил Максакова, у Антона Гусарского были сомнения. Это мог сделать как Лисовский, так и люди Сосо Кибитовича Тимина. Но после того как Антон высказал свои предположения Айзику, то уверенно заявил, что его отец здесь ни при чем. Да, он дал команду разобраться с Максаковым. Но киллеры не успели. Максакова убили раньше. Причем, на его взгляд, не было сомнений, что это сделал Лисовский.

Убийство Максакова ввергло Антона Гусарского в некоторые раздумья. Сейчас он мог признаться себе, что именно Максаков был одним из подозреваемых в многочисленных убийствах. Подобная версия у Антона появилась совсем недавно и неожиданно. Причем натолкнуло его на эту мысль собственное расследование в отношении Максакова. Когда Антон на всякий случай решил проработать версию о возможной причастности Роберта Максакова к ряду преступлений, то по всему выходило, что тот действительно мог быть подозреваемым. Жизнь Максакова была туманна, и в совершаемых поступках он не ограничивался рамками закона.

Но теперь Максаков был убит.

Не успели мысли Антона принять какую-то окончательную завершенность, как к нему буквально ворвался Сосо Кибитович Тимин. Собственной, как говорится, персоной. И в весьма разгневанном виде.

Оказалось, Максаков жив. Убит был его однофамилец. Люди Тимина в правоохранительных органах, получив информацию об убитом человеке с фамилией Максаков, поспешили сообщить об этом Тимину. Теперь первоначальная информация подтвердилась. Это был не тот Максаков. И ни брат и вообще никакой не родственник. Случайный однофамилец. Предполагаемая причина убийства - занятия однофамильца Максакова бизнесом. Тот являлся совладельцем сети АЗС.

Тимин ушел, на прощание попросив Антона докладывать ему обо всех даже предположениях, не то что о намечаемых действиях. Антону даже показалось, что Сосо Кибитович в чем-то подозревает его самого. Ну, мало ли как преподносят тому информацию его люди,--подумал Антон, несколько не переживая о тоне Тимина. Тот был, в общем-то, хорошим человеком. Даже немного добрым. Правда,

доброта у Сосо Кибитовича была какая-то избирательная. Даже можно сказать, не всегда адекватная ситуациям, из-за которых происходил возможный гнев Тимина. Хотя как-то по-особенному личностью Тимина Антону пока заниматься не было ни сил, ни желания, ни времени. Ему приходилось постоянно просчитывать поведение Лисовского. Да и возможного убийцы (если предположить, что им был не Лисовский). Потому что убийства вроде как прекратились. Притом, как знал Антон, многие бывшие одноклассники Лисовского (из черного списка, который Антон составил сам, и после каждой смерти вычеркивал фамилии) еще были живы. Да и уже получается (вспомнил Антон предположение Глеба Заречного), оказывался жив и его отец. Которого, правда, Антон найти не мог. Но в той деревне, адрес которой дал Антону Глеб, действительно подтвердили, что человек, похожий на Макара Игоревича Гусарского, какое-то время проживал у них. Но потом куда-то уехал. Куда? В этом и предстояло разобраться Антону помимо прочего. Да и быть может, только это и было сейчас главным. Ведь если предположить, что отец жив, но

по каким-то причинам скрывается (не выходя на связь, в том числе, с собственным сыном), то на это могли быть серьезные причины. В том числе и предполагаемая опасность со стороны того же Лисовского. То есть, уже получалось, что круг как бы замыкался. Ну, или наоборот - расширился невероятным образом. И основной задачей Антона было разобраться во всех этих вопросах.

Но самое удивительное, Антон чувствовал, что разгадка где-то рядом. И несмотря на то что пока в заданной задаче было слишком много неизвестных, чтобы надеяться на скорый ответ, Антон уже не сомневался, что ответ будет. Обязательно будет, заверил он себя, и отправился на встречу с Лисовским. Адрес того дали люди Тимина. Кроме того Тимин сам позвонил Антону, уверив его, что не будет предпринимать никаких действий, пока Антон лично не разберется во всем этом деле и не предоставит ему полный отчет. А уже потом подумаем, как нам действовать,--сказал на прощание Сосо Кибитович.

Глава 11

Лисовский приехал в Краснодар. Остановился он в поселке Пашковский, у некоего Васи Портака. Портак - было прозвище. Дано оно было Васе в колонии усиленного режима, куда он попал еще в восемнадцать лет за серию разбойных грабежей. Сейчас Васе было под сорок. И к той первой судимости прибавилось еще несколько. А прозвище он получил за то, что тело его было испещрено различными татуировками. Татуировки, 'портачки' на воровском жаргоне, всегда нравилась Васе. Нравились они и Валентину Лисовскому, который был знаком с Васей уже лет десять. И даже кто-то говорил, что Вася скрывался одно время у Лисовского, после своего очередного побега. Всего у Васи было два побега. После последнего его так избили, что вскоре он получил инвалидность и был актирован с зоны. Думали, что он вообще умрет. Но Вася выжил. И жил теперь вполне обычной жизнью. Завязав с уголовным прошлым.

Сделав Лисовскому татуировку, Вася с любовью оглядывал свою работу.

--Но приехал я к тебе, на самом деле, не только за этим,-- произнес несколько захмелевший Лисовский (в перерывах между работой они с Васей пили самогон).

Вася с любопытством уставился на товарища.

--Мне нужны новые документы.

--Так я же только недавно тебе сделал новый паспорт?-удивился Вася.

--'Спалил' я его,--признался Лисовский.

--Опять 'замочил' кого-то?-усмехнулся Вася.

Лисовский бросил на него злобный взгляд.

Моментально выражение лица Васи Портаса стало серьезным.

--Ты на меня тут 'перебросы' не делай?-сурово сказал он.-Я тебе не 'фраер', в гляделки играть. Пришел за делом - давай информацию, сделаю все как надо. Если нет - ты меня не знаешь, и я тебя не знаю.

--Ты чего это кипятишься?-строго ответил Лисовский.-Всю жизнь провел на 'кичи' и не отучился от своих шуток?

--'Базара' нет,--как ни в чем не бывало, произнес Вася Портас.-Документы сделаю. Мою

таксу ты знаешь. И качество работы тоже. Все будет в лучшем виде.

--По рукам,--усмехнулся Лисовский, подумав о том, как те, кто прошел лагеря, умеет быстро приспособливаться к жизненным обстоятельствам.- Вот еще,--внимательно посмотрел Лисовский на приятеля.-Мне необходимо достать одно дело из РОВД Армавира.

--Выкрасть сейф?-удивился Вася.

--Весь сейф не нужен,--спокойно ответил Лисовский.-А необходимы несколько дел. На меня и на некоего Макара Гусарского. Причем, второе меня даже интересует больше.

Вася задумался.

--Давай выпьем,--поднял стакан Лисовский.-А про дела потолкуем после. Я знаю, у тебя есть 'корифаны' везде. Помогут?

--Помочь-то помогут?-усмехнулся Вася Портак.

--Финансово я все обеспечу,--понял Лисовский сомнения Васи.

--Лады,--кивнул Вася.-Тогда обмозгуем детали позже.

Товарищи дружно чокнулись стаканами с мутной жидкостью, выпили, закурили, и заговорили на нейтральную тему.

Глава 12

Эльдар Сергеевич Михайлов вновь почувствовал, что жизнь начинает закручивать удивительный хоровод. И ведь не сказать, что это так-то уж ему не нравилось. Или более того - что это было ему как-то неприятно. Нет. Совсем даже и нет. Можно было уже практически уверенно утверждать, что Михайлов был готов к этому. Давно он ожидал чего-то подобного. В его душе удивительным образом уживалось стремление к предпринимательской деятельности (а любое предпринимательство в его представлении это какой-никакой, но обман), и желанием постижения чего-то духовного. Того, к чему он, может быть, всегда по настоящему стремился. И даже раньше, когда еще юношей делал выбор профессии, Эльдар Сергеевич выбрал экономику исключительно из-за того, что понимал, что выбери он какую другую профессию - и

неизвестно чем все закончится. Он мог только предположить, что по-настоящему ему нравились гуманитарные науки. Но и понимал (а это уже можно было отнести к предвидению Михайлова), что в той ситуации, в которой находилась его страна, заниматься чем-то для души (литературой, например, или историей, философией, искусством) было невозможно. Ну или возможно, но только в случае если совсем не отдавать себе отчет, что профессии эти в современной России не нужны ни власти ни народу, и потому прожить на них было невозможно. Страна рвалась к капиталистической экономике. И подчиняла себя рынку. А значит - хаосу. При том что на Западе, как знал Михайлов, можно было заниматься и искусством. Оно оплачивалось не в пример российскому. Видимо просто в нашей стране еще не наступили времена,--сказал себе Эльдар Сергеевич тогда, и точно так же считал он до сих пор. За малым, разве что, исключением. А исключением этого было то, что душа Михайлова по-настоящему тянулась только к чему-то вечному. К искусству, литературе, живописи... Когда-то Эльдар Михайлов закончил художественную школу; писал стихи и небольшие

рассказы. Мечтал написать что-то большое и существенное.

Но все забрала у него необходимость зарабатывать большие деньги. Он никогда не мог останавливаться на достигнутом, поэтому, разработав механизмы добывания средств пропитания, перешел к добыванию средств сначала на обычную жизнь, потом на нормальную, потом на реализацию желаний, которые, как оказалось, скрытно существовали у него. Михайлов купил себе большую квартиру, построил загородный коттедж; сначала каждый год, а потом два раза в год ездил за границу, и не на какие-то второсортные курорты, а в ведущие мировые страны; купил несколько дорогих автомобилей; да и вообще начал жить той жизнью, о которой большинство обывателей могло только мечтать.

И при этом Эльдар Сергеевич Михайлов был несчастен. И даже не в любви было дело (хотя он понял, что женщины любят его в основном за его деньги). У Михайлова болела душа. Через несколько лет его возраст должен был приблизиться к сорока. Своеобразный Рубикон, подведение итогов.

И вот это подведение итогов грозило Эльдару Михайлову самой настоящей бедой. Потому что понял он, что ничего не сделал в своей жизни из того что по настоящему хотел. Как не осуществил и того, что сделать был обязан. Заработать денег и финансово обеспечить свою дальнейшую жизнь он сумел (на его счету в банке уже было несколько миллионов долларов). А вот душа... Душа Михайлова как бы осталась без надзора.

И страдала. И выписывала иной раз такие коленца, что хотелось засунуть голову в прорубь и не дышать. Что он, в общем-то, и делал. Страдая и не понимая что необходимо предпринять, чтобы унять эти страдания.

Нет, раньше он, конечно, еще обещал себе, что его занятия бизнесом лишь до поры до времени. Как только заработает он определенную сумму, то разом все прекратит, и займется исключительно занятием по душе.

Но поначалу планка необходимо-допустимой суммы все время сдвигалась в сторону возрастания. А потом, когда денег для нормальной жизни в принципе оказалось достаточно, Михайлов с ужасом осознал,

что ему уже вроде как и невозможно остановиться. И не то, чтобы ему казалось, что мало денег. С некоторых пор на сами деньги он перестал обращать внимания. А все дело в том, что стоило Эльдару Сергеевичу даже только подумать о том, чтобы 'завязать' - как к нему подкатывала такая тревога, что он тут же, чтобы успокоить себя, пускался на какую-нибудь аферу, в результате которой капитал его приумножался. Душа временно успокаивалась. А потом начинала скулить по новой. И вновь потому, что Михайлов занимается не делом своей жизни. Не исполняет, быть может, своего предназначения. Ведь виделось ему в такие минуты, что предназначение его намного выше желания добывать деньги (миллионом больше, миллионом меньше, для него уже не было существенной разницы). И вполне оказывалось возможным, что предназначение его -- творчество. Творчество... Только творчество способно было дать настоящее успокоение... Но где оно? Творчество...

Эльдар Сергеевич был не в состоянии выбрать, каким творчеством ему заниматься. Живопись?... Вроде как и просто было, достать

мольберт, разложить краски, взять кисточку - да написать картину.

Литература? Раскрыть тетрадь, взять ручку, да и написать что-нибудь такое хорошее, доброе, вечное. В общем, для души.

Но все это было невозможно. Все куда-то ушло. Если раньше он действительно писал достаточно неплохие стихи (некоторые из них даже публиковали газеты и журналы), а его художественные картины демонстрировались на выставках, -- то теперь способности исчезли. И он оказывался не способен написать даже несколько рифмующихся строчек. А если они и рифмовались, то рифма оказывалась столь ужасная, что Михайлов презирал себя, разрывал листы с попытками сочинений, и обзывая себя неудачником -- напивался. В хлам. После чего звонил своим подчиненным и упрекал тех, что они занимаются не тем, к чему были предназначены от рождения. И грозился распустить всех и вся. А когда подчиненные Михайлова, мучительно пытаясь понять что от них хочет шеф, задавали вопросы,-- Михайлов ругался матом,

обзывая всех безмозглыми идиотами, и бросал трубку. Успокоившись, он засыпал мертвецким сном.

А на утро ему становилось стыдно. Стыдно еще и потому, что он помнил все произошедшее накануне. Помнил, независимо от того в каком находился состоянии во время реализации 'праздника души'. А когда он вспоминал, ему становилось стыдно. И он был вынужден, чтобы успокоить себя, выдавать сотрудникам, телефонные номера которых находил в мобильном в графе 'исходящие вызовы', денежные премии. Как считали сотрудники - 'за молчание'. На самом деле Эльдар Сергеевич находился на том уровне, когда любые пересуды за спиной ему были безразличны. И никак не способны были помешать его карьере. Потому что это только считалось, что работал он в банке управляющим. А на самом деле контрольный пакет акций уже давно был у него. И помимо этого банка, он владел еще целлюлозно-добывающим предприятием и алюминиевым заводом. Да и к тому же имел блокирующий пакет акций в строительном холдинге, и акции еще в ряде предприятий. И денег у него было намного больше, чем он даже сам мог представить.

Просто владение суммой, большей нескольких миллионов долларов, для него было сродни началу мании безумия. Бабушка его в свое время сошла с ума, а дядя закончил жизнь самоубийством, не справившись с шизофренией, по время которой сначала ему показалось черт знает что, а потом поступил голос убить себя.

В 'голоса' Михайлов не верил. Но боялся любого проявления сумасшествия. И поэтому заставлял себя считать, что у него активов всего на несколько миллионов долларов.

На самом деле их было как минимум на порядок больше.

Глава 13

Антон почувствовал, что земля уходит из-под его ног. Ему позвонил отец.

В самых лучших традициях русских извинений, Макар Игоревич Гусарский рассказал сыну, что на самом деле жив. Но с недавних пор жить не очень хочет. Причина? В причине как раз и кроется желание, скорее - необходимость, -- поправился Макар

Игоревич,-- до поры до времени ему скрываться. От кого он скрывается? Гусарский-старший задумался. Да, наверное, от себя,--ответил он через время.

Связь неожиданно прервалась. Антон тут же набрал высветившийся у него на мобильном номере, но вызов сбросили. Тот час же раздался звонок. Связь прервалась,--извинился Гусарский-старший, продолжив свой рассказ. Однако по всему было видно, что первоначальное желание выговориться уже куда-то ушло. И посетовав на обстоятельства, в результате которых он должен еще какое-то время находиться в том месте, в котором пребывал сейчас, Макар Игоревич Гусарский по скорому попрощался и повесил трубку. Попросив Антона никому не рассказывать о его звонке.

Выкурив сразу несколько сигарет после звонка отца (у Антона не было оснований ставить под сомнение то что звонивший был его отцом), Антон Гусарский набрал номер Айзика Тимина, попросив срочно заехать за ним.

--Куда поедем?-все понял Айзик.

--К Боравиа,--сухо ответил Антон, нажав кнопку отсоединения.

.....
.....

Машина, выхватив фарами пошатнувшийся от времени забор, остановилась.

--Пойдем со мной,--попросил Антон, открывая дверь 'Нивы' Айзика.

На настойчивые удары в калитку никто не реагировал. Антон постучал еще. Айзик, улыбнувшись, полез через забор. Немного подумав, Антон последовал за ним.

Ставни были закрыты. По всему, или старика Боравиа не было дома или он спал мертвецким сном. В том, что с тем могло что-то произойти, Антону думать не хотелось.

Обойдя дом и не найдя никого, Антон с Айзиком стали искать старика в нескольких сараях и погребях, находившихся на участке. Вечерело. Надо было управиться затемно.

Старика нигде не было.

--Он должен находиться где-то здесь,--
обескуражено произнес Антон.

--Ты звонил ему?-поинтересовался Айзик.

--Куда?-зло произнес Антон. Он помнил, что еще в машине Айзик спрашивал о наличие у Боравиа телефона, предлагая позвонить тому, предупредив о их приезде. Антон тогда ответил, что телефона у старика не было. Поэтому вопрос Айзика и взбесил и разоружил Антона. Он понял, что Айзик или элементарно не догоняет ситуации или витаает в облаках, думая о чем-то своем. И в том и в другом случае это означало, что полагаться Антон мог только на себя. Впрочем, как всегда. Он давно уже привык, что окружающие большей частью заняты своими проблемами. И не всегда понимают то, что от них хочет Антон. А хотел он исключительной оперативности в разрешении поставленных задач. Поэтому, зло посмотрев на Айзика, велел оставаться возле дома, а сам перелез через забор, и пошел опрашивать соседей.

На удивление, никто из ближайших соседей Антону не открыл.

--Боятся,--спокойно подумал Антон, и закурил, обдумывая, что предпринять. Он настроился закрыть часть вопросов именно сегодня. И для этого ему был необходим старик Боравиа. Да и уезжать домой ни с чем не хотелось. Сутки они провели в дороге, вдвоем попеременно ведя автомобиль. Устали. Хотелось есть. Но больше всего хотелось найти ответы на вопросы, которые крутились в голове Антона. И на большинство из них мог дать ответ именно Лев Мигранович Боравиа. Если, конечно, Глеб Заречный не ошибся, когда говорил что Боравиа знает и про отца, и про Лисовского, и про то, почему вообще многое произошло в жизни известных Антону людей. Так что, по всему выходило, без старика Боравиа уезжать было нельзя. Можно, конечно, было уехать и без него. Но и в то же время уезжать было нельзя.

Антон еще раз постучал в калитку ближайшего соседа старика Боравиа. Это была калитка Кольки-безшабашника. Антон прочитал надпись с добавленными парой материнских слов на заборе, и вспомнил, как Глеб с юмором рассказывал, что старик Боравиа сватался к внучке Кольки-

безшабашника. Секунду подумав, Антон повис на заборе, вглядываясь, нет ли собаки. По всему, собаки не было.

Неожиданно Антон вспомнил, что Глеб предупреждал, что старик Боравиа завел кавказскую овчарку. Видимо собака исчезла вместе с хозяином. Антон перемахнул через забор и стал настойчиво стучать в дверь дома соседа Боравиа.

--Заходи,--услышал он раздавшийся сзади себя голос, и оглянувшись, замер от увиденного. На него смотрело дуло двустволки. Ружье держал высокий сухопарый старик, который по всему и был Колькой... у Антона вылетело из головы прозвище старика.

--Вы Николай?-спросил он, собравшись, и решив довести до конца то зачем пришел.

--Я то Николай, для тебя Николай Андреевич,-
-ответил старик.-А как тебя зовут, вор, не спрашиваю,--ответил старик.

--Да какой же я вор?--опешил Антон.-Я же стучал Вам, думал не слышите, отдыхаете...

--Ты мне зубы не заговаривай,--недовольно произнес старик.

--Да что ты, старик, совсем с ума выжил!- взорвался Антон.-Говорят же тебе, я ищу Боравиа Льва Миграновича. Хотел узнать у тебя, давно ли видел своего соседа?

--Ты из органов?-поинтересовался старик, опуская ружье.

--Ну, что-то типа того,--буркнул Антон, собираясь подойти к старику, но тот вскинул ружье, целясь в Антона.

--Если не опустишь оружие - сядешь,-- спокойно произнес Антон, немигающим взглядом уставясь старику в глаза.

--Не в первой,--усмехнулся старик, но ружье опустил.

Антон достал из пачки сигарету, предложив старику.-Закуришь?

Тот мотнул головой.

Антон закурил.

-Может ты расскажешь, что тут у вас происходит?-поинтересовался Антон.

--Зачем тебе нужен Боравиа?-спросил старик, в голосе которого Антон заметил любопытство.

--Мы так и будем разговаривать?-спросил Антон, кивнув на ружье старика, который тот явно держал наготове.

--Стоять, милиция,--раздался отчаянный крик Айзика за забором.-Бросай оружие - стреляю на поражение!

Старик резко оглянулся на крик, и в этот момент Антон хлестко ударил на скачке, пробив боковой в челюсть старика.

Тот рухнул как подкошенный.

.....

....

--Ну что, очнулся,--произнес Антон, который уже пожалел, что не соизмерил силу удара с возрастом старика, на которого Айзик выливал уже второе ведро из колодца.

--Сука,--глухо выругался старик.

--Не надо было ходить с ружьями,--наставительно произнес Айзик.

--А ты, щенок, заткнулся бы,--зло ответил старик.

--Это кто щенок?-подскочило к нему Айзик, намереваясь ударить сидевшего на земле старика ногой, но Антон, обхватив горячего кавказского парня сзади за корпус, легко отбросил того в сторону.

--Не время бить друг друга,--строго сказал Антон.-А ты, старик, расскажи нам, что тут у вас происходит и мы уедем.

--Что происходит,--передразнил старик.-А ты заглядывал в дом к Боравиа?-колючим взглядом посмотрел он в глаза Антона.

Тот переглянулся с Айзиком.-Ты попал в дом?-спросил он его.

--Нет,--честно ответил Айзик.-Дверь же закрыта.

--Закрыта,--передразнил его старик.-Это я прикрыл ее на щеколду. Надо было всего лишь повернуть ее...

--Зачем прикрыл?-не понял Айзик.

--Да чтоб звери какие на кровь не зашли,--пояснил старик.

--Какую кровь?-спросил Антон, и кивнув Айзику, чтобы тот проверил.

Через время Антон услышал истошный вопль Айзика Тимина. Бросив старика, Антон побежал на крик.

Айзик лежал в крови, на ступеньках. Над ним наклонился мужчина, вытиравший нож об куртку Айзика.

Антон не мешкая, метнулся к убийце.

В это время из двери дома старика Боравиа вышел еще один, который тут же среагировал на движение Антона, и резким движением что-то метнул в бежавшего навстречу Антона.

Антон увернулся на ходу.

--Стоять, сукины дети!-раздался грозный окрик Николая Андреевича.

Все трое замерли от неожиданности.

--Всем лечь на землю!-сухо распорядился старик.-Руки за голову. Ноги врозь.

В ту же секунду один из убийц кувырком перемахнул через перила вдоль ступенек, а другой метнулся к Антону. Антон инстинктивно среагировал на движение, крутанувшись в сторону, и замечая как убийца споткнулся об его ногу, но тут же вскочил и что-то кинул в Антона.

Антон закрался дверью, в которую вошел нож. Ножи были метательные, без ручки. Это потом уже рассмотрел Антон. Вынимая, в том числе нож и из груди убитого Николая Андреевича. В стволе его ружья не было патронов.

Двое убийц скрылись. Айзик оказался убит. Удар ножом пришелся ему прямо в сердце.

В доме Антон обнаружил труп старика Боравиа.

--Вероятно, убийцы зачем-то возвращались в дом,--подумал Антон.-Или затаились в самом доме... Поэтому Николай Андреевич, вероятно слышав крики и поспешив к соседу, их и не обнаружил. А потом возле дома стоял Айзик. И те тоже не могли уйти незамеченными и ждали, пока никого не будет. Ну, а когда Айзик во второй раз пришел в дом, получается, случайно столкнулся с убийцами. И оказался убит...--закючил Антон, заметив, что руки у него дрожат. Он смял сигарету. Тут же достал из пачки другую, закурил вновь. Антон в последнее время очень много курил. На пропаганду против курения он не обращал внимания, выкуривая иной раз по несколько пачек в день.

Нападавших Антон тоже узнал. Это были Бинго-Бонго и Читалунга. Наемные убийцы.

Глава 14

Задуманное Лисовским удалось. Правда, для реализации плана сообщникам Лисовского пришлось устроить в РОВД пожар. А в суматохе, одетые в пожарников преступники вскрыли сейф и извлекли необходимые документы, остальные вывалить в огонь. При этом оказался убитым сотрудник милиции, не вовремя появившийся в кабинете. Убили его, ударив по голове куском прута, которыми были вооружены преступники. Были у них и пистолеты. Но стрелять Вася-Портак наказал только в крайнем случае.

Лисовский мог торжествовать победу. Фактически у следствия не было к нему претензий и так. Но он хотел, чтобы никакой информации об убийстве Макара Гусарского и остальных не было вообще. И уж тем более, чтобы нигде не фигурировала фамилия Лисовский. Валентин

Евгеньевич трепетно относился ко всему, что касалось его. И лишние пересуды ему были ни к чему. А равно ни к чему и возобновление дела, которое, судя по нахождению в сейфе следователя, в архив сдавать пока не спешили. Или же, что уже было опасно, дело отправили на доследование в связи со вновь открывшимися обстоятельствами. Чего Лисовский допустить не мог, и мысленно благодарил себя за успех.

.....

.....

Лисовский листал собственное уголовное дело. В нем он выступал в качестве возможного свидетеля. Да и то инициатором подобного был исключительно Антон Гусарский, заявление которого было аккуратно подшито. Тут же Лисовский встретил постановление об отказе в возбуждении дела в отношении Валентина Евгеньевича Лисовского. Протестующее заявление Гусарского. Однако, судя по датам, Антон давно уже не протестовал.

--Решил выждать время и разобраться во всем сам,--понял Лисовский.

Тут же Лисовскому попало на глаза заявление Максакова. Лисовский давно уже понял, что должен убить этого негодяя, который, как оказалось, не только попутно вел собственное расследование, но и, используя связи в правоохранительных органах, добился, чтобы дело об убийствах Макара Гусарского и других объединили в одно делопроизводство и пустили на доследование. А адвокаты покойного Мусы Каримова доказывали, что в преступлениях, инкриминируемых их подзащитному, просто не могло быть тех убийств, которые по их заверениям совершил другой человек. И этим человеком, по мнению адвокатов, был... Лисовский Валентин Евгеньевич, 1959 года рождения, уроженец города Армавира Краснодарского края, проживающий по адресу, Санкт-Петербург, Лесной проспект... далее шли номера дома и квартиры. По этому адресу Лисовский на самом деле был только зарегистрирован (прописан). А где проживал, об этом иной раз не знал он и сам. Большею частью, конечно, жил в пригороде. Там было легче затеряться. В том

плане, что никто не обращал внимание на человека, живущего где-то за городом. Но и в Петербурге Лисовский, бывало, снимал квартиры. Больше всего ему нравился центр и прилегающие к нему территории. Одно время проживал он на улице Чайковского. Жил на набережной реки Мойки. Потом на Фонтанке. Снимал квартиру на Рубинштейна. Но больше всего ему нравилось у своего доброго знакомого, товарища по молодежной сборной страны по боксу, некоего Дмитрия Врубеля, который жил в доме на углу Невского и Литейного проспектов. Правда, несколько лет назад Дима Врубель был убит при загадочных обстоятельствах. Ходили слухи, что это было связано с антиквариатом, которым увлекался Дима. Лисовский тогда для успокоения совести нашел предполагаемых убийц. Обоих он вывез в лес и перерезал им горло, заставив умирать мученической, хотя и не долгой, смертью.

А потом узнал, что это не они. И тогда Лисовский убил тех, кто дал ему ложную наводку. После чего провел собственное расследование и нашел, как он понял, тех, кто был действительно повинен в смерти Врубеля. Это был депутат местного

загса, в прошлом бизнесмен, а еще раньше авторитет, который теперь ездил исключительно с большой охраной, и считал, что достать его будет невозможно.

Депутата (по совместительству бизнесмена и авторитета) убили Бинго-Бонго и Читалунга. Два неразлучных друга, киллеры высочайшего уровня, прошедшие когда-то подготовку в спецподразделениях КГБ СССР, подстерegli убийцу Димы Врубеля в загородном доме, и хладнокровно отрезали ему голову. Перед этим вырезав охрану в количестве десяти человек. Рядом с головой киллеры оставили записку, предварительно переданную им Лисовским. В записке было написано что это месть за убийство, совершенное когда-то депутатом.

Бинго-Бонго и Читалунга нанял Лисовский. Он давно уже дружил с ними. И в тех случаях, где не мог справиться сам - нанимал этих ребят. Которые работали не за деньги, а за дружбу. Хотя и определенные суммы денег Лисовский все равно переводил на их счета. Уже, получается, в качестве благодарности.

Часть 6

Глава 1

Антон Макарович Гусарский был преисполнен решимости отыскать своего отца, и переговорить с ним обо всем. Он понимал, что дело принимает излишне загадочный оборот. Особенно после убийства старика Боравиа, которого он совсем не понимал, за что убили.

После смерти сына изменился и Сосо Кибитович Тимин, который был преисполнен решимости не только найти убийц, но и отыскать заказчика. Чтобы убить, уже получается, всех.

Первым делом допросили Максакова. Связанного Максакова сначала долго били. Потом пытали раскаленным железом. Потом убили. Тот так и не смог пролить свет за загадочность убийств, в которых Тимин по ошибке обвинял его, получив информацию о связи Максакова с киллерами Бинго-Бонго и Читалунга. Никто не знал, где скрывались киллеры. Антон, который о них знал от Максакова,

после смерти Айзика поспешил рассказать отцу Айзика о своих предположениях. Люди Сосо Кибитовича нашли Максакова, но тот случайно умер во время пыток. У него остановилось сердце.

--Оказывается, у него было слабое сердце,--с сожалением подумал Антон, поймав себя на мысли, что ему совсем не жаль бывшего следователя, а ныне частного детектива. Ныне покойника,--поправил себя Антон, раздумывая над тем, кто должен был следующим. По всему, следующим был Лисовский.

Антон намеренно не назвал Тимину фамилию Лисовского, как возможного заказчика. Он по-прежнему был преисполнен решимости разобраться во всем самостоятельно. И для этого должен был найти Лисовского раньше, чем того найдут люди Тимина. Антон знал, что Тимин уже отдал приказ о поимке Лисовского. И от того, опередит ли Антон людей Сосо Кибитовича, зависела жизнь Лисовского. То, что с тем сделает Тимин, Антон не сомневался. После смерти сына Тимин был способен убить кого угодно. И могло даже так выйти, что одним из убитых со временем окажется сам Антон. У Антона уже были

подозрения, что Тимин в своей решительности идти до конца не остановится ни перед чем.

Неожиданно к Антону приехал сам Тимин. Антон знал, что делает подобное Сосо Кибитович в исключительных случаях. Когда что-то случится такое, где он оказывается бессилён в своём подсознательном желании 'управления миром'.

Сосо Кибитович буквально ворвался в редакцию, главным редактором которой пока ещё работал Антон, несмотря на предположения сотрудников, что Тимин, после смерти своего сына, значительно урежет финансирование, а то и вообще закроет газету.

--Что случилось?-обескуражено спросил Антон, понимая что вновь случилась какая-то беда.

Тимин швырнул на стол Антона конверт с вываливающимися из него фотографиями.

На фото было изображена смерть людей Тимина, которые занимались делом Лисовского, были причастны к убийству Максакова, ну и вообще, на которых, по заверениям Тимина, тот всегда мог положиться.

Теперь они были убиты. Все. Сначала киллер взорвал джип, в котором ехала охрана Тимина, расстреляв тех, кто выжил при взрыве. Потом подошел к Тимину, ехавшим во втором автомобиле, хладнокровно застрелил водителя и сидевшего рядом охранника, а после передал Сосо Кибитовичу, что если он не прекратит расследование - то его убьют.

А когда Тимин вернулся домой (до этого он направлялся в офис, но изменил решение), увидел подброшенный на коврик конверт с фотографиями. И с запиской, в которой неизвестный просил Сосо Кибитовича образумить Антона Гусарского и всех остальных. В обратном случае - со всеми будет то же, что и на фото.

--И что вы по этому поводу думаете?--
поинтересовался Антон.-Будем сворачивать расследование?

--Черта с два!--грубо выругался Сосо Кибитович.-Я тебе предоставлю охрану. Настоящих спецов, не тех которые...

--Если кому-то потребуется нас убить - убьют,--спокойно произнес Антон.

Тимин зло зыркнул на него.

Антон на удивление не смутился.

--Ладно,--махнул рукой Тимин.-Как я решил, так и будет. В течении получаса к тебе приедут мои люди. Теперь без них никуда.

--А Вы?- заинтересованно посмотрел на него Антон.

--А я сегодня на время уезжаю за границу,-- ответил Тимин.-Пока я здесь не нужен. Вы должны справиться без меня.

--Это Лисовский?-спросил Антон.

--Не думаю,--признался Тимин.-Судя по почерку, тут работает целая команда высококлассных специалистов. Да и какой смысл Лисовскому делать все это.

--Может у вас объявились конкуренты в бизнесе?-предположил Антон.

--Своих конкурентов я давно контролирую,-- отрезал Тимин.-Ты должен разобраться в этом деле, Антон. Я по отечески прошу тебя. В память о моем сыне.

--Сосо Кибитович,--посмотрел на шефа Антон.-Я этим делом все равно бы продолжил

заниматься. Я Вам говорил, что разговаривал со своим отцом?

Тимин внимательно посмотрел на Антона.

--По телефону,--продолжил Антон.

--Он тебе сам позвонил?

--Да.

--А с тем парнем, твоим однокурсником...

--С Глебом?

--Да, с Глебом, ты поддерживаешь связь?

Антон утвердительно кивнул.

--Чем он сейчас занимается?-спросил Тимин.

--В какой-то газете,--ответил Антон, решив пока не говорить Сосо Кибитовичу, что Глеб погиб.

--Занимается расследованиями?-усмехнулся Тимин.

--Ну, что-то вроде того,--произнес Антон, тоже усмехаясь.

--Ну хорошо,--встал Тимин.-У тебя номер счета все тот же?

Антон кивнул.

--Сегодня я на него переведу деньги, которые тебе могут понадобиться в расследовании,-- распорядился Сосо Кибитович.-Подкупай всех и вся.

Задействуй кого угодно. Мне необходимо, чтобы убийца предстал передо мной. Вот мой контактный телефон,--Сосо Кибитович продиктовал Антону номер.-Он включен 24 часа в сутки. Позвонишь, представишься, и тебя тут же соединят со мной.

--Все понял,--кивнул Антон.

--Давай, сынок,--обнял Антона Тимин.-Мы должны раздавить эту гадину.

Антон прижался к Сосо Кибитовичу.-Я все сделаю,--ответил он.-Вы на меня всегда можете рассчитывать.

Тимин внимательно посмотрел на Антона, словно запоминая его образ, кивнул, вышел.

После его ухода Антон закрыл железную дверь на железный засов, прошел в комнату, налил рюмку коньяка, достал сигару, и расположившись в кресле, стал обдумывать произошедшую ситуацию. По всему, игра принимала серьезный оборот. Вокруг Антона все чаще случалась смерть. Смерть, которая пока его обходила стороной. Но когда-то это закончится. И киллеры получат команду убить его.

А к этому невозможно подготовиться. А предостеречься от этого можно было только одним способом: найти заказчика раньше.

Глава 2

Вайнштейну не хотелось уезжать из России. Несмотря на то, что дом его был в Испании, а могила покойного брата в Греции (брата убили в России, спутав его с Максимом, они были близнецы), и казалось, ничто не удерживало Максима Вайнштейна на бывшей родине, он считал, что должен сейчас быть непременно здесь.

Так вышло, что оказались у Максима не отданные долги. Среди должников были те, кто убил его брата. Он уже нашел убийц. И расправился с ними (для этого Максиму пришлось значительно урезать финансирование собственной жизнедеятельности и снять довольно приличную сумму со счета в банке). Нашел он и заказчика. Но к заказчику пока было не подобраться. Он попросту не мог найти его. Получив

сведения кто был заказчик, Максим никак не мог добыть информацию где тот скрывался.

Кто был заказчиком? Некто Лисовский, Валентин Евгеньевич.

Еще были предположения, что в деле был замешан Максаков. Но информаторы сообщили, что Максаков уже убит. Кто-то опередил Максима. Вернее тех, кого он нанял для восстановления справедливости.

.....

.....

Последнее время Максиму Вайнштейну совсем не писалось. Он чувствовал, что осталось не выполненным задуманное дело. И пока он его не завершит - не успокоится. Не придет душевное спокойствие, необходимое для работы над рукописями. Поэтому Максим в который раз звонил тем, кого нанял для выполнения установления личности заказчика, просив ускорить расследование.

Частные детективы заверили Максима Израилевича, что практически уже вышли на след Лисовского.

--Ну, тогда уничтожьте его,-- взорвался Максим, у которого не было и тени сомнений в отношении того, как следует расправиться с тем, кто распорядился убить его брата. А фактически его, Максима Израилевича Вайнштейна, по ошибки спутав его с братом.

Детективы ответили, что все сделают, как было задумано.

Вайнштейн хотел, чтобы Лисовского сварили заживо. Ему было непременно необходимо, чтобы убийца ушел из жизни мученической смертью. Да и заодно, чтобы не осталось следов. Кости он распорядился скормить собакам.

--В духе Лисовского,-- усмехнулся частный детектив, который уже выяснил кое-что о деятельности Валентина Евгеньевича. Хотя, положив руку на сердце, и были в этом деле некоторые не состыковки. Ну, хотя бы то, что на время совершения всех преступлений Лисовский имел сто процентные

алиби. Подтвержденные, кстати, большим количеством людей.

Но Максим Вайнштейн торопил. Он уже был уверен, что во всем виноват исключительно Лисовский. Поэтому распорядился не медлить в осуществлении приговора.

--Я хочу присутствовать при смерти Лисовского,--позвонил Вайнштейн.

--Это ваше право,--ответили детективы, подумав, что было бы хорошо пристрелить самого Вайнштейна. Уж очень он им надоел.

Глава 3

Михайлову хотелось, чтобы все поскорее закончилось. Не в пример другим, этот человек ни за что бы ни посчитал себя каким-то странным, и уверенно отмел бы все подозрения, даже если кто-то усиленно ему попытался бы это доказать. Кто ему доказывал? Лисовский. Валентин Евгеньевич Лисовский встретился с Эльдаром Михайловым и стал доказывать тому, что необходимо Михайлову во

что бы то ни стало идти в правоохранительные органы и все рассказать о своей деятельности в бизнесе. В преступном бизнесе,--добавил Лисовский.

--Почему преступным?-не понял Михайлов.

--Ну как же?-удивленно посмотрел на него Лисовский.-Любой бизнес преступен.

--А вы знаете какой у меня бизнес?-внимательно посмотрел на него Михайлов.

--Нет. Но это не имеет значение,-- заявил убежденно он.-И вы, как вижу, это не понимаете.

--Не понимаю,--искренне признался Михайлов.-Видите ли, я действительно не понимаю что вы от меня хотите. Я почему-то считал вас другом. Ну, в крайнем случае, товарищем. А вы приходите ко мне, и пытаетесь отговорить меня же - зарабатывать деньги.

--Ну, предположим, денег у вас уже достаточно,--усмехнулся Лисовский.

Михайлов как-то странно на него посмотрел.

--Вы считали мои деньги?-поинтересовался он.

Лисовский кивнул, улыбнувшись.

Во взгляде Михайлова промелькнуло
обеспокоенное выражение. После чего он собрался и
нажал кнопку селекторной связи, вызывая охрану.

--Зря вы так,--спокойно произнес Лисовский,
поднимаясь (в кабинет заглянул охранник),--я
действительно пришел к вам как к другу. Хотел
предостеречь от ожидавшей вас участи.

--А вот с этого момента поподробней,--
усмехнулся Михайлов, махнув рукой охраннику,
который зашел в кабинет и сел на диван,
располагавшийся сразу у входа. Лисовский с
Михайловым сидели в креслах. Михайлов за своим
рабочим столом. Лисовский напротив.

--Продолжайте,--попросил Михайлов.

Лисовский бросил взгляд на охранника,
сделавшего безучастное ко всему происходящему
лицо, усмехнулся, посмотрел на Михайлова, достал
пачку сигарет.

--Курите, курите,--кивнул Михайлов, вставая
и открывая окно.

--Так на чем же мы остановились?-с
любопытством поинтересовался он.

--Мы остановились на том, что я предупредил вас, что если вы не перестанете заниматься преступным бизнесом - то в скором времени будете арестованы соответствующими органами. С последующим получением большого срока.

Михайлов приказал охраннику выйти.

--К чему весь этот балаган с охраной?-не понимающе признался Лисовский.-Чтобы показать мне, что у вас есть охрана? Так я знаю, что она у вас есть. Или тешите собственное самолюбие своей всесильностью? Так вы не всесилен. Я, например, в любую минуту могу уничтожить вас и вашу охрану.

Взгляд Михайлова скользнул по бокам Лисовского. Валентин Евгеньевич пришел в костюме. Пиджак подозрительно оттопыривался. Это привлекло внимание Михайлова.

Лисовский громко вздохнул, усмехнувшись.

--У меня оружие нет,--сказал он, успокаивая Михайлова.-Да и убить я вас могу голыми руками. Передушу как куропаток и тебя и твою охрану,--зло произнес он, переходя на ты.

Михайлов потянулся к кнопке вызова.

--Подожди, подожди,--рассмеялся Лисовский.-
Я не собираюсь ничего делать такого, чтобы тебе не понравилось. Тем более здесь и сейчас. Если бы хотел - сделал бы уже давно.

Михайлов скрестил руки, удивленно уставившись на Лисовского.

--Не понимаю, чего вы от меня хотите,-- признался Михайлов.

--Да чудак человек,--весело посмотрел на него Лисовский.-Я хочу предостеречь тебя. Поверь, не стоит заниматься тем, чем ты занимаешься. Твой бизнес преступен.

--Перестаньте мне тыкать!--взорвался Михайлов.

--...И ужасающ по своим размахам,--как ни в чем не бывало, продолжил Лисовский.

--Давайте так,--внимательно посмотрел на него Михайлов.-Если у вас есть какая-то информация, угрожавшая мне и моему бизнесу - назовите свою цену.

--Ну, вот это уже ближе к истине,--усмехнулся Лисовский.-Значит так. У меня действительно есть информация, что вашему бизнесу угрожает слияние с

неким господином, который в итоге заберет ваш бизнес, устроив вам, скажем, автокатастрофу.

Михайлов заинтересованно посмотрел на Лисовского.

--Вас интересует кто этот господин?--
усмехнулся Лисовский.-Пятьдесят тысяч долларов.

--Что?-не понял Михайлов.

--За пятьдесят тысяч долларов я назову вам его фамилию и расскажу, что он для вас приготовил. А также, если пожелаете, сам решу с ним вопрос.

--Уже за другие деньги?-уточнил Михайлов.

--Да,--кивнул Лисовский.-За дополнительное вознаграждение. Но хочу заметить - оно совсем ничто в сравнении с тем, что вам действительно угрожает. К тому же, если захотите, я приведу вам этого человека ('в указанное место, не сюда, разумеется',--весело произнес Лисовский, окидывая взглядом кабинет Михайлова), и вы сможете сами все узнать у него. Хотя вы уже наверное догадываетесь кто это?--
заинтересованно посмотрел на него Лисовский.

--Нет,--мотнул головой Михайлов.

--Понимаю,--улыбнулся Лисовский.-Не хотите называть имена ваших деловых партнеров... Да я о

них знаю,--кивнул он, продолжая улыбаться.-С
вашего позволения, направляясь к вам, мне пришлось
собрать кое-какую информацию о вас и вашем
бизнесе. Как только я узнал что вам угрожает беда,
тут же понял что должен предостеречь вас от
опасности.

Михайлов молча смотрел на Лисовского.

--Мне сказать вам, что пятьдесят тысяч для
вас небольшие деньги?-участливо посмотрел он на
него.

Михайлов усмехнулся.

--Или вы никак не можете поверить, что вас
ожидает беда?-спросил Лисовский.-Ну тогда
посмотрите вот эти фотографии,--Лисовский передал
Михайлову фотографии уничтожения охраны
Тимина.-Это смерть личных телохранителей одного
из ваших предполагаемых партнеров по бизнесу.

Михайлов бросил на Лисовского
обеспокоенный взгляд, уткнувшись в фото.

--Хотите узнать кто это?-спросил Михайлов.

--Я знаю, кто это...--обескуражено произнес
Михайлов.

'Узнал по номерам машинам',--подумал Лисовский.

--Я видел этих людей в окружении, если не ошибаюсь, Сосо Кибитовича Тимина,--отложив фотографии, задумчиво ответил Михайлов.-Но здесь нет его,--он снова стал рассматривать фото.-Тимину удалось уйти?

--Насколько мне известно, задание было только припугнуть Тимина,--признался Лисовский.- Неужели вы считаете, что ему бы дали уйти,--с удивлением посмотрел на Михайлова Лисовский.

--Да, да, я понимаю,--обеспокоено произнес Михайлов.

--Все правильно,--кивнул Лисовский.- Работали профессионалы высочайшего уровня.

--Вам как будто нравится смаковать подробности,--посмотрел на него Михайлов.

--Да нет, увольте,--отмахнулся Лисовский.- Просто мне станет обидно, когда я узнаю, что нечто подобное произошло с вами. Только уже с вашей смертью... Ведь я же вас предупреждал...--задумчиво произнес Лисовский.

--Я согласен,--сказал Михайлов.-Когда я должен передать вам деньги?

--Утром деньги - вечером стулья,--усмехнулся Лисовский.

--Понял,--кивнул Михайлов.-Подождите меня здесь,--он встал и вышел из кабинета. В кабинет вошел и сел на диван охранник, с безучастным видом уставившийся в пол.

Лисовский усмехнулся, и стал смотреть в окно.

Михайлова не было минут пять. Войдя в кабинет (охранник сразу вышел), он подошел к Лисовскому, и положил на стол перед ним пятьдесят тысяч долларов. Рядом он положил еще столько же.

--А это за то, чтобы ликвидировать негодяя,--сказал он.

--Вы хотите смотреть как он погибнет?- уточнил Лисовский, убирая деньги во внутренний карман пиджака.

--Нет,--мотнул головой Михайлов.-Мне будет достаточно, если его не станет.

--Хорошо,--кивнул Лисовский.

--Так кто же это?-нетерпеливо спросил Михайлов.

--Тимин,--спокойно сказал Лисовский.

--Тимин?-переспросил Михайлов.-Сосо Кибитович Тимин?

--Да,--ответил Лисовский.

--Причина?

--Он считает, что это вы инсценировали покушение на него,--ответил Лисовский.

--Я?-не понял Михайлов.

--Вы,--внимательно посмотрел на него Лисовский.-Тимин получил информацию, что это вы. Решая подстраховаться в ответ на полученную информацию об угрозе со стороны Тимина Сосо Кибитович.

Михайлов все понял.

--Сука,--закричал он, бросившись на Лисовского.

Тот коротко пробил Михайлову в подбородок. А потом сделал то же самое влетевшему охраннику.

Охранника он на всякий случай связал.

А Михайлова усадил в кресло и плеснул в лицо водой.

--Ну что вы так неаккуратно?-пожурил его Лисовский.

Михайлов обвел глазами кабинет, вздрогнул, увидев связанного охранника.

--Вы не правильно меня поняли,--как ни в чем не бывало, сказал Лисовский.-Я с Тиминым не виделся и никакой информации ему не давал. Наоборот, как только я получил информацию о готовящемся покушении на вас - тут же поспешил к вам, дабы донести эту печальную новость.

--Извините,-- произнес Михайлов.

--Да с кем не бывает,--по отечески заверил его Лисовский.-Он действительно казался чуть ли вдвое старше Михайлова. Хотя разница между ними составляла от силы лет десять.

--Оставьте деньги себе,--медленно произнес Михайлов.-С Тиминым ничего не делайте. Я сам решу вопрос.

--Как скажете,--ответил Лисовский, вставая.- На все, как говорится, воля ваша.

Лисовский вышел из кабинета, подмигнув медленно приходившему в себя охраннику, который сидел на полу и мотал головой. В момент, когда мимо

него проходил Лисовский, он сделал неуверенную попытку потянуться к нему. Лисовский среагировал на движение, ударив ногой. Охранник протяжно завыл. Лисовский ударил еще. Тот замолчал.

--И Эльдар Сергеевич,-- повернулся Лисовский к обескуражено взирающему на все происходящее Михайлову.-Смените вы наконец охрану. Есть же профессионалы. К чему это мясо?

Лисовский усмехнулся и вышел.

А Михайлов, обхватив голову, остался сидеть в кабинете. Ему о многом надо было подумать. Жизнь снова поворачивалась к нему своим оскалом. И надо было к этому подготовиться...

Глава 4

Так выходило, что Антон Гусарский мало кому верил. Когда подобное с ним произошло первый раз, он как-то не задумывался чтобы это значило. Просто в какой-то момент он понял, что верить по настоящему должен только себе. Хотя и с удовольствием прислушивался к советам других. И

часто даже этими советами руководствовался в жизни. Словно потому, что так делать необходимо. Иной раз он действительно играл в игры, предлагаемые судьбой. По ее, судьбе, правилам. И уже можно было сказать, что Антон не ошибся в своем интуитивном предчувствии ситуации. Поступая так, словно так и должно быть. Нисколько не мучаясь сомнениями и тем более никогда не испытывая неуверенность в совершаемых поступках.

Можно было даже сказать, что он принимал жизнь такой, какой она была. Без прикрас, если ему казалось что подобных прикрас быть не должно. Или наоборот - возвеличивая значение чего-то случайного в своей жизни до небывалых размеров. От чего сам потом, бывало, забавлялся наступившим моментом. Считая... Впрочем, о чем он на самом деле считал, порой было великой загадкой и для него. Хотя и Антон стремился к тому, чтобы таких загадок в его жизни было как можно меньше.

Значило ли это, что Антон стремился сделать так, чтобы жизнь текла по какому-то шаблону? Наверное, да. Ну, или скорее да, чем нет. Он действительно чувствовал себя намного спокойнее

когда знал, что в ближайшее время ничего судьбоносного в его жизни не произойдет. И все останется так, как прежде.

.....

.....

В деле Лисовского Антон окончательно запутался. Если ранее он почти безоговорочно считал его убийцей, то сейчас у молодого человека появились сомнения в этом. Не потому, что он нашел какие-то детали, исключаяющие свое вчерашнее мнение его об этом человеке. Нет. Просто уж очень тщательно ему приходилось в последнее время сопоставлять имеющиеся у него факты, чтобы признать достаточно удивительную деталь: Лисовский был удивительно схож с ним. Ну, или он, Антон Макарович Гусарский, неким таинственным образом походил на Лисовского. Что, признаться, первое время Антона даже немного удручало. Пока он решил не смириться с сим фактом. Хотя бы до того момента, когда во всем окончательно разберется.

Пока разобраться не представлялось возможным. И начатое им когда-то дело Лисовского сейчас казалось Антону еще запутаннее, чем оно было раньше. И чем, можно предположить, было на самом деле.

.....

В один из дней Антон стал уж слишком явственно искать встречи с Валентином Евгеньевичем. Он уже не сомневался что встреча с этим человеком способна пролить свет на ряд вопросов, которые по иным критериям вполне могли считаться и ключевыми. Хотя Антон допускал что может ошибаться.

.....

.....

Иван Леонидович Бурмин по жизни и по роду своей деятельности был довольно странным человеком. Хотя и вся странность его нисколько не вызывала в нем самом каких-то тревог и волнений.

Бурмин был всегда спокоен. И ответственен за жизни вверенных ему людей. Притом что, по сути, людей-то рядом с ним особенно никогда не было. Был Бурмин замкнут и не разговорчив. Одиночество предпочитал шумной компании. И при этом сфера занятости его протиралась исключительно в области человеческих взаимоотношений. Бурмин, которому недавно исполнилось пятьдесят три года, во время советской власти работал в обкоме комсомола. С 1991 года по накатанной товарищами по партии схеме занимал ряд ответственных постов. В других, правда, партиях. Но с начала нового тысячелетия, уже как семь лет Бурмин занимался исключительно так называемым сводничеством. Он сводил людей бизнеса друг с другом. У Бурмина оказались довольно обширные связи. И он решил, что глупо было бы этим не воспользоваться.

И стал пользоваться. Извлекая из подобного немалый капитал. Как минимум достаточный, чтобы позволить себе купить неплохой автомобиль, квартиру, дачу, периодически ездить отдыхать во Францию и Италию. И чувствовать уверенность в завтрашнем дне.

Как уживалось в этом человеке стремление к одиночеству и ведению по сути затворнической или полузатворнической жизни и столь бурное общение, в которое он иной раз пускался, так тут была некоторая загадка. Загадка для тех, кто задумывался об этом. Для самого Бурмина все было практически ясно. Состояние его души - это то, что, как говорится, и было для души. А все эти своднические операции, во время которых он, иной раз, должен был контактировать с большим количеством людей - это бизнес. Ну или аналог его. Работа, в общем. И Бурмину, как человеку старой закалки, довольно успешно удавалось разделять личное и общественное. Не испытывая при этом какого-либо дискомфорта. Да и вообще -- радуясь жизни. Хотя иной раз от этой жизни Бурмин уставал. И тогда он брал билет куда-нибудь за границу и отдыхал.

Для него в таких случаях главным было переключить свой мозг на другой род деятельности. Этим объясняется, что за границей он не установил ни одного делового контакта. И время проводил в

путешествиях по музеям, галереям, выставкам Запада. Нисколько не поддаваясь его тлетворному влиянию, как, бывало, пугали Бурмина при советской власти.

При советской власти Бурмин за границей был два раза, и только в странах дружественного соцлагеря, в Польше и Чехословакии. Чехословакии теперь не было. Польша как будто стала совсем не дружественная. Хотя политикой Бурмин больше не занимался. Он занимался бизнесом. На американский манер любое зарабатывание денег Бурмин называл бизнесом. Хотя ему и не очень нравилось это слово. Сказывалась его былая преданность идеалам строительства коммунизма. Да он и до сих пор, если честно, еще верил в коммунизм. И почему-то был уверен, что идеи Карла Маркса еще могут быть востребованы в современном мире. Хотя и опасался с кем-нибудь вступать по этому поводу в серьезные дискуссии. Время стало другое. Теперь стало опасно слишком положительно высказываться о Марксе, Энгельсе и Ленине. Притом что в свободное от работы время Бурмин продолжает штудировать труды основоположников марксизма. И удивительным образом находить преемственность с жизнью в новой

России. В России, выбравшей капиталистический путь развития. Со всеми теми опасностями, о которых предупреждали когда-то Маркс и Энгельс.

С художественной литературой обстояло похуже. Бурмин оказался не в состоянии читать что-либо с художественным вымыслом. И помимо философски-революционных трактатов основоположников марксизма-ленинизма, читал Бурмин философов-классиков или мемуары.

К мемуарам Бурмин относился трепетно. Он, бывало, томами проглатывал чьи-либо воспоминания о лучшей жизни. Ведь прошлое всегда казалось лучше, чем какое-либо настоящее,--понимал Бурмин, всецело одобряя высказывания тех или иных авторов.

.....

.....

Антон Гусарский познакомился с Бурминым случайно. В библиотеке. При том что ни тот ни другой по библиотекам не ходили (предпочитая книги иметь в собственности), а тут сошлись в поиске издания, которого нигде не могли найти. Причем, зачем им

оказалась необходима эта книга, ни тот ни другой более-менее ясного ответа не дали. Книга называлась... Книга носила одновременно и странное и запрещенное название. Запрещенное в стране победившего капитализма. Но на тот момент оказалась действительно нужна Бурмину и Гусарскому. Которые встретились случайно, и неожиданно для себя разговорились. При этом и тот и другой к случайным знакомствам относились весьма скептически. Предпочитая общаться с более-менее проверенными людьми. А тут...

Странности в поведении и того и другого продолжались. Бурмин пригласил Гусарского в ресторан. При этом сам он в ресторан ходил весьма неохотно. И только исключительно с целью деловой необходимости. А тут изъявил желание пообщаться с Гусарским непременно в ресторане. Они сняли кабинет, заказали много разных блюд, взяли алкогольные напитки (ни тот ни другой спиртным обычно не злоупотребляли), и у них началась беседа. Беседа в лучших традициях русского застолья.

После ресторана мужчины поехали к девочкам. Потом снова пили. И только под утро

уснули прерывистым сном людей, чувствующих, что у них еще остались недоделанными дела.

.....

.....

Произошедшее на самом деле могло показаться странным кому угодно, но только не тем сторонним наблюдателям, которые, собственно, и инсценировали подобную встречу. Некто Васильев, Аристарх Игнатьевич проводил свой очередной психологический эксперимент. Был Васильев кандидатом наук. Преподавал в ряде вузов северной столицы. Внешность имел богобоязненную. Можно даже сказать ущербную. И был бы, наверное, опасен как раз этой ущербностью. Если бы сам считал так.

Но так он не считал. И, несмотря на весьма неказистую внешность, был преисполнен решимости идти в удовлетворении собственных амбиций до конца. До победного конца. И проводил, в общем-то, достаточно интересные эксперименты. Все они были направлены на манипулирование психикой индивида. Расставляя те или иные ловушки. В которые и

попадали доверчивые и ничего не подозревавшие граждане.

Впрочем, своими знаниями Васильев не злоупотреблял. И применял их исключительно в целях продвижения науки к новым вершинам. К которым стремился и сам Васильев.

Одним из вариантов, входящих в эксперимент, Васильев считал встречу четверки: Антона, Бурмина, Бинго-Бонго и Читалунга. Встретились все четверо как бы случайно. Не зная, что подобная встреча оказалась подстроена Васильевым. Который давно уже следил за Антоном Гусарским. Считая этого человека вполне пригодным для проведения целого ряда исследований.

Васильев знал и Бинго-Бонго. С Читалунгой он познакомился позднее. Причем при весьма любопытных обстоятельствах. Читалунга, или Андрей Маврыкин, подрабатывал на съемках одного порнографического фильма. И фильм оказался бы так себе, если бы не участие в нем мускулистой фигуры Маврыкина, который, впрочем, снимался под своим излюбленным псевдонимом Читалунга, да еще вероятно в него оказался влюбленным оператор,

который снимал определенные части тела Читалунга под разными ракурсами, с каким-то трепетным отношением выделяя и возвеличивая их. При этом без надежды на какие-либо ответные чувства со стороны Читалунга, который был увлечен исключительно женщинами. И видимо как раз это увлечение его наряду с гиперсексуальностью и заставила Читалунгу принять приглашение и сняться в порнофильме.

Бинго-Бонго (Сергей Лихтенштейн) в фильмах не снимался. Но если позволяло время - присутствовал на съемках. Исключительно в качестве неразлучного друга Читалунга. И напарника того по криминальному бизнесу. И тот и другой были высококлассными киллерами, бравшись за любые трудные дела и выходя всегда победителями.

Васильев уговорил Бинго-Бонго и Читалунга встретиться с Антоном Гусарским, и помочь тому в решении ряда проблем, связанных...

--Он вам сам обо всем расскажет,--улыбнулся Васильев.-Ваша задача вызвать Гусарского на контакт. Сможете?-Васильев внимательно посмотрел

на товарищей по невидимому оружию, которым обладал каждый из них.

--Нам было бы легче, если бы вы сразу сказали кого надо убрать,-- предположил Читалунга.

--Да, дайте нам такое задание, и мы все выполним,--попросил Бинго-Бонго.

--Расценки наши вы знаете,--вторил ему Читалунга.

--Вы убьете тех, о ком вам расскажет Гусарский,--стоял на своем Васильев.-И без самодеятельности. Иначе я сделаю так, что у вас больше никогда не будет заказов.

Неожиданно Бинго-Бонго взял Васильева на удушающий прием, а подсочивший Читалунга сымитировал несколько ударов ножом в живот Васильева.

--Что вы себе позволяете!--выругался Васильев, когда друзья, хохоча, его отпустили.

--Да ладно, Игнатич,--улыбнулся Читалунга.- Сделаем все в лучшем виде.

--Не переживай, Игнатич,--вторил ему Бинго-Бонго.-Ошибка мы не совершаем. Все сделаем, как скажешь.

--Мы же пошутили,--восторженно произнес Читалунга.

--Давайте без самодеятельности,--попросил Васильев.-Вот вам каждому по десять тысяч долларов.

--За работу?-уточнил Бинго-Бонго.

--Для поддержания штанов,--серьезно произнес Васильев.-В случае успешного выполнения работы каждому на счет будет переведено по пятьдесят тысяч евро.

--Ого!--присвистнул Бинго-Бонго, переглянувшись с товарищем.

--За что такая щедрость, Игнатич?- поинтересовался Читалунга.

--Наверное, много кого придется убрать,-- предположил Бинго-Бонго.

--Ну, вам не привыкать,--ответил Васильев, внимательно посмотрев на обоих друзей.

--Да не переживай,--хлопнул его по плечу Читалунга.-Сделаем все в лучшем виде.

--Да,--усмехнулся Бинго-Бонго.-Убьем всех.

--Кого скажешь - того и убьем,--вторил ему Читалунга.

--Ребята,--строго посмотрел на них Васильев.-
Я понимаю, что смех защитная реакция, но прошу
отнестись к делу со всей серьезностью. Могу
предположить, что вашим противником будет некто
Лисовский. Человек владеющий системой
рукопашного боя не хуже вашего. И имеющий
большую команду единомышленников. Которые
также как и вы способны убить любого. Да и, по сути,
видимо этим всю жизнь и занимаются.

--Тогда не мало ли нам денег?-посмотрел на
Читалунга Бинго-Бонго.

--Мало,--кивнул тот.-Денег всегда мало.

--В случае удачного завершения дела на ваши
счета будет перечислено еще по двести тысяч евро,--
ответил Васильев.-Все, что будет до этого - аванс.

--Ну, тогда другой разговор,--кивнул
Читалунга.

--Серьезное дело предлагаешь,--улыбнулся
Бинго-Бонго.

Но Васильеву было не до смеха. Он понимал,
что если Бинго-Бонго и Читалунга провалят
операцию, то подставят тем самым под удар жизнь
уже его, Аристарха Игнатьевича Васильева. Но с

другой стороны, и специалистов лучше них у Васильева не было. Да и он умел рисковать. А когда это было нужно - принципиально не принимал других решений.

Это был твердый и уверенный в себе человек. Внешняя его мягкость была только маской. Внутри он был тверд как камень. И такой же упертый в достижении задуманного. Ну а о том, что Гусарский расскажет Бинго-Бонго и Читалунга о Лисовском, он знал. Васильев умел просчитывать поведение людей. Считая большинство из них полноправными участниками своих экспериментов. Пусть и чего-то такого Васильев старался не произносить.

.....

.....

Бинго-Бонго и Читалунга узнали Антона Гусарского. Но тот узнать их не мог (они были в масках). Хотя и все правильно рассчитал. Киллеры не могли предположить что уже не раз попадали в зону внимания Антона Гусарского, который собирал сведения о возможных исполнителях заказных

убийств. К нему в руки даже попал видеоролик тренировок Бинго-Бонго и Читалунга. Поэтому, когда те убили Айзика, старика Боравиа и соседа старика, Антон уже знал кто они. Предпочитая, правда, оставить свои знания 'на потом'.

.....

.....

Киллеры не понравились Бурмину. По своим каналам он тоже выяснил кто они. Вести о неразлучной парочке, с легкостью выполнявшие самые трудные операции по уничтожению населения, давно витала в городе на Неве. Притом, что зона действий интересов Бинго-Бонго и Читалунга простиралась далеко за пределами родного города (жили они, кажется, в пригороде). Ряд убийств киллеры Бинго-Бонго и Читалунга совершили на территории бывших советских республик, в Прибалтике, Литве, Эстонии, Беларуси, Таджикистане. А также во Франции, Голландии, Бельгии, Дании, Арабских Эмиратов, Кубе, Германии и США. В США друзья вообще убивали с какой-то

поразительной жестокостью. Они резали и кромсали тела жертв, взрывали автомобили, расстреливали кортежи с охраной. За границей Бинго-Бонго и Читалунга уничтожали в основном бывших преступных авторитетов. Действовали по приказу КГБ, в спецотделе которого до сих пор состояли. Отдел специализировался на уничтожении уголовных авторитетов. Как лучшим сотрудникам, Бинго-Бонго и Читалунга доверяли проведение операций за границей.

.....

.....

Разговора с Антоном не получилось.

Обеспокоенный Васильев уже было стал искать, в чем он ошибся, просчитывая поведение Антона, как достаточно быстро понял, что связано это с тем, что Антон каким-то образом узнал киллеров.

--Где вы прокололись?-сурово задал он им вопрос.

--Да он не мог нас узнать,--произнес Читалунга.

--Все подрабатываете на стороне,--недовольно произнес Васильев. Подполковник спецслужбы Васильев сам когда-то разрешил им подрабатывать. В последнее время работы было уже не так много. Основная верхушка сбежавших на запад преступников была уничтожена. Оставался, конечно, еще ряд персонажей. Но пока приказа об их уничтожении не поступало. И тогда-то, чтобы не сидеть Бинго-Бонго и Читалунга без работы, а заодно повышать свое мастерство, Васильев разрешил выполнять ряд не связанных с организацией заданий.

--Значит прокололись,--устало произнес Васильев.-Дело Боравиа?-предположил он, задумавшись.

--Да,-- сказали Бинго-Бонго и Читалунга, еще раз удивившись прозорливости своего непосредственного начальника.

--Ладно,--махнул рукой Васильев.-Что-нибудь придумаем. Пока наши люди следят за Гусарским. И за Лисовским тоже. Когда вы будете нужны - вызову. Пока можете отдыхать.

Бинго-Бонго и Читалунга по-военному отдали честь, щелкнув каблуками спецназовских ботинок,

развернулись и ушли. Они давно уже скептически относились ко всему, что связывало их со службой. Поэтому не упускали возможности иной раз продемонстрировать показное рвение. Как бы в шутку. Юмор они любили.

Глава 5

На удивление интересные дела происходили вокруг Лисовского. Он вдруг стал подозревать что совсем не понимает сути происходящего. Вроде как еще недавно все его считали виновником больших людских трагедий, и вдруг встречается с ним Тимин, Сосо Кибитович, и предлагает вечную дружбу. Потом встречается с ним Максим Вайнштейн. И другими словами, но с единым общим смыслом говорит о том же, что и Тимин. Предлагая кроме того объединиться в борьбе с невидимым врагом. Намекая, что он, Лисовский, как раз об этом враге хорошо знает.

--Если бы так,--вздыхает Валентин Евгеньевич, но тут же понимает, что до его вздохов нет никому дела. А всем вдруг непременно становится

важно одно: поддержка Лисовского. Против кого? Вопрос. В слух фамилия возможного врага не произносится, но как бы предусматривается что Валентин Евгеньевич Лисовский понимает о ком идет речь. И необходимо только его согласие и желание помочь. И тогда уж точно они с этим невидимым врагом справятся.

--Да кто враг-то?-воскликает Валентин Евгеньевич, понимая, что еще немного и он уже запутается настолько, что дальше понять будет и вовсе ничего невозможно.

--Да как же?-поражаются те, кто только что напрашивался в друзья, и убегают, на ходу оборачиваясь, и обзывая Лисовского всякими нехорошими словами.

А он и не пытается их догонять. Но стоит ему подумать об этом, и какая-то неведомая сила подхватывает Валентина Евгеньевича. И вот он уже как будто и настигает своих жертв. Которые в страхе останавливаются на месте, съеживаются и превращаются в пыль

--Странный сон,--подумал Лисовский, просыпаясь к обеду и вспоминая, что ему снилось.

Каждый раз ему снились в чем-то похожие сны. С общей, так сказать, идеей. Идея эта заключалась в победе над врагами. Причем, к числу врагов причислялось слишком большое количество народа. Были там даже те, кого Валентин Евгеньевич видел в своей жизни мельком. И которые уж точно врагами становиться его были не должны. Не было общих интересов, которые можно было бы поставить под сомнение.

Вообще же, если разобраться, нынешнее состояние Лисовскому не очень нравилось. И не потому, что возникало в его жизни много каких-то неразрешимых противоречий. Скорее нет, чем да. Вероятная же причина заключалась в другом. Лисовский попросту устал. Устал запутывать жизнь. Устал замечать следы. Устал доказывать своим поведением невидимому оппоненту, что он ни в чем не виноват. Да и, по большому счету, подобное доказывать Валентин Евгеньевич пока серьезным образом и не пытался. Ну, знал он, что по следу его идет Антон Гусарский. Знал, что подозрения в его причастности к убийствам есть у Сосо Кибитовича Тимина. Знал, что кое-кто готов приписать ему смерть

Максакова. Да и Вайнштейн, видимо, жаждет отомстить за брата.

--Если так посчитать - полмира готово ополчится против меня,--усмехнулся Валентин Евгеньевич.-И вот ведь что любопытно: совсем нельзя сказать, что они не правы. Хотя и о том, что правы, говорить тоже, вроде как, слишком рано.

.....

.....

Лисовский заметил, что в последнее время он стал чаще задумываться о жизни. Словно бы та накладывала на него такие обязательства.

Размышлять.

Притом что в самих размышлениях не было чего-то странного, необычного, или плохого. Любую мыслительную работу Лисовский любил. Ну, или она ему нравилась, если принимать во внимание, что Валентин Евгеньевич не очень охотно включал в свой лексикон слова связанные с любовью, обозначением любви, в общем, проведением какого-либо ассоциативного ряда со словом любовь. И не то, что

это было ему неинтересно. Просто образовывались при слове 'любовь' у Валентина Евгеньевича какое-то подозрительное табу. И достаточно трудно ему было преодолевать себя. Хотя и понимая, что ничего не произойдет, если он кому-нибудь признается в любви.

И по всему выходило, что вроде как и должен был Валентин Евгеньевич задумываться о том, что происходило вокруг. Участником каких событий он становился волей обстоятельств. Да не хотел он думать об этом. Может чего-то опасался, а может просто не желал.

Странное время наступало для Лисовского. Ощущал он, что находится на пороге каких-то поистине удивительных и быть может даже увлекательных событий. И все что ему оставалось - это ждать, когда эти события произойдут.

А в том, что должны будут произойти, он нисколько не сомневался.

Глава 6

Эльдар Сергеевич Михайлов задумался, отчего в последнее время вокруг него происходит много столь загадочных событий, большинству из которых он пока не может найти объяснения. Если разобраться, иногда он не мог найти объяснения ничему. Ну, например, как объяснить тот факт, что на следующий день после разговора с Лисовским Эльдар Сергеевич уехал за границу и неожиданно встретил там... Сосо Кибитовича Тимина. Причем тот к нему подошел сам, и можно сказать, принял как родного. Особенно если предположить что Михайлов приехал к Тимину специально. Но ведь специально он к нему не приезжал. Более того, он фактически и уехал за границу, чтобы переждать смутное время. А тут такое...

Тимин подошел сам. В ресторане, куда Михайлов зашел перекусить.

--Дружище!--обнял его полупьяный Тимин.- Столько событий происходят в России, а мы с тобой сидим тут, в этой дыре...

Михайлов неожиданно подумал, что в Санкт-Петербурге видел Сосо Кибитовича пару раз, и даже не был толком уверен, что тот его знает. Поэтому

когда Лисовский что-то сказал про совместные интересы Тимина и Михайлова в бизнесе, Эльдар Сергеевич не перебил его, бессознательно надеясь узнать что-то, чего пока не знает. И ведь не сказать, что тогда он Лисовскому не поверил. Но, судя по спешному отъезду за рубеж (причем на неопределенный срок), можно было предположить, что Михайлов чего-то испугался. И решил отсидеться до времени. Надеюсь, что к его приезду все образуется само собой. А тут столь неожиданная встреча...

--...Ты меня совсем не слушаешь,--прервался Тимин, до этого о чем-то убежденно рассказывающий.

--Слушаю-слушаю,--быстро произнес Михайлов. Он был вежливым молодым человеком. И предпочитал ни при каких обстоятельствах не находить себе врагов. Даже из-за пустяка. Понимая что лучше дружить. И по возможности со всеми.

--Так я и говорю,--посмотрел на него Тимин.- Присмотрел я тут один заводик. У меня вроде как другое направление бизнеса, но чем черт не шутит. Почему бы не попробовать. Ты как считаешь?

--Что?-не понял Михайлов.

--Ну я говорю - вложить деньги не желаешь?

--Боюсь, у меня нет столько денег,--мягко
сказал Михайлов.

--Да какие там деньги,--махнул рукой Тимин.-
Хотя...--он с недоверием посмотрел на собеседника.-
По моей информации средства, достаточные для
вложения, у вас есть. Или это не так? Вы разве не
обеспеченный человек?

--Да какая там обеспеченность,--театрально
развел руками Михайлов. Но от Тимина не скрылось,
что Эльдар Сергеевич был доволен подобным
мнением о себе.

--Бойтесь повторения старых времен?-
серьезно произнес Тимин, внимательно посмотрев на
Михайлова.-Так они уже не вернутся. Все ушло в
прошлое.

--В нашей стране никогда по-настоящему не
знаешь что ушло, а что только начинается,--признался
Михайлов.

--Или начнется вновь,--добавил Тимин.

--Что?-не понял Эльдар Сергеевич.

--Я говорю, что старые времена уже не
возвратятся,--уверенно произнес Тимин.-Для этого мы

с вами и трудимся на ниве бизнеса. Или не так? -
посмотрел он на Михайлова.

--Не так - что? - с вызовом взглянул ему в глаза Михайлов.

--Да что вы, право? - Тимин сделал удивленное лицо. - Подсел к вам как к старинному приятелю. Можно сказать - товарищу. А вы из себя разыгрываете графа Монте-Кристо.

--Какого графа? - не понял Михайлов. - Ах, да, -- поспешно ответил он, поймав недовольный взгляд Тимина. - Простите меня. Много навалилось в последнее время. Видимо устал.

--Да ничего, молодой человек, -- искренне (и доброжелательно) ответил Тимин. - Как говорится - какие наши годы.

--Да-да, -- кивнул, прикусив губу Михайлов, подумав про себя, а не рассказать ли сейчас Тимину про все, что услышал он от Лисовского? И уже по реакции собеседника...

--По реакции такого старого лиса ни о чем не догадаешься, -- тут же подумал Михайлов. Решив, что если судьбе уготовано чтобы он действительно

поделился с Тиминым всем, что узнал от Лисовского, он с ним еще встретится. Если нет...

--Ну хорошо,--все понял Тимин.-Если захотите меня увидеть - я остановился в гостинице... Он назвал название гостиницы. Михайлов отметил, что где-то он уже это название слышал. И постаравшись не показывать своей заинтересованности в будущей встрече, встал и протянул Тимину руку.

--Будьте здоровы,--крепко пожал протянутую руку Тимин.-Как говорится, живы будем - не помрем.

--Да уж,--подумал Михайлов, улыбнувшись.

После ухода Тимина, у Михайлова появились первые сомнения относительно того, к чему он затеял весь этот балаган, и почему ему было сразу обо всем не переговорить с Тиминым. По крайней мере, сомнения бы рассеялись,--сказал сам себе Михайлов.

Это были последние его слова. Проходящий мимо мужчина, поравнявшись с его столиком, выстрелил в Эльдара Сергеевича несколько раз. Последний выстрел пришелся в голову. Михайлов был мертв.

Глава 7

Бурмин поспешил опередить посланных Васильевым киллеров и встретиться с Лисовским. Цель? Рассказать Лисовскому об угрожавшей ему опасности. Зачем? Все просто. Бурмин считал что должен пользоваться любыми возможностями, дабы приумножать свое богатство. Богатство он зарабатывал. Заработать мог -- сводя одних людей с другими. У Бурмина были обширные связи, которые простирались не только на сферу бизнеса, но и затрагивали литературу, живопись, театр. В общем, искусство. И выходило так, что интуитивно угадывая людей способных ему помочь, Бурмин встречался с ними. С каким-либо взаимовыгодным предложением. А на самом деле получал от этого человека его связи. Все как говорится просто и понятно. Ну и самое главное, возможно.

Бурмин, узнав о заказе на Лисовского, поспешил встретиться с ним. Взамен он хотел

получить связи того в мире бизнеса. Лисовский должен был познакомить его со многими людьми. Причем как на деле оказалось, Лисовский действительно был знаком со многими. Но большинство из тех, кого он знал - до этого уже знал и Бурмин.

Зато связи в криминальном мире оказались для Бурмина неоценимыми. У него и раньше возникали кое-какие щекотливые ситуации, решить которые было возможно только приступив закон. Сам он сделать это не мог. Боялся правосудия. Выход был в связях с криминалом.

Но подобных связей Бурмин не имел. А потому вынужден был отказываться от довольно выгодных предложений. Теперь же, благодаря связи Бурмина с Лисовским, ситуация должна была измениться к лучшему. Что для этого нужно было сделать для Лисовского? Да тот и так был более чем благодарен.

Вообще-то, если разобраться, Бурмин не прочь был поучаствовать в экспериментах Васильева. О чем-то таком он даже подозревал. Хотя и не настолько, чтобы совсем отказаться от них. Знай он,

конечно, все что задумал Васильев, быть может, и отказался бы. Но он не знал. Хотя и о чем-то таком догадывался.

Об этом же, кстати, сказал ему и Лисовский, когда Бурмин несколькими штрихами обрисовал портрет Аристарха Игнатьевича.

--Нет, нет,--запротестовал Бурмин.-Васильев не настолько силен, чтобы мне чего-то бояться.

--Вы так считаете?-Лисовский посмотрел на Бурмина словно на наивного младенца.

--А вы полагаете иначе?-усмехнулся Бурмин.- Чтобы так считать, надо иметь какие-либо основания.

--Но разве вы не сказали...--начал Лисовский.

--Я вам ни о чем таком не говорил,--оборвал его Бурмин.-Знаете, я не очень люблю когда в дело вмешиваются какие-либо предположения.

--То есть, вы считаете...

--Давайте так,--строго посмотрел на него Бурмин.-Я с вами поделился кое-какой информацией, в обмен прошу предоставить ряд услуг и мне. И все.

--И все?-посмотрел на него Лисовский.

--И все,--выдержал взгляд Бурмин.

--Ну что же,--спокойно ответил Лисовский.-
Тогда спасибо вам. И когда я вам понадобится -
прошу располагать мной.

--Договорились.

На том они и разошлись.

А уже через несколько дней Бурмин узнал что
были убиты Бинго-Бонго и Читалунга. Киллеры
попали в засаду. Кто-то связал им руки и ноги, и
аккуратно перерезал горло.

Те, кто знал Бинго-Бонго и Читалунга, мог не
сомневаться, что сделать подобное было практически
невозможно. Слишком серьезная подготовка и опыт
был за плечами этих двух молодцев. Да вот кто-то
смог справиться и с ними...

.....

.....

У Васильева появились опасения за свою
жизнь. Но прошло несколько дней, а его никто не
трогал. Появившееся, было, у Васильева волнение
спало. Тогда-то его и убили. Выстрелом в затылок,

когда он входил в свой подъезд. Убийца стрелял из проезжавшего мимо автомобиля.

А еще через день погиб Бурмин. Смерть нашла его на пешеходном переходе, когда он переходил дорогу, и оказался сбит промчавшейся 'на красный' иномаркой.

Иномарку позже нашли брошенной в нескольких кварталах от места трагедии. Машина числилась в розыске.

Глава 8

Вайнштейн начал серьезно опасаться за свою жизнь после того как ему сообщили, что нанятое им детективное агентство прекращает с ним сотрудничество по причине убийства сразу трех лучших сотрудников, задействованных в деле Вайнштейна. Максим Израилевич понял, что убил их Лисовский. Ну, или тот, кто был связан с ним.

Так считал Вайнштейн, пока с ним неожиданно не встретился сам Лисовский.

--Ты меня в чем-то подозреваешь?-спросил он озиравшегося по сторонам Вайнштейна (Лисовский ни с того ни с чего оказался у него в офисе минуя многочисленную охрану, секретаршу, и прочих из тех, кто не только должен был не пускать к нему в кабинет посторонних, но и предупреждать обо всем попытках проникновения).

--Нет,--испуганно произнес Вайнштейн.-
Скажите, а как вы вошли?

--Через дверь,--спокойно ответил Лисовский.

--И вас беспрепятственно ко мне пропустили?-
не поверил Вайнштейн.

--А меня должен был кто-то задержать?-
усмехнулся Лисовский.

--Нет, но там же охрана...--смутился
Вайнштейн.

--Максим Израилевич,--посмотрел на него
Лисовский.-Я пришел к вам не обсуждать, почему
меня пропустила ваша охрана.

--Да, да,--спохватился Вайнштейн.-Слушаю
вас.

--Это, скорей, я вас слушаю,--усмехнулся
Лисовский.

--Извините,--удивленно посмотрел на него Вайнштейн (одновременно с удивлением читался страх).-Чем я могу...

--Значит так,--жестко произнес, перебивая его Лисовский.-У меня есть информация, что ты пытался заказать меня.

--Нет, нет, что вы,--испуганно произнес Вайнштейн.

--Не перебивай,--жестко ответил Лисовский, уставясь немигающим взглядом на Вайнштейна. Тот смутился, опустив глаза.

--Значит так,--продолжил Лисовский.

Неожиданно в приемной раздался какой-то шум и тут же в кабинет Вайнштейна влетели люди в масках.

--На пол, на пол, суки,--закричали те, скручивая Вайнштейна и Лисовского.

Лисовского увели. Вайнштейна оставили. Через время к нему заглянула испуганная секретарша.

--У нас есть коньяк?-произнес Вайнштейн. Голос его был тих. Секретарь скорее догадалась по смыслу, чем что-либо расслышала.

--Одну минуту,--попросила девушка.

Через минуту она принесла коньяк, рюмку, и нарезанные кружочками лимоны.

--Дурной вкус,--пронеслось в голове у Вайнштейна, когда его взгляд упал на лимоны. Пожив на Западе, он отвык от русской привычки заедать коньяк лимонами. Зная, что во всем мире это не принято. Даже было запрещено.

--Спасибо, Катенька,--поблагодарил он девушку.

Вайнштейну требовалось многое обдумать. Но самое главное, он хотел побыть один.

--Хотя никогда не знаешь что может оказаться самым главным,--подумал Максим Израилевич.

Спohватившись что не отдал соответствующие распоряжения секретарше, он нажал кнопку, попросил ни с кем не соединять, закрылся, и стало пить.

Требовалось выяснить, действительно ли жизнь повернулась к нему спиной? Или наоборот, все что произошло, пошло ему исключительно на пользу.

--Загадка,--подумал Вайнштейн, опрокидывая в себя коньяк, закусывая его долькой лимона, и закуривая.

--Загадка,--повторил он, задумавшись...

Часть 7

Глава 1

Выходило так, что Валентин Евгеньевич Лисовский подумал, что слишком много в его жизни случайностей. И по всему может случиться, что кто-то из тех, кто знает его, может подумать о нем что-нибудь не очень хорошее.

Речь шла об Антоне Гусарском. В первую очередь об Антоне Гусарском. Парне, которому очень хотел в этой жизни Валентин Евгеньевич помочь. Правда, в чем должна была заключаться эта помощь, до конца он еще не знал. Программа. Должна существовать какая-то программа. Именно так он ее озаглавил в своих мыслях.

Мысли Валентина Евгеньевича часто опережали происходящее с ним в реальности. Например, он уже как год работал над книгой. Это была его первая книга. Книга получалась

увлекательной. Хотя и весьма запутанной по содержанию.

Запутанность содержания была связана со сложными жизненными ситуациями, которые возникали вокруг Лисовского. Многие его считали убийцей. Хотя и уже получается, почти все, из считавших так, погибли. Ну, а как еще иначе? Он ведь не мог оставить их в живых. Иначе получилось бы, что он подписывает смертный приговор себе. И допустить такое...

К Валентину Евгеньевичу вернулась его былая хитрость и расчетливость. Какие-либо эмоции он оставил до лучших времен. Веря, что когда-нибудь такие времена наступят. И тогда он сможет расслабиться. Первый раз за долгое время расслабиться, став самим собой.

Пока это было невозможно. Оставались незавершенные дела. И живые люди. Жить которые были не должны.

Неожиданно Лисовский подумал, что может он излишне боится. И на самом деле...

--Нет!-- жестко оборвал он себя. --Начатое доведу до конца.

.....
.....

Многие из тех, кто когда-то насмеялся над маленьким Вале́й, унижая его за страсть к музыке - теперь были убиты. Он наказал их. Пусть и через тридцать лет, но он сделал то, о чем мечтал в детстве.

Но торжествовать победу было еще рано. Оставались в живых еще несколько человек, жить которые были не должны.

.....
.....

--Послушай,--обратился дядя Митя к Антону.-
А не думаешь ли ты, что ничего в действительности не происходило?

--Вам так кажется?-удивленно посмотрел Антон на приятеля отца и по совместительству одноклассника Лисовского.

--Ну да,--посмотрел сквозь очки на молодого человека дядя Митя.-Убийства есть. Трупы, вроде как, тоже есть. Но все словно бы и не на самом деле.

--Мне тоже так кажется,--признался Антон, устало опускаясь на стул (он зашел к дяде Мите в гости; посоветоваться).

--Ну вот и я говорю,--обрадовано посмотрел на него дядя Митя.-По большому счету, жизнь не такая уж простая штука, чтобы уметь нам все в ней разгадывать.

--Это так,--тяжело вздохнул Антон.

--Ну чего ты,--посмотрел на него дядя Митя.-Осталось, видимо, совсем немного. И все станет на свои места.

Антон непроизвольно поморщился.

--Что?-обеспокоено спросил дядя Митя.-Я сказал что-то не то?

--Да видите ли,--вздохнул Антон.-Факты как бы говорят о другом.

--О том, что все происходит в реальности?-догадался дядя Митя.

Антон кивнул.

--Ну...--задумался дядя Митя.-А нельзя ли...

--Нельзя,--Антон перебил, догадавшись о чем тот хочет сказать.-Нельзя. Я должен довести начатое до конца. Тем более что этим помимо меня занимается еще ряд персонажей. И если не я...

--В общем, ты заинтересован придти первым,-
-догадался дядя Митя.

--Да,--кивнул Антон.

--О`кей,--согласился дядя Митя.-Давай тогда подумаем что у нас есть. Взвесим факты. И попытаемся нащупать поведение преступника...

--Ты ведь по-прежнему полагаешь что это Лисовский?-посмотрел дядя Митя на Антона.

--И да и нет,--признался Антон.

--Видите ли,--сказал Антон, видя что дядя Митя смотрит на него с каким-то подозрением.-Среди произошедшего есть ситуации, в которых действовали уж слишком профессионально. Учитывая, если в своей жизни Лисовский сначала играл на скрипке, потом занимался спортом, а последние лет двадцать исключительно тренировал ребят. А тут...--он задумался.-Ну, как бы это объяснить. В некоторых случаях по почерку работали исключительно профессиональные киллеры. То есть люди, всю

сознательную жизнь занимающиеся убийствами и подготовкой к убийствам. И тренировками для последующего осуществления убийств. И если предположить, что работал Лисовский, то он должен быть киллером, то есть проходить специальную подготовку, которую, как мы знаем, он не проходил, работая подростковым тренером в детско-юношеской спортивной школе.

--Ты так считаешь?-уважительно посмотрел на него дядя Митя.

--Да,--кивнул Антон.-Именно так я и считаю. Поэтому и пришел поговорить. Есть неувязка...

--Да уж,--перебил его дядя Митя.-Хотя и...

--Что хотя?-посмотрел на него Антон.

--Видишь ли,--начал дядя Митя.-По сути, мы ведь и не знаем, кто такой Лисовский. К тому же нам совсем неизвестно кто на самом деле является убийцей. И судя по всему, я уже склоняюсь к мысли что работает целая группа. Видимо, здесь ты действительно прав.

--Но цель?-обернулся к нему Антон.

--Цель?-переспросил дядя Митя.

Антон кивнул.

--Цель пока неизвестна,--признался дядя Митя.

Глава 2

Карповичу сообщили дату защиты докторской диссертации. Все у него давно было готово. В своей защите он был уверен. Но вот казалась ему странной цепочка смертей, начиная от Бинго-Бонго и Читалунга, и заканчивая Васильевым. Слишком хорошими все эти люди были профессионалами, чтобы Карпович мог поверить в то, что кто-то мог их убить.

Однако факты говорили за себя. И было загадкой - имя убийцы.

.....
.....

Создавалось впечатление, что кто-то подтирает следы. Уж слишком расчетливо действовали преступники. И выходило, что

предположение Васильева оказывалось верным. Следующим мог оказаться Карпович. Ну, или одним из следующих. Ведь не могло так получиться...

Неожиданно мысли Карповича прервал телефонный звонок. На случайные телефонные звонки он не отвечал. Томас Рудольфович Карпович был напарником Васильева. Работая в одной организации, друг с другом они практически не были знакомы.

Так вышло, что Карповичу поручили тоже дело, что и Васильеву. Причем Васильев ни о чем не должен был догадываться. Начальство словно подстраховывало одного другим. Ставя на первый план выполнение работы. И предусматривая, что если найдет смерть один, то другой уж точно завершит начатое. Хотя Карпович не был уверен, что в деле нет третьего. Который должен был уже подстраховывать их обоих. Организация...

Томас Рудольфович был тучный мужчина, среднего роста, с густой кучерявой шевелюрой, длинными, спадающими на подбородок вдоль рта казачьими усами, и очень умными глазами. Хотя иной раз его глазки могли показаться кому-нибудь излишне

живыми и бегаящими. Но это скорей всего была конспирация. Карпович знал интерпретацию мотивов поведения индивида по повадкам того. И иной раз умело играл, симулируя тот или иной психотип.

Карпович был доктором медицины. Сейчас у него приближалась защита по психологии. Учиться он любил. К тому же было много идей, и еще больше гипотез, по ряду которым он и выходил на защиту.

.....

.....

Об участие Карповича в эксперименте знали не все. Поэтому Томас Рудольфович правильно рассудил, что после смерти Васильева возможные заказчики себя выдадут. Ввести в дело нового сотрудника всегда требует определенного времени. Времени, которое будет играть на руку преступникам. Поэтому руководство конторой прикрепило к заданию Васильева - еще и Карповича. И правильно сделало. Томас Рудольфович в течении нескольких дней вычислил убийцу. Ну, или вернее, возможного

заказчика. Но неожиданно почувствовал, что за ним следят. Кто? Карпович почему-то подумал что свои. На деле - о Карповиче узнали еще в бытность работы того с Васильевым. Причем, по всей видимости, не убили его только по причине, чтобы не демонстрировать свою излишнюю осведомленность в этом деле. Имитация отставания позволяла находиться на шаг впереди потенциального противника.

Глава 3

Любимцев смотрел в окно своего кабинета. Окна выходили на Литейный проспект. Движение тут было оживленное, центр города, пробки.

--А скажи, Марк Борисович,--обратился Любимцев к своему помощнику, стоявшему на вытяжку перед ним.-Можем ли мы как-то ускорить события?-Любимцев внимательно посмотрел на помощника. От его цепкого взгляда не спряталось вчерашняя пьянка помощника, и какие-то проблемы, которыми видимо был полон его мозг. Тогда как

Любимцев был заинтересован, чтобы его сотрудники всецело отдавали себя работе. И стремлениям к совершенству.

--Приболел,--признался помощник, заметив подозрительный взгляд начальника.-Уже как год не употребляю,--пояснил он.

--А что так?-усмехнулся Любимцев.

--Здоровье не то,--вздыхнул Марк Борисович Предельников.

--Да-а-а,--протянул Любимцев, делая несколько шагов по кабинету.-Не жалеем мы себя... В отпуске когда был последний раз?-повернулся он к Предельникову.

Тот неопределенно пожал плечами.

--Вот то-то и оно,--кивнул Любимцев.-Ну ладно. Значит так. Начатое пока ускорять не надо. Давай еще немного подождем. Пусть тот, кто убил Васильева, сам проявится.

Предельников внимательно посмотрел на шефа.

--Но держи руку на пульсе,--ответил Любимцев.-Сам инициативу не проявляй. Обо всем тут же докладывать мне. Все понял?

--Так точно,--отрапортовал Марк Борисович.-
Только...

--Что еще?-недовольно поморщился
Любимцев.

--У меня есть подозрения, что тот, кто убил
Васильева - знает о Карповиче.

--У тебя есть факты или это только
предположения?-уточнил Любимцев.

--Предположения,--ответил Предельников.

--Выяснить и доложить,--распорядился
Любимцев.

--Есть,--четко ответил Предельников.-
Разрешите идти, товарищ полковник?

--Идите,--ответил Любимцев.

.....

.....

После ухода Предельникова, полковник Любимцев решил что дело слишком затягивается. Это раньше можно было ждать, следить за развитием событий, анализировать получаемую информацию, пытаться просчитать ходы преступника. Но сейчас

получалось, что все оказывалось не так просто. А враг против них был не просто враг, а специалист высочайшего уровня. Поэтому и обводил он их пока вокруг пальцев. Заставляя попадать впросак при каждом разе, когда казалось что вот-вот и обозначилась жертва, а значит где-то рядом ходит и преступник.

На деле оказывалось иначе. У Любимцева почти не осталось сомнений, что Лисовский в деле замешан не был. Был кто-то другой, кто заставил верить всех в совершение преступлений Лисовским. Тем самым запутывая следствие. И вынуждая идти по ложному следу.

Глава 4

Трудно, очень трудно приходилось Антону Гусарскому. Если предположить, что ему открылся тайный смысл происходящего, то можно было бы считать, что Антон и не вынесет в свои молодые годы этот страшный груз, груз информации. Но можно было пока считать, что чего-то подобного еще не

произошло. Судьба словно берегла Антона. Предпочитая, чтобы он узнавал лишь часть информации, анализировал ее, и только потом получал следующую порцию.

Можно было предположить, что сам Антон с подобным бы не согласился. Он хотел всего и сразу. И по своему внутреннему укладу предпочитал лучше получить всю имеющуюся информацию. И только потом делать какие-то выводы. Выводы, может быть, большей частью и преждевременные. Но так было нужно. Все должно быть медленно и неправильно,-- вспомнил Антон любимую поговорку Венечки, ехавшего в Петушки.

--Все должно быть медленно и неправильно,-- повторил Антон. Неожиданно у него улучшилось настроение. Несмотря на юные годы (а Антону не было еще и двадцати пяти), настроение его иной раз зависело от погоды. Причем Антон старался не делать из этого каких-либо выводов. Просто констатировал как факт. Пренеприятнейший, надо сказать факт. Хотя и, вполне могло быть, и не достоверный. Ведь согласно ему, в случае если Антон переедет обратно в хороший климат юга страны, где родился и вырос, то

настроение его сразу нормализуется. И все пойдет путем.

--Бред,--недовольно пробурчал Антон.-В последнее время в голову его иногда приходили не очень хорошие мысли. Хотя скорее наоборот - именно в последнее время удавалось от таких мыслей отделяться. Заменяя их чем-нибудь позитивным.

Большинство из так называемой позитивной информации Антону приходилось придумывать. Но он относился к этому достаточно философски. Когда-то давно он загадал для себя достигнуть совершенства. Пусть со временем несколько раз менялись градации совершенства. Но с общей идеей молодой человек не расставался. И стремился к цели. К единожды поставленной цели. Предпочитая всегда идти до конца. Чтобы это не стоило.

--Стоять на месте - идти назад,--вспомнил Антон древнюю китайскую поговорку.

Можно сказать, что в последнее время молодой человек отошел от увлечения восточной философией. Но в целом, в душе у него сложилось положительное мнение о ней. Хотя и, большей

частью, он теперь увлекался философией западной. Антон даже подумывал получить соответствующее образование. Не потому, что ему не хватало имеющегося образования. Скорей всего причина тут крылась в элементарном желании поучиться еще. Да и можно сказать, что учиться Антон любил. Много времени ежедневно он занимался самообразованием. Прочитывал множество книг, газет, журналов. Антон стремился к знаниям. Стремился накопить в себе достаточное количество информации. Стремился знать если не все, то многое. И можно было сказать, что он был недалек от цели. Цель подчинялась ему. А что-то, что управляет нами свыше, считал Антон, - стремилось помочь ему.

--Здравствуй,--Антон вздрогнул от неожиданности. Обернувшись, он заметил стоявшего на пороге Лисовского.

--Здравствуйте, Валентин Евгеньевич,-- взял себя в руки Антон.-Проходите,--Антон отступил назад, приглашая Лисовского заходить.

Антон находился на даче. Адреса ее практически никто не знал. Антон только недавно ее купил. А фактически приехал только первый раз

после зимы. Дача представляла собой деревянный одноэтажный домик, с крыльцом и русской печкой. Участок несколько соток. Была еще банька. Но она требовала ремонта.

--Проходите,--предложил Антон, видя, что Лисовский не двинулся с места.

--Вы знаете,--посмотрел на него Лисовский.- Я, пожалуй, зайду в другой раз. Он развернулся и вышел.

--Что-то его насторожило,--подумал Антон, оглядывая комнату. Диван в углу. Стол в другом углу. Шкаф. Неожиданно взгляд Антона наткнулся на скрипку, висевшую на стене возле окна. Вернее, на футляр от скрипки.

Антон вышел на крыльцо, закуривая.

В отдалении он увидел фигуру Лисовского.

--Валентин Евгеньевич,--позвал его Антон.- Валентин Евгеньевич!

Лисовский обернулся. Антон замахал руками, приглашая заходить. Лисовский отрицательно покачал головой.

--Странно,--подумал Антон. Ему было действительно странно. В последнее время он многого

не понимал. Иные люди словно намерено совершали поступки, требующие отдельной интерпретации. Но если ко всему подходить всерьез, знал Антон, то можно было прослыть и за сумасшедшего. Ну, или человека с неадекватным поведением. Поэтому лучше было в его случае промолчать. Не делая иной раз, как вроде бы и напрашивавшихся выводов. Ну вот как в этот раз, когда Лисовский, который ушел...

--А, черт с тобой,--в последний раз Антон посмотрел на Лисовского, бросил окурок, и зашел вовнутрь дома. Почему-то ему показалось, что Лисовский обязательно вернется. Быть может сейчас он уже направляется к его дому.

Антон выглянул на улицу. Лисовский как раз в это время садился в остановившийся перед ним автомобиль. Автомобиль был старой иномаркой. И кому принадлежал, Антон не знал. Да он особо и не общался с местными дачниками, предпочитая одиночество.

--Антон Макарович, разрешите,--в комнату Антона просунулась лысая голова соседа по дачному участку. Ходили слухи, что сосед когда-то преподавал

химию в школе. Потом провел один неосторожный эксперимент и оказался на инвалидности.

--Разрешите,--спросил сосед, не решаясь за головой просунуть в комнату Антона еще и тело.

--Да что вы, право, Илья Михайлович,-- опешил Антон.-Прходите, пожалуйста. Я всегда рад вас видеть.

--Вы знаете,--Илья Михайлович стоял на пороге, переминаясь с ноги на ногу и по всему чувствуя сильное смущение.-Вы знаете,--посмотрел он на Антона.-Я бы не решился вас отрывать по видимому от важных дел... Но сложившиеся обстоятельства вынуждают меня к этому.

--Что случилось?-спросил Антон, подходя к бывшему учителю, беря его за локоть, и подводя к креслу, чуть надавливая на плечи учителя, опуская того.

Как только учитель оказался в кресле, он тут же благодарственно посмотрел на Антона. Мол, спасибо вам. Сам бы я никогда на такое не решился.

--Ну полно вам,-- улыбнулся Антон.-Не желаете ли выпить?-предложил он.-У меня есть хороший коньяк,--подмигнул учителю Антон.

--Нет, нет, что вы,--испуганно замахал руками учитель.-Я же не пью. Уже год как подшился.

--Вот те раз,--присвистнул Антон.-Не знал.
Извините меня.

--Да что там,--смутился учитель.-Вы знаете, а я ведь действительно пришел к вам по делу.

--По делу?-сделал удивленное лицо Антон.

--Да,--признался учитель, все также смущаясь и чувствую общую неловкость от ситуации. Впрочем, таким он был всегда,--как помнил Антон, видевший бывшего учителя несколько раз, и как он вспоминал, ни разу ни о чем кроме погоды доселе с ним еще не разговаривавший.

--Так что у вас ко мне за дело?-ободряюще посмотрел на учителя Антон.

--Видите ли,--начал учитель, смущаясь и запинаясь.-Даже не знаю как сказать...

--Как есть,--одобряюще похлопал его по плечу Антон.

--Все дело в том...

--Ну же!--про себя выругался Антон.

--Понимаете...--бубнил учитель.

--Вот же сука,-- подумал про себя Антон, приподнимаясь и нарочито медленно прохаживаясь по комнате. Всю жизнь Антон вынужден был держать себя в руках. Всю жизнь фактически он подстраивался под окружающих. А как иной раз хотелось послать тех...

--Видите ли...--продолжал бубнить учитель.

Антон подошел к еще больше смутившемуся учителю, и по-дружески его приобнял за плечи.

--Друг мой,--сказал Антон.-Скажи мне о чем ты хочешь сказать... Если это важно... Если не важно...

--Важно,--закивал учитель.

Антон внимательно на него посмотрел.

--Ну, в общем...--снова начал учитель...

Антон громко кашлянул.

--В общем, у меня ваш отец,--быстро произнес учитель.

--Что?-переспросил Антон, обескураженный услышанным.

--Ваш отец,--пояснил учитель.-У меня...

Антон быстрыми шагами прорезал комнату и вышел на крыльцо через сени, по пути запрыгивая в галоши.

--Пошли,--крикнул он замешкавшемуся
учителю.

Учитель тут же вышел.

.....

.....

В доме учителя отца не было. Антон
непонимающе уставился на учителя.

--Там... в бане...--смущенно заметил учитель.

Антон вышел из дома и направился в одиноко
стоявшей бане. Размер участка учителя был раза в два
больше Антона.

В бане отца тоже не было.

Антон сердито схватил учителя за грудки.

--А вот это уже излишне,--услышал он
знакомый голос.

Отпустив учителя, Антон обернулся на голос.

--Кто вы?-не понял молодой человек,
ожидавший видимо действительно увидеть здесь
своего отца.

С разных сторон выступили вперед молодые люди. Так что выход был заблокирован ими. Учитель исчез.

--Кто вы?-не понял Антон.

--Гусарский Антон Макарович,--спросил говоривший у Антона.

--Да,--кивнул Антон.-А вы кто?

--Пока это не важно,--вежливо произнес мужчина.-Прошу вас проехать с нами.

Антон усмехнулся.

--Руки,--раздался рядом с Антоном голос незнакомца.

Антон ударил на голос.

Тотчас же к нему метнулись несколько человек.

В завязавшейся потасовке.... В общем, у Антона не было шансов выстоять. Нападавшие все рассчитали грамотно. Антона скрутили. Руки заковали в наручники и вывернули назад.

Потом его посадили в автомобиль.

.....

.....

Высадили Антона на полпути. На дачу он
вернулся когда вечерело.

Глава 5

Лисовский снова начал действовать.

В течении нескольких дней он совершил два
новых убийства.

.....

.....

--Все говорит о том, что это действительно
Лисовский,--высказал свои предположения Карпович.

Полковник Любимцев загадочно на него
посмотрел.

--Что-то нет так?-не понял Карпович.

--Нет-нет, все в порядке,--поспешил ответить
полковник.-Продолжайте.

--После совершения первого за последнее
время убийства, Валентин Евгеньевич Лисовский

направился в бар, где основательно напился.

Признаться, раньше подобного он себе не позволял.

--Вы уверены?-внимательно посмотрел на него полковник.

--Ну, согласно моей информации это так,-- убедительно произнес Карпович.

--Хорошо,--кивнул полковник.-Что было дальше.

--А вот дальше выходит неувязочка,-- улыбнулся Карпович.-Лисовский встретился с... отцом Антона Гусарского.

--С погибшим отцом,--полковник вспомнил полученные когда-то данные от Васильева.

--Нет,--улыбнулся Карпович.-По нашим сведениям, отец Антона Гусарского не погиб.

--А кто был заинтересован чтобы считали иначе?- полковник внимательно посмотрел на Карповича. Лисовский?

--Да в том-то и дело, что Лисовский как будто тут и не причем,--раздумывая, произнес Карпович.

--Вы нашли тех других, кто заинтересован в искусственном запутывании ситуации,--спросил Любимцев.

--Нет,--признался Карпович.-По всему здесь задействованы наши коллеги.

--Разведка?-предположил полковник.

--Видимо да,--кивнул Карпович.-Хотя быть может я и ошибаюсь.

--Что-то вы мне не очень нравитесь в последнее время,--полковник Любимцев сделал несколько шагов в направлении от окна к рабочему столу.-Вы не хотите отдохнуть?-улыбаясь посмотрел он на Карповича.

--Да нет,--посмотрел на него Карпович.

--А если нет - то идите и работайте!- распорядился Любимцев.

--Есть,--щелкнул каблуками Карпович, подумав про себя, что дела видимо у Любимцева на самом деле плохи. Ходили слухи, что Любимцев не ладит с новым начальником Главка.

--Томас Рудольфович,--позвал Любимцев Карповича, который в это время подходил в двери.

Карпович обернулся.

--Не сердитесь на меня... Спокойно занимайтесь своим делом. Как будет готово - доложите. Договорились?

--Да все будет в порядке, Сергей Николаевич,-
- Сказал Карпович, дружелюбно посмотрев на
Любимцева.-Я все сделаю грамотно.

Любимцев пристально посмотрел на
Карповича и повернулся к окну.

В этот же день, возвращаясь с работы, 'Волга'
полковника Любимцева попала в ДТП. Во время
аварии полковник и его водитель погибли.

Временно исполнять обязанности Любимцева
стал Предельников. Который тут же вызвал к себе
Карповича, и велел прекратить дело Гусарского-
Лисовского.

Карпович подчинился. Он предпочитал
лишний раз не проявлять ненужную инициативу.
Памятуя, что любая инициатива - наказуема.

Глава 6

Антон понимал, что его, по сути, брали в
тиски.

Он уже не думал о самих убийствах. После
того как Антон встретился с отцом и действительно

осознал что тот был жив, в его голове все словно перевернулось. Хотя, конечно же, в какой-то мере он должен был уже давно быть готов к происходящему. К тому, что ситуация на самом деле не такая, как кто-то желал ее представить. И что на самом деле...

Антон не знал, что и как было на самом деле. Он только понимал, что ситуация представляет собой совсем не тот расклад, какой, быть может, вырисовывался у него ранее.

Загадочно стало поведение Тимина. Сосо Кибитович заявил, что окончательно определился с выездом за рубеж. Он уезжает жить в другую страну. В Англию. И оказалось, у Тимина было там жилье. Дом. И такой же дом, помнил Антон от покойного сына Тимина, у того был в Соединенных Штатах. Видимо на всякий случай.

И ведь не то что Тимин-старший считал, что ситуация в стране не стабильная. Скорее причиной были, в том числе, и те обстоятельства, в круговороте которых волей случая оказался и Антон.

.....

.....

Вайнштейн окончательно уехал за границу. Больше его ничего с Россией страной не связывало. В Испании у него был дом и семья. Девушка, с которой у него был роман и которую он поселил в своем доме, когда уехал по делам в Россию, позвонила и сказала что родила сына. Вайнштейн посчитал, что как раз тогда, когда он уехал в Россию, Пенелопа забеременела. Видимо в их прощальную ночь,-- подумал Максим Израилевич.

.....

.....

Какое-то время Антон искал Максакова. Но тот куда-то исчез. Совсем неожиданно, так же как когда-то и появился в его жизни. Да и, можно было сказать, что того и вообще не было. А все что произошло с Антоном - была иллюзия. Та самая иллюзия, к которой он фактически шел все время. Отдаляясь периодически от нее, а потом возвращаясь. Вновь и ненадолго.

И вполне можно было считать, что эта самая иллюзия уже окончательно подчинила Антона. И он на самом деле не был уверен, что происходило в реальности, а что было им выдуманно.

И только долгожданная встреча с Лисовским наконец-то расставила все на свои места. Как бы между делом, рассказывая о чем-то отдаленном, Валентин Евгеньевич поинтересовался как его рукопись.

--Ка-ка-я ру-ко-пись?--не понял Антон, медленно переспросив Лисовского, и поворачивая к нему голову.

Взгляд Валентина Евгеньевича был чист и свеж как у младенца. А еще этот взгляд был искренен. Очень искренен. Так, что поверить ему было нельзя.

--Моя рукопись,--улыбнулся Валентин Евгеньевич.-Та, которую я вам давал для опубликования в журнале.

--Ах, да,-- все понял Антон. Все понял и... смутился. Смутился, что так все вышло в последнее время странно и непредсказуемо.

И он понял, что все с ним приключившееся недавно -- фантазия. Самая настоящая фантазия.

Рукопись романа Лисовского была и на самом деле интересна. И достаточно увлекательна, чтобы на какое-то время подчинить себе реальность, простиравшуюся доселе перед Антоном.

--Вы дочитали ее?-поинтересовался Лисовский.

Антон кивнул.

--А как вам заключительные слова?-переспросил Валентин Евгеньевич. Мимика на его лице замерла в ожидании ответа молодого человека.

--Ой,--спохватился Валентин Евгеньевич.-Вы же, наверное, послесловия не нашли.

Антон неуверенно кивнул.

--Там на отдельном листике. Я прикрепил...

Лисовский стал пролистывать рукопись. По всему этот последний листочек отсутствовал.

--Ну как же это...--обескуражено повторял Валентин Евгеньевич, продолжая свои поиски.-Ведя я точно был уверен...

Наконец-то его лицо просияло. Он нашел то, что искал. И бережно положил листок перед Антоном.

--Это последние слова романа,--сказал Лисовский, загадочно смотря на Антона, словно ожидая похвалы.

Антон взглянул. Вот эти последние слова:

'И самое удивительное было то, что Антон Гусарский еще не знал, что Валентин Евгеньевич Лисовский на самом деле и был его настоящий отец.

--Жизнь есть жизнь,--сказал на прощание Валентин Евгеньевич.

Молодой человек посмотрел на него, не зная как реагировать на эти слова.

--Это правда,--кивнул Лисовский и снял шляпу. Конец'.

Сергей Алексеевич Зелинский.

1 мая 2007 г.

© С.А.Зелинский. Скрипач, или звонок из прошлого.

